

2021

Volume 15

No 3(57)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2021

Том 15

№ 3(57)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 78782. Подписано в печать 01.09.2021. Формат 240×170. Объем 170 с. Тираж 32 экз. Заказ № 21112. Цена свободная. Дата выхода в свет 30.09.2021. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Dementyeva V. V.

Marcus Antonius Orator and his quaestors: positions of imperium bearer and the order of lower magistrates' service under him.....306

Zakharova A. M., Kulikova O. D.

“The Saloons Must Go!”. “Anti-saloon League” and the Methods of Combating drunkenness at the turn of the XIX-XX centuries320

Atakishieva D. G.

The results of the referendum held on 28 October 1962 as reflected by “La Nation”334

Turianitsa D. A.

Online community of the Coloured people of South Africa: Vannie Kaap340

Bashkarev A. A.

Localization of vepsians hystorical toponyms in contemporary mapping350

Sidneva M. V.

From the History of Russian Hymnography of the Modern Period: the liturgical works of hieromonk Dimitry (Voskresensky).....360

LAW

Ivanchin A. V.

Once again about the basis of criminal liability in the aspect of modern criminal policy.....370

Ivanov A. B.

By trial and error: project creation problems of the Code of Basic Labor Laws of the USSR in 1925.....378

Roshchepko N. V.

Distributed volumes of health care provision as a criterion for the legality of its provision in the CHI system.....388

Balandin V. I.

About the basis and limits of criminalization of public spread of knowingly false information in the media and telecommunication networks.....398

Goncharova Y. O.

Some problems of analysis of types and forms of complicity
in international criminal law408

Nguyen S. N.

The question of “equality” in freedom of religion in Vietnam418

PSYCHOLOGY

Karpov A. V., Chemyakina A. V.

Psychological specifics of the professional activity of the subject-
information class.....422

Kiyatkina A.D., Shadrikov V. D.

Understanding as an uncertainty overcome434

Zhedunova L. G., Posysoev N. N.

Psychological features of perception and understanding of the text
by adolescents444

Soboleva T. N.

Objective degree of freedom in activity as the factor of professional
talent formation452

Drogavtseva E. A., Kurdyukova V. Y.

Civil identity as the basis of resistance to the negative informational
and psychological impact in the context of constitutional reform.....464

ИСТОРИЯ

Дементьева В. В.

Марк Антоний Оратор и его квесторы: должности носителя империя и последовательность нахождения при нем низших магистратов.....366

Захарова А. М., Куликова О. Д.

«Салуны должны уйти!». Антисалунная лига и методы борьбы с пьянством на рубеже XIX–XX века.....320

Атакишева Д. Г.

Результаты референдума 28 октября 1962 года во Франции в отражении газеты «Насьон».....334

Туряница Д. А.

Интернет-комьюнити цветных ЮАР: Vannie Kaap340

Башкарев А. А.

Локализация исторических вепских топонимов на современной картографической основе.....350

Сиднева М. В.

Из истории русской гимнографии Нового времени: литургическое творчество иеромонаха Димитрия (Воскресенского).....360

ПРАВО

Иванчин А. В.

Еще раз об основании уголовной ответственности в свете современной уголовной политики.....370

Иванов А. Б.

Путем проб и ошибок: проблемы разработки проекта Кодекса основных законов о труде СССР 1925 г.....378

Рощенко Н. В.

Распределенные объемы предоставления медицинской помощи как критерий правомерности ее оказания в системе ОМС388

Баландин В. И.

Об основаниях и пределах криминализации публичного распространения заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях.....398

Гончарова Ю. О.

Некоторые проблемы анализа видов и форм соучастия
в международном уголовном праве408

Нгуен Ш. Н.

Вопрос о «равенстве» в свободе вероисповедания во Вьетнаме418

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. В., Чемякина А. В.

Психологическая специфика профессиональной деятельности
субъектно-информационного класса422

Кияткина А. Д., Шадриков В. Д.

Понимание как преодоление неопределённости.....434

Жедунова Л. Г., Посысов Н. Н.

Психологические особенности восприятия и понимания текста
подростками.....444

Соболева Т. Н.

Объективная степень свободы в деятельности как фактор
формирования профессиональной одарённости452

Дрогавцева Е. А., Курдюкова В. Ю.

Гражданская идентичность как основа устойчивости
к негативному информационно-психологическому воздействию
в условиях конституционной реформы464

Marcus Antonius Orator and his quaestors: positions of imperium bearer and the order of lower magistrates' service under him

V. V. Dementyeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-306-319

Research article
Full text in Russian

The article examines controversial questions about what positions Marcus Antonius Orator held in 102-100 BC and in what order were the quaestors Caius Norbanus and Aulus Gabinius under him as the bearer of the *imperium*. The following historical reconstruction is proposed: sent in 102 BC in the position of praetor to Cilicia to fight pirates, M. Antonius continued his mission in 101 BC in the status of proconsul of the province of Asia. The Greek designation for the office of Anthony στραταγός ἀνθύπατος (IGRP 4.1116) is interpreted as a «proconsul». In the same 101 BC to him, the governor of Asia, Aulus Gabinius arrived as a quaestor (and not in 102 BC, as is often stated in historiography), who, most likely, remained with him in the status of proquestor for the 100th year. It doesn't not look possible for the author to determine the year of questorship of C. Norbanus under M. Antonius and assumptions in the scientific literature about 102, 101, 100 and 99 BC years are rejected in the article. According to the author, the questorship of Norbanus occurred some year earlier than 103 BC; at the same time dating to 113 BC is practically excluded. There are more reasons to believe that in the chronological period from the pro-praetorian powers of M. Antonius in 113 to his mission in Cilicia he was endowed with an empire in some year and had C. Norbanus as a quaestor, but due to the «silence» of the sources, it is not possible to establish this year.

Keywords: praetor; proconsul; quaestorship; *imperium*; *pro praetore*; *pro consule*; *quaestor*; στραταγός; στραταγός; ἀνθύπατος; ταμίαις

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dementyeva, Vera V. | E-mail: vv_dementieva@mail.ru
Doc. Sc. (History), Professor, Head of The Scientific
& Educational Centre for Classical Studies

Марк Антоний Оратор и его квесторы: должности носителя империя и последовательность нахождения при нем низших магистратов

В. В. Дементьева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-306-319
УДК 94(3)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуются дискуссионные вопросы о том, какие должностные позиции занимал Марк Антоний Оратор в 102–100 гг. до н. э. и в какой последовательности при нем – как носителя империя – находились квесторы Гай Норбан и Авл Габиний. Предлагается следующая историческая реконструкция: направленный в 102 г. до н. э. в должности претора в Киликию для борьбы с пиратами М. Антоний продолжил эту миссию в 101 г. уже в статусе проконсула провинции Азия. Именно как «проконсул» трактуется в статье греческое обозначение должности Антония *στραταγός ἀνθύλατος* (IGRP 4.1116). В том же 101 г. до н. э. к нему, наместнику Азии, в качестве квестора прибыл Авл Габиний (а не в 102 г. до н. э., как нередко утверждалось в историографии), который, вероятнее всего, и остался с ним в статусе проквестора на 100-й год. Определить год квестуры Гая Норбана при М. Антонии не представляется возможным, имеющиеся в научной литературе предположения о 102, 101, 100 и 99 гг. до н. э. в статье отвергаются. По мнению автора, квестура Норбана пришлась на какой-то год ранее 103 г. до н. э.; при этом датировка 113 годом до н. э. практически исключается. Больше оснований считать, что на хронологическом отрезке от пропреторских полномочий М. Антония в 113 г. до его миссии в Киликии он в какой-то год наделялся империем и имел при себе в качестве квестора Г. Норбана, но из-за «молчания» источников установить этот год возможности нет.

Ключевые слова: претор; проконсул; квестура; praetor; imperium; pro praetore; pro consule; quaestor; *στραταγός*; *στραταγός ἀνθύλατος*; *ταμίαις*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьева, Вера Викторовна

E-mail: vv_dementieva@mail.ru

Доктор исторических наук, профессор, руководитель

Научно-образовательного Центра антиковедения

На рубеже II–I вв. до н. э. Марк Антоний (Marcus Antonius Orator, 143–87 гг. до н. э.) принадлежал к числу самых заметных политиков и военачальников, достигнув вершины карьеры – магистратуры цензора в 97 г.

© Дементьева В. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

до н. э. Он был представителем плебейского рода, давшего видных деятелей римского государства, хотя самого Марка затмил известностью впоследствии его внук – член Второго триумvirата. Нарративная традиция сохранила о Марке Антонии ярко характеризующие его сведения – так, Цицерон восхищался им, своим учителем, как великим оратором и самым востребованным адвокатом (Cic. *Brut.* 37–39, 44, 57); Валерий Максим писал о нем в связи с обвинением в инцесте в период квестуры 113 г. до н. э. (Val. *Max.* III. 7. 9; VI. 8); Аппиан (App. *BC.* I. 72) и Плутарх (Plut. *Mar.* XLIV) рисовали картину его убийства, штрихи к которой (и, в целом, к портрету М. Антония) содержатся в периодах Ливия (Liv. *Per.* 80), эпитамах Флора (Flor. II. 9. 13), в сочинении Веллея Патеркула (Vell. *Pat.* II. 22) и произведениях других авторов.

Карьера М. Антония имела решительный взлет: став в 113 г. до н. э. квестором, он получил в том же году полномочия *pro praetore* (обоснование этого см.: [1]), т. е. уже на нижней ступени *cursus honorum* выступал в роли промагистрата с империем. При относительно немалом количестве упоминаний М. Антония в источниках ряд моментов, связанных с его продвижением по должностной лестнице, являются дискуссионными, так же как вызывают разногласия у исследователей датировки нахождения при нем низших магистратов (квесторов) в то время, когда он являлся высшим магистратом (консулом или претором) или промагистратом (проконсулом или пропретором). На этих моментах и сосредоточим внимание в данной статье, а именно на определении должностного статуса Марка Антония в период 102–100 гг. до н. э. и последовательности нахождения при нем – как носителя империя – названных в нарративных текстах и эпиграфическом памятнике в связке с ним квесторов Авла Габиния и Гая Норбана.

В недавнем исследовании по римской квестуре (оно же является первым монографическим трудом по ней в мировой историографии) Франсиско Пина Поло и Алехандро Диас Фернандес обратились к последнему из перечисленных выше вопросов [2, р. 214, 262, 289], однако, приводя имеющиеся точки зрения, упустили из виду таковую Френсиса Ксавье Раяна [3], не включив его статью по этому поводу в список использованной литературы (хотя привели в нем 24 других его работы) [2, р. 362]. Это также заставляет меня еще раз проанализировать имеющиеся античные свидетельства и трактовку их антиковедами.

Для начала следует обратить внимание на отражение в античной традиции и эпиграфических памятниках должностного статуса самого Марка Антония в период 102–99 гг. до н. э. (более ранний период в его карьере я уже затрагивала). Полагаю, что надо не изолированно решать вопросы о должностях М. Антония и годах нахождения квесторов А. Габиния и Г. Норбана при нем (обычно эти сюжеты рассматривались по отдельности), а в тесной связке.

Проблем с определением положения Марка Антония на служебной магистратской лестнице в 99 году до н. э. не возникает. Авл Геллий (IV. 6. 2)

называет Марка Антония консулом в паре с Авлом Постумием, что соответствует фиксации этой пары на 99 г. до н. э. в capitoлийских фастах [4, р. 27]: M* ANTONIVS * M * F * M * A * P O s t u m i u s ... f ... n a l b i n u s. (CIL I.1². P. 27).

Имеется надпись на статуе Марка Антония, которая была посвящена богам на Делосе жителями этого острова тогда, когда он уже достиг вершин карьеры. Она найдена у портика Филиппа. В издании *Inscriptions de Délos* [5, р. 97] надпись (№ 1700) дана следующим образом:

Μάαρκον Ἀντώνιον
 Μαάρκου υἱόν, στρατηγόν
 ὕπατον, τιμητήν,
 Δήλιοι τὸν ἑατῶν πάτρωνα
 εἰς Ἀπόλλωνι, Ἀρτέμιδι, Λητοῖ.

Словом *στρατηγός/στραταγός* греческие авторы могли обозначать статус любого военачальника, даже легата [6, р. 7 (со ссылкой на Аппиана – App. BC. I. 91. 241; II. 29. 115)]; см. об этом [7, с. 59]. Две высшие магистратские должности с империем – консула и претора – могли передаваться на греческом языке с использованием понятия *στρατηγός/στραταγός*; консул часто обозначался *στρατηγός/στραταγός ὕπατος*, но мог и просто *ὕπατος*. Слово *στρατηγός/στραταγός* могли применять в качестве первой части обозначения должности по отношению к разным магистратам (например, *στραγός αὐτοκράτωρ* – диктатор; *στραταγός ἀνθύπατος* – проконсул), но, отдельно использованное, оно обычно обозначало претора. Проблема понимания приведенной надписи сводится к тому, ставить ли запятую после *στρατηγόν* перед *ὕπατον* или понимать эти два слова как обозначение должности консула, т. е. ставить запятую уже после данного словосочетания. В любом случае, поскольку далее упоминается цензорская магистратура Антония, то естественно считать, что в надписи речь идет, как минимум, о его консулате и цензуре, а как максимум, – перечисляются три высшие должности римского *cursus honorum*.

Именно как названия трех должностей понял перечисление терминов, обозначающих высшие римские магистратуры, Теофил Омолль, расставив соответствующим образом запятые в своей реконструкции текста [8, р. 133]:

ΜΑΑΡΚΟΝΑΝΤΩΝΙΟΝ	Μάαρκον Ἀντώνιον,
ΜΑΑΡΚΟΥΥΙΟΝΣΤΡΑΤΗΓΟΝ	Μαάρκου υἱόν, στρατηγόν,
ΥΠΑΤΟΝΤΙΜΗΤΗΝ	ὕπατον, τιμητήν,
ΔΗΛΙΟΙΤΟΝΕΑΤΩΝΠΑΤΡΩΝΑ	Δήλιοι τὸν ἑατῶν πατῶνα,
ΑΠΟΛΛΩΝΙΑΡΤΕΜΙΔΙΛΗΤΟΙ	Ἀπόλλωνι, Ἀρτέμιδι, Λητοῖ.

Однако Морис Олло отказался от такого понимания перечисления должностей М. Антония, выделив обозначение *στρατηγός ὕπατος* как единый термин [9, р. 83–85]. П. Руссель и М. Лонэ тоже, как видим в приведенной выше реконструкции текста, последовали его примеру [5, р. 96–97].

Оба варианта имеют право на существование, но в данном случае более вероятно все же, что в надписи перечислены все три высшие должности, ко-

торые занимал Марк Антоний. Поэтому воспроизведем текст надписи в таком виде:

Μαάρκον Αντώνιον Μαάρκου υἱόν, στρατηγόν, ὑπάτον, τιμητήν, Δήλαιοι τὸν ἐαυτῶν πάτρωνα Απόλλωνι, Αἰρέμιδι, Λητοῖ.

И дадим перевод:

«Делосцы {статую} Марка Антония, сына Марка, претора, консула, цензора, своего патрона {посвящают} Аполлону, Артемиде, Лето».

Как представляется, вряд ли бы при посвящении статуи и составлении на ней этой надписи ее адресанты упустили преторскую магистратуру объекта своего почитания, поскольку выполнение им в этом статусе возложенных на него задач создало ему громкое имя (он стал триумфатором). Речь идет о предоставлении ему руководства операциями на море в 102–101 гг. до н. э. [10, с. 46–55]. М. Г. Абрамзон полагает, что эта миссия была поручена Антонию под влиянием торгово-финансовых кругов, и обосновывает, что Марк Антоний не только командовал морскими силами, но и проводил операции против пиратов в Киликии и на суше. Была ли Киликия аннексирована Марком Антонием и был ли он назначен в нее сенатом как во вновь образованную провинцию, – вопросы остаются дискуссионными. М. Г. Абрамзон не исключает того, что М. Антоний был наместником провинции Азия, которому было дано специальное назначение в «Киликию» для борьбы с пиратами [10, с. 55].

В связи с указанной миссией М. Антония особый интерес представляет еще одна надпись с его именем (IGRP 4.1116), найденная на острове Родос:

[Μ]άρκου Αντωνίου στραταγοῦ ἀνθυλά / [του καὶ] Αὔλου Γαβεινίου τ[α]μία Ῥωμαίων ἐς [Κ]ιλίκιαν.

Возникает опять-таки вопрос: понимать ли словосочетание в генетиве *στραταγοῦ ἀνθυλάτου* как «претора вместо консула» или же просто как «проконсула»? Обращение к античным авторам не проясняет ситуацию. Тит Ливий называет М. Антония претором в период его борьбы с пиратами в Киликии (Liv. Per. XLVIII): “M. Antonius praetor in Ciliciam maritimos praedones – id est piratas – persecutus est”. Цицерон же от лица М. Антония формулирует его тогдашнее положение как проконсульство: “tamen cum pro consule in Ciliciam proficiscens venissem Athenas” (Cic. De or. I. 82).

Е. Клебс, автор статьи о Марке Антонии в Realencyclopädie, стремясь состыковать сведения источников о претуре и проконсулате М. Антония в период его борьбы с пиратами в Киликии, пришел к выводу, что тот являлся претором с полномочиями проконсула: будучи претором, он получил назначение как проконсул в Киликию (будущую провинцию, а тогда – территорию военных действий против пиратов) [11, Sp. 2590–2591]. Однако против такой трактовки можно возразить, что для борьбы с пиратами статус претора, магистрата с империем, был более чем достаточен, никакого дополнительного проконсулата к нему добавлять для этой цели не требовалось, тем более, если Киликия не была еще провинцией как административно-территориальной единицей. Да и вообще, статус «претор вместо кон-

сула» (*praetor pro consule*) вне пределов Рима выглядит несколько странно: для ведения любых дел было достаточно как преторских (магистратских) отдельных полномочий, так и проконсульских (промагистратских) – совмещать их у одного лица не было никакого резона.

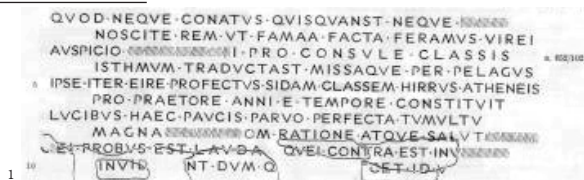
Элеонор Голтц Хазар, автор биографического труда о М. Антонии–триумвире, делая экскурс о деятельности его деда, отмечает, что к 102 г. до н. э. политическая карьера Марка Антония Оратора достигла полной славы; как претор, управляющий римскими портовыми пунктами на киликийском побережье, Антоний получил первое особое командование против пиратов, чьи крепости находились вдоль этого скалистого южного побережья Малой Азии, и это командование, на ее взгляд, даже включало «власть над другими наместниками провинций». Э. Хазар так определяет должностной статус М. Антония: претор в 102 году, пропретор в 101–100 гг. до н. э., возможно, с проконсульским империем [12, р. 13–14]. Томас Роберт Броутон рассматривал М. Антония в 102 г. как претора, в 101 г. как проконсула, не называя провинцию, но отмечая его борьбу против пиратов, в 100 г. – как проконсула в Киликии [13, р. 568, 572, 576].

Жан Луи Феррари связывает М. Антония с провинцией Киликией в 102 г. до н. э. (и в том же году Г. Юлия Цезаря с провинцией Азией), а для 100 г. до н. э. в графе провинции Киликии своей таблицы ставит знак вопроса вместо имени; с провинцией же Азия приблизительно около 100 г. он связывает еще двоих – М. Плавтия Гипсея и М. Юния Силана, но точного года для каждого из них не определяет [14, р. 167, 171–173, 192].

М. Г. Абрамзон несколько раз делает глухую отсылку к приведенной мною выше надписи с о. Родос, один раз замечая, что в ней упоминается Авл Габиний, квестор Марка Антония, претора Киликии [10, с. 47], а в другом месте пишет следующее: «... в надписи IGRR, IV, 1116, посвященной родосцами капитану, который плывал с Антонием к берегам Киликии, последняя упомянута точно в своем географическом значении» [10, с. 54]. Вряд ли, конечно, квестора Авла Габиния можно назвать капитаном, во всяком случае, не ясно, из чего это следует (наличие «флотских квесторов» для меня более чем сомнительно [см: 15, с. 54–59; 16, с. 66–69]), но данное и другие наблюдения М. Г. Абрамзона приводят его к утверждению, что, несмотря на объявление в *Lex Cnida* (III. 35–37) Киликии «преторской провинцией», свидетельств существования провинциального образования не имеется. М. Г. Абрамзон подчеркивает: «Закон 102 г. до н. э., говоря об управлении восточными провинциями, называет только две из них – Македонию и Азию. Что касается Киликии, то в терминах римского права она была лишь зоной военных действий претора» [10, с. 54]. Российский антиковед, специалист по региону, таким образом, признает, что «в действительности в этот период на Востоке существовало только две ординарные римские провинции – Македония и Азия» [10, с. 49]. Отталкиваясь от этой констатации, я полагаю, что логически увязать сведения наших источников о статусе М. Антония в 102–100 гг. до н. э. можно следующим образом. В 102 г. он, находясь в должности прето-

ра, был послан против пиратов в Киликию. На следующий, 101-й год, его преторские полномочия истекли, он мог бы быть оставлен в статусе пропретора до окончания своей миссии, которая закончилась в 101 г. до н. э., как это следует из работы М. Г. Абрамзона [10, с. 48]. И тогда на 100-й год он мог бы получить полномочия проконсула провинции Азия. Но надо учесть сведения Цицерона (проконсул, действующий в Киликии), которые заставляют меня считать, что уже на 101-й год Антоний получил полномочия проконсула провинции Азия, продолжая вести борьбу с пиратами в Киликии. Пропретор и проконсул за пределами Италии – это фактически один и тот же объем власти, – выбор, осуществлявшийся сенатом, определялся значением провинции и сложностью военной обстановки в ней. В Азию традиционно назначали проконсулов, что и обусловило – по нашим рассуждениям – смену названия должностного статуса Марка Антония (вместо пропретора – проконсул). Можно привести аналогию: Гай Юлий Цезарь, отец диктатора, после занятия претуры получил назначение в провинцию Азия как проконсул, а не как пропретор.

Имеется еще один эпиграфический документ из Коринфа (CIL I². 2. 2662)¹, в котором стертое имя проконсула реставрируется как Марк Антоний. Речь в нем идет о передвижении римского флота под командованием этого проконсула через Истм к Сиде и о подготовке флота другим должностным лицом – пропретором Гирром (Hirrus) в Афинах². Хотя полной уверенности в том, что упоминаются именно интересующий нас в данном случае Марк Антоний и события рубежа самого конца II в. до н. э. (а не 70-х гг. I в. до н.э.), нет, исследователи отдают предпочтение ему. В таком случае это укрепляет нас в предположении, что если на 102 г. М. Антоний был претором, то уже на 101 г., продолжая руководить военными действиями против пиратов, он получил назначение как проконсул провинции Азия, ибо «в качестве базы и источника средств Антонию могла быть предоставлена только провинция Азия» [10, с. 48]. В конце 100-го года он вернулся в Рим, поддерживал Мариа в его борьбе против Сатурнина, но находился в разгар беспорядков (10 декабря – App. BC. I. 33, см.: 13, p. 569) с войском за пределами померия, как следует из речи Цицерона в защиту Рабирия (Cic. *Pro Rab.* 26). М. Антоний не пересекал границу Рима потому, что ожидал триумф (о триумфе сообщает и Плутарх, как и о том, что пираты захватили дочь Антония, которую он выкупил за большую сумму – Plut. *Pomp.* 24) Избирательную кампанию по выборам в консулат на 99 г. до н. э. М. Антоний, в таком случае, вел заочно.

² Т. Р. Броутон определял статус Гирра как *legatus pro praetore* для 102 и 101 гг. до н. э., предположив, что личное и родовое имя Гирра были Гай Луцилий (С. Lucilius). См.: [13, p. 569, 573].

Если следовать приведенным рассуждениям, то *στρατὰὺς ἀνθύλατος* в надписи с острова Родос (IGRP 4.1116) нужно понимать как «проконсул» и относить ее к 101 г. до н. э., поскольку для 102 г. Марк Антоний должен бы быть обозначен как *στρατὰὺς* (отдельным словом). Если бы он не получил проконсульские полномочия на 101-й г., то при продлении ему империя на этот год для действий против пиратов на территории Киликии, еще бывшей не ординарной провинцией (административно-территориальным образованием), а преторской провинцией (в значении «сфера деятельности претора»), его статус пропретора должен был бы передаваться по-гречески как *ἀντιστράταυος*. Добавим к тому же, что понимание *στρατὰὺς ἀνθύλατος* как «претор вместо консула» теоретически могло бы соответствовать положению М. Антония в 102 г. до н. э., если бы борьба с пиратами в Киликии требовала консульского/проконсульского статуса, который – в отличие от управления провинцией Азия год или два спустя – совершенно не требовался. Быть назначенным как *praetor pro consule* в провинцию Азия (даже если допустить, что такой статус давался претору вне Италии) в 102 г. до н. э. он не мог, там в том году, если следовать Ж.-Л. Феррари, проконсулом был Г. Юлий Цезарь (а не в конце 90-х гг., по его мнению [14, р. 192]). Для 100 г. до н. э. такое понимание должности в греческом обозначении (претор вместо консула) гипотетически было бы возможно в том случае, если бы именно в этом году М. Антоний был претором, но это не соответствует его избранию претором на 102 г. до н. э.

Представив наиболее вероятный, на мой взгляд, порядок занятия должностей с империем Марком Антонием на рубеже II–I в. до н. э., перейду к запутанной ситуации с его квесторами. Историкам известны только два имени квесторов этого времени, связанных с ним, – Авла Габиния (A. Gabinius) и Гая Норбана (C. Norbanus), возможно имевшего когнмен Бальб (Balbus). Авл Габиний, как уже было сказано, назван в родосской надписи (IGRP 4.1116) в должности квестора при Марке Антонии (греческое *ταμίᾱς* – *quaestor*). Гай Норбан отмечен Цицероном – как бывший квестором М. Антония – в трактате «Об ораторе» (Cic. *De oratore*. II. 202) при описании защиты Антонием Норбана на суде через годы их совместной службы (в 95 или 94 г. до н. э., Э. Бэдиан наиболее вероятной датой считал начало 95 года [17, р. 320; 18, с. 166]): “hic Sulpicius, vere hercle, inquit, Antoni, ista commemoras... ut illud initio, quod tibi unum ad ignoscendum homines dabant, tenuisti, te pro homine pernecessario, quaestore tuo”. В 83 г. до н. э. Норбан достигнет консульской должности, о чем известно из разных источников (напр., капиголийских фаст – CIL I.1². P. 27), так же как и о том, при каких обстоятельствах завершилась его жизнь: он был внесен в первый сулланский проскрипционный список, бежал на о. Родос, где и покончил с собой (Oros. V. 21. 3; App. BC. I. 91). Но о его квестуре на рубеже II–I в. до н. э. точных хронологических привязок в источниках нет.

Фридрих Зобек, автор первой систематизации и хронологического упорядочения имен римских квесторов, в своей диссертации отнес деятельность Авла Габиния в этом статусе к 74 г. до н. э. [19, S. 41], посчитав, что упомяну-

тый в надписи М. Антоний – Марк Антоний Критский, сын Марка Антония Оратора. Квестуру же Г. Норбана Ф. Зобек продатировал так: 102 или 99 г. до н. э. [19, S. 25–26]. При этом Ф. Зобек посчитал Г. Норбана плебейским трибуном 105 г. до н. э. и, полагая, что обычно плебейский трибунал следовал после квестуры, определил противоречащей такой практике датировку квесторской должности Норбана 102 годом. Против датировки квестуры Норбана перед 105 г. до н. э. он привел следующий аргумент: в этом случае интервал с его претурой (88 г. до н. э.) был бы слишком большим, к тому же, как он считал, Марк Антоний не мог иметь соответствующую должность, чтобы при нем был квестор. Впоследствии Фридрих Мюнцер определил годом плебейского трибунала Норбана 103 г. до н. э. [20, S. 224], а при датировке его квестуры склонился к 102 году, аргументируя это тем, что Норбан через два десятка лет спасался на Родосе от проскрипций Суллы потому, что именно там мог найти защиту, т. к. родосцы в первую очередь поддерживали мероприятия по борьбе с пиратами Марка Антония, при котором в то время, по предположению Ф. Мюнцера, и был квестором Г. Норбан [20, S. 226]. Обоснование, данное Ф. Мюнцером, конечно, довольно шаткое, но исследователям приходится – в условиях ситуации с дефицитом источников – искать хотя бы слабые зацепки и приводить косвенные доказательства.

Вслед за Ф. Мюнцером год плебейского трибунала Г. Норбана как 103 г. до н. э. признал и Т. Р. Броутон [13, p. 563–564], согласившийся и со 102 г. как временем квестуры Норбана [13, p. 569; 21, p. 595], хотя не отвергал и возможность таковой в 101 г. [13, p. 566, n. 7] и в 99 г. [22, p. 149]. Квестуру А. Габиния Т. Р. Броутон поместил в 101 г. до н. э. [13, p. 572].

Однако другие историки стали отвергать 102 г. как год квестуры Гая Норбана, на том основании, что Лили Росс Тейлор сделала вывод, что уже с конца II в. до н. э. квесторам 5 декабря вручали магистратскую власть [23] (хотя, заметим, полной уверенности в этом не может быть). Получалось, что Г. Норбан только 9 декабря 103 г. должен был сложить полномочия плебейского трибуна, а в качестве квестора 102 г. обязан был вступить должность 5-го декабря. Сама Л. Р. Тейлор отнесла квестуру Г. Норбана к 101 году [23, p. 21, n. 3].

Эрих Грюэн исключил датировку квестуры Норбана 101 г. до н. э. [24, p. 105–107], отнеся к этому году квестуру А. Габиния и посчитав, что квестор должен был оставаться при высшем магистрате/промагистрате на протяжении всего времени его пребывания в провинции. В трактовке Э. Грюэна получалось, что в течение 102–100 гг., следуя данной практике, Габиний находился в Киликии вместе с Антонием. Однако такая практика пребывания квесторов при своих командующих в провинции как норма не подтверждается источниками [см. об этом: 25, с. 17–18]. Приведенные Э. Грюэном примеры не исчерпывают разнообразие ситуаций, противоположные примеры имеются тоже. Для квестуры Норбана Э. Грюэн считал «очевидной альтернативой» 99 г. до н. э., год консулата М. Антония.

Специальное внимание Гаю Норбану уделил Эрнст Бэдиан, опубликовавший с промежутком в четверть века две статьи, касавшиеся его деятельности [17 (перевод на русский язык – 18), 26], во второй из них английский исследователь утверждал, что Норбан был квестором М. Антония в 101 и 100 гг., до н., сменив на этом посту А. Габиния, квестора, по его мнению, 102 г. до н. э. Э. Бэдиан усматривал необычность *cursus honorum* Норбана, допуская, что его трибунат мог предшествовать квестуре, поддерживал Ф. Мюнцера в его предположении, что выбор Родоса в конце жизни Норбана может быть объяснен связями, возникшими во время его квестуры. При этом Э. Бэдиан полагал, что наложение по времени полномочий трибуна 103 г. и квестора 102 г. заставляет отнести квестуру Норбана к 101 году. Э. Бэдиан писал статью 1983 года в русле полемики с Э. Грюэном, в числе его контраргументов было наблюдение, что в период от конца Ганнибалловой войны и после Суллы от квесторов не ожидали, что они останутся с командующими до возвращения в Рим последних, они оставались с ними на год, самое большее – два, остальное не было нормальной практикой. Э. Бэдиан обращался и к фигуре интересующего нас Авла Габиния в статье, посвященной другому Габинию, консулу 58 г. до н. э. Габиния, квестора 102 года (как он считал), он идентифицировал с легатом 89 г. до н. э. в период Союзнической войны [27, р. 87–88]. Замечу, что автор монографии о легатах Римской республики Бернхард Шлойсснер отнес квестуру Габиния-легата к 101 г. до н. э. [28, S. 228], следуя, очевидно, Т. Р. Броутону.

Френсис Ксавье Раян в статье 1995 г. [3, р. 145–150] призвал отказаться от альтернативы в датировке квестуры Г. Норбана – 101-й или 99-й год. Он отметил, что, хотя ученые приняли 103-й год как наиболее вероятный год трибуната Норбана, этот консенсус не помог в разрешении спора по поводу даты его квестуры, и подчеркнул, что нет сильного аргумента в пользу 101-го или 99-го г.: *cursus* Гракхов показывает, что квестура была учреждена как должность, уступающая трибунату [3, р. 146]. Поэтому Ф. К. Раян считал необходимым определять год квестуры Норбана до года его трибуната. Он обратил внимание на то, что М. Антоний, при котором Норбан отмечен как квестор, обладал империем, будучи еще квестором *pro praetore*, и в таком качестве мог иметь под своим началом квестора [3, р. 148–149]. При этом Ф. К. Раян колебался, получил ли империй Антоний как квестор в 113 г. на короткое время или уже как проквестор в 112 г. до н. э. Поскольку Норбан стал консулом в 83 г. до н. э., то, отметил Ф. К. Раян, если его квесторство за 29 лет до этого кажется мало правдоподобным (хотя, замечает он, следует помнить, что квестору в этот период могло быть меньше 30 лет), то можно предложить еще один вариант: М. Антоний мог получить еще одно командование в качестве пропретора в промежуток между его квестурой/проквестурой в 113/112 гг. и его претурой в 102 году. Если М. Антоний, продолжал свою мысль Ф. К. Раян, достойно выступил при первом наделении его пропреторским империем, то сенат мог поручить ему другое военное командование, особенно в те годы, когда трудно было найти хоро-

ших командиров. На взгляд Ф. К. Раяна, гораздо предпочтительнее полагать возможность повторение статуса пропретора у Антония, чем предполагать, что Норбан занимал квестуру после трибуната. Ф. К. Раян допускал также, что Норбан мог быть квестором на 105-й год и служить легатом М. Антония в 102–100 гг., а с этого поста получить статус *pro quaestore*. В целом вывод Ф. К. Раяна о том, что исследователям в поисках года квестуры Норбана не надо заикливаться на периоде 102–100 гг. до н. э., когда Марк Антоний вел борьбу с пиратами в Киликии, представляется мне оправданным.

К сожалению, на эту работу Ф. К. Раяна не обратили внимание авторы монографии 2019 г. о римской квестуре Ф. Пина Поло и А. Диас Фернандес, которые взвешивали возможные варианты датировки квестур Г. Норбана и А. Габиния в рамках 102–99 гг. до н. э. и никак не отреагировали на позицию и аргументы своего предшественника. Написав, что «дать четкий ответ по этой проблеме непросто», они присоединились к точке зрения Э. Грюэна о том, что Габиний был квестором М. Антония в 102 г. и оставался с ним в 101 и 100 гг. (они уточнили при этом, что два последних года из этих трех он уже был не квестором, а проквестором). Квестуру же Норбана они посчитали «разумным» отнести к 99 г., году консульства М. Антония [2, р. 262, 289]. Ф. Пина Поло и А. Диас Фернандес скептически высказались о точке зрения Ф. Мюнцера и Э. Бэдиана по поводу обстоятельств нахождения Норбана на Родосе.

Изложив представленные в историографии разнообразные вариации исследовательских умозаключений, выстроим свою логику подхода к решению вопроса о последовательности нахождения двух известных по именам квесторов при Марке Антонии Ораторе. Самую важную информацию по данному поводу содержит надпись с о. Родос (IGRP 4.1116), датировка которой, как было показано, зависит от того, как понимать должность Антония, обозначенную по-гречески *στρατηγὸς ἀνθρατος*. Моя позиция была определена – это должность проконсула, наибольшая вероятность получения которой Марком Антонием в рассматриваемом трехлетии 102–100 гг. до н. э. приходится на 101-й год и продления на 100-й. И отсюда вытекает, что именно А. Габиния, упомянутого в родосской надписи вместе с М. Антонием, надо считать квестором 101-го года (в 100-м году в таком случае он мог быть проквестором, но не квестором), а не Г. Норбана. Куда же тогда хронологически отнести квестуру Норбана? Принимая во внимание исследовательский консенсус о том, что его плебейский трибунат пришелся на 103 г. до н. э., и сложность состыковки трибуната с квестурой следующего года из-за наложения сроков завершения одной должности и начала второй, а также нарушение практиковавшейся последовательности занятия квесторской и трибунской должностей, приходим к выводу, что 102-й год как год квестуры Норбана выглядит практически нереальным. Конечно, наблюдения в историографии о сроках сложения и начала полномочий в изучаемое время могут быть неточными, а плебейский трибунат не являлся ступенькой собственно магистратского *cursus honorum*, но тем не менее авторитет плебейского трибуна-

та в Риме был выше квестуры и обратная последовательность в их занятии выглядит проблематично. По той же причине сомнительно относить квестуру Норбана и к 99 г. до н. э. – следует в этом отношении согласиться с Ф. К. Раяном. Из известных нам лет наделения империем Марка Антония Оратора, в должностной связке с которым в роли квестора мог выступить Г. Норбан, остается 113 г. до н. э. Но, как было обосновано [см.: 1], Антоний, будучи сам в том году квестором, на какую-то часть этого года получил статус *quaestor pro praetore*. И в таком случае это произошло уже тогда, когда он находился в провинции Азия, следовательно, другого квестора, кроме него, там не было, и маловероятно, что ему могли откуда-то прислать для финансовых и других квесторских дел именно квестора (все избранные на тот год квесторы уже выполняли задачи в рамках своей сферы деятельности), а не, допустим, легата. Разве что Норбану даны были полномочия *legatus pro quaestore*, но магистратуру квестора он не успел бы занять в том году. Поскольку других вариантов для Норбана быть квестором в связке с М. Антонием – носителем империя – не обнаруживается, остается признать, как это сделал Ф. К. Раян, что Г. Норбан был квестором за пределами Италии при М. Антонии в какой-то год из тех лет (после 113 г. и до 102 г. до н. э.), для которых в источниках о Марке Антонии Ораторе нет никаких упоминаний, но в которые (какие-то/какой-то из них) он вполне мог быть наделен империем. В отличие от Э. Грюэна, который тоже относил квестуру Габиния к 101 г. до н. э., я не считаю его квестором и в 102 г., как это делал он. Квесторское должностное место этого 102 года при преторе М. Антонии, если оно ему было выделено, в моей логике рассуждений остается для историков «вакантным».

Таким образом, в предлагаемой исторической реконструкции М. Антоний Оратор в 102 г. до н. э. в статусе римского претора был отправлен в Киликию бороться с пиратами; эту миссию он продолжил в 101 г., но уже в статусе проконсула провинции Азия (которая была источником средств для выполнения этой миссии); назначение именно в нее Антония тем более было оправдано, поскольку она была ему знакома, – он был в ней *pro praetore* в 113 году. Статус Антония как проконсула (а не как пропретора) был обусловлен тем, что уже сложилась традиция в эту провинцию, как важную во многих отношениях, в том числе и военном, направлять проконсулов. В 101 г. к нему, как к наместнику Азии, в качестве квестора прибыл Авл Габиний, который, вероятно, и остался с ним в качестве проквестора на 100-й год. Определить год квестуры Гая Норбана при М. Антонии не представляется возможным; по всей видимости, она пришлась на какой-то год ранее 103 г. до н. э. Так как в имеющихся источниках перед киликийской миссией Антония отражен только один год, когда он обладал империем, – 113 г. до н. э., но сам был послан в том году в должности квестора в провинцию Азия и получил пропреторские полномочия только на какую-то часть года, это делает практически невероятным направление к нему другого квестора, а не легата и не промагистрата для исполнения квесторских функций. Тем самым остается считать, что на хронологическом отрезке от пропреторских пол-

номочий М. Антония в 113 г. до н. э. до его миссии в Киликии, начавшейся в 102 г. до н. э., он в какой-то, как минимум, один год наделялся империем и имел при себе в качестве квестора Г. Норбана, но из-за «молчания» источников точно определить данный исторический момент не представляется возможным.

Ссылки

1. Дементьева В. В. Делосская надпись с именем Марка Антония (ID.2 1603): к вопросу о греческой терминологии обозначения проквесторов с преторскими полномочиями // *TRIVM VIRATVS OPTIMORVM* / под ред. О. Л. Габелко и А. В. Мосолкина: СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021 (в печати).
2. Pina Polo F., Díaz Fernández A. *The Quaestorship in the Roman Republic*. Berlin/Boston: Klio Beihefte. De Gruyter, 2019. 395 p.
3. Ryan F. X. *The Quaestorship of Norbanus* // *C&M*. 1995. Vol. 46. P. 145–150.
4. *Fasti Capitolini* // *CIL* I.12. Berolini, 1893. P. 16–29.
5. *Inscriptions de Délos* / Published by P. Roussel and M. Launey. Paris, 1937. 350 p.
6. Mason H. J. *Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis*. Toronto, 1974. XXIII + 207 p.
7. Дементьева В. В. Родосская надпись (SIG3 745): что связывало грека Поликла с римскими должностными лицами? // *Lumen intellectus* [Свет разума]. Памяти Ии Леонидовны Маяк: сборник статей Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ им. П. Г. Демидова / отв. ред. В. В. Дементьева. Ярославль: Филигрань, 2019. С. 53–67.
8. Homolle Th. *Les Romains à Délos* // *BCH*. 1884. Vol. 8. P. 75–158.
9. Holleaux M. *Textes Gréco-Romains* // *REA* 1917. Т. XIX, № 1. P. 77–97.
10. Абрамзон М. Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. – 74 г. н. э.). СПб.: Аккра; Гуманитарная Академия. (Серия “*Studia classica*”), 2005. 256 с.
11. Klebs E. *Antonius (28)* // *RE*. 1894. Т. I. 2. Sp. 2590–2594.
12. Huzar E. G. *Mark Antony. A Biography*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1978. 350 p.
13. Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. I. Atlanta, Georgia, 1986. XIX+588 p.
14. Ferrary J.-L. *Les gouverneurs des provinces romaines d'Asie Mineure (Asie et Cilicie), depuis l'organisation de la province d'Asie Jusqu'à la première guerre de Mithridate (126–88 av. J.-C.)*. // *Chiron*. 2000. Bd. 30. P. 161–193.
15. Дементьева В. В. Римская квестура в III в. до н. э.: увеличение числа магистратов и их новые функции // *Вестник древней истории*. 2011. № 3. С. 53–70.
16. Дементьева В. В. Гавань Ostia / Portus: морские ворота Рима в процессе освоения и преобразования пространства // *Maria nostra: Море в истории европейской цивилизации от Античности до Нового времени: коллективная монография* / под ред. А. Н. Маслова и А. В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2020. Гл. 3. С. 64–83.

17. Badian E. Caepio and Norbanus: Notes on the Decade 100–90 B.C. // *Historia*. 1957. Bd. 6. P. 318–346.
18. Бэдиан Э. Цепион и Норбан (заметки о десятилетии 100–90 гг. до н. э.) / пер. А. Б. Егорова // *Studia historica*. М., 2010. Вып. X. С. 162–207.
19. Sobeck F. *Die Quästoren der Römischen Republik*. Trebnitz, 1909. 95 S.
20. Münzer F. Norbanus // *Hermes. Zeitschrift für Classische Philologie*. 1932. Bd. 67. S. 220–236. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55242p/f228.item.langDE> (дата обращения: 03.05 2021).
21. Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. Atlanta, Georgia, 1986. IX+647 p.
22. Broughton T. R. S. *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. III. Supplement. Atlanta, Georgia, 1986. IX+294 p.
23. Taylor L. R. Magistrates of 55 B.C. in Cicero's Pro Plancio and Catullus 52 // *Athenaeum. New Series*. 1964. Vol. 42. (1–4). P. 12–28.
24. Gruen E. S. The Quaestorship of Norbanus // *Classical Philology*. 1966. Vol. 61. P. 105–107.
25. Дементьева В. В. Квесторские provinciae за пределами Италии // *Вестник РГГУ (Российского государственного гуманитарного университета)*. *Studia classica et mediaevalia*. 8. 2011. № 14 (76)/11. С. 11–27.
26. Badian E. The Silence of Norbanus: A Note on Provincial Quaestors under the Republic // *AJPh*. 1983. Vol. 104. P. 156–171.
27. Badian E. The Early Career of A. Gabinius (Cos. 58 B.C.) // *Philologus*. 1959. Vol. 103. P. 87–99.
28. Schlußner B. *Die Legaten der römischen Republik. Decem legati und ständige Hilfsgesandte*. München, 1978. 255 S.

Список сокращений

- AJPh – American journal of philology. Baltimore (Md.): Johns Hopkins University Pr.
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique. Athènes: École française d'Athènes; Paris: de Boccard.
- C&M – Classica et mediaevalia.
- CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.
- ID – Inscriptions de Délos. Published by P. Roussel and M. Launey. Paris, 1937.
- IGRP – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. R. Cagnat et al. (eds). Paris, 1906–1927.
- RE – Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
- REA – Revue des études anciennes. Pessac: Université Michel de Montaigne, Maison de l'archéologie.

“The Saloons Must Go!”. “Anti-saloon League” and the Methods of Combating drunkenness at the turn of the XIX-XX centuries

A. M. Zakharova, O. D. Kulikova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-320-333

Research article
Full text in Russian

The articles based on a wide range of written and visual sources, and investigate the struggle for sobriety on the examples of the most famous organizations - the «Anti-Saloon League» (ASL) in the United States, XIX –XX centuries. In the United States of America in the XIX century, problem of alcoholism among the male population was relevant. Drunkenness has led to increase social problems. In the XIX century, there were public organizations that advocate for the restriction of consumption or the complete rejection of alcohol.

The most influential of them was the «Anti-Saloon League», which aimed to ban the consumption and production of alcohol in the United States. The article considers the activities of the League from the creation in 1893, to the adoption of the «prohibition law» in the United States in 1919-1920. The authors pay special attention to the League’s relations with the church and politicians, showing the role of the ASL in the adoption of prohibition. The article contains information about the leaders and activists of the organization (such as Wayne Wheeler, William Anderson, William Johnson, Ernest Cherrington), and the methods they used in the fight for sobriety. The «Anti-Saloon League» promoted intolerance towards alcohol, alcoholics and alcohol manufacturer. For that purpose, ASL held rallies, published newspapers and magazines, where printed cartoons, songs, tragic stories, and articles about the harmful effects of alcohol.

The League actively worked with young people and insisted for the introduction lessons of alcohol temperance in schools and universities. One of ways to fight for sobriety was discredit alcohol manufacturer through insults, provocations, nationalist attacks, etc. Some members of the League organized pogroms of drinking establishments. For acceptance the law on the prohibition of alcohol ASL practiced bribery and pressure to politicians, achieving the adoption of prohibition laws at the state level, and then at the national level. They tried to establish international relations with sobriety fighters from European countries. The result of many years of struggle was the adoption so-called «prohibition» in the United States. The leaders of the «Anti-Saloon League» made a significant contribution to the development of this law.

Keywords: USA; sobriety; Anti-saloon League; alcoholism; prohibition

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zakharova, Alena M. | E-mail: Alyona.Zakharova.mail@mail.ru
Freelancer

Kulikova, Olga D. | E-mail: kulikovao@rambler.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

© Zakharova A. M., Kulikova O. D., 2021

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

«Салуны должны уйти!». Антисалунная лига и методы борьбы с пьянством на рубеже XIX–XX века

А. М. Захарова, О. Д. Куликова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-320-333
УДК 94(73)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье на основании широкого круга письменных и изобразительных источников изучается борьба за трезвость в США в конце XIX – начале XX века на примере одной из самых известных организаций – Антисалунной лиги (АСЛ). В Соединенных Штатах Америки в XIX веке рост алкоголизма среди мужского населения привел к ряду социальных проблем. В XIX веке появляются общественные организации, выступающие за ограничение потребления или полный отказ от алкоголя. Самой влиятельной из них стала Антисалунная лига, ее целью был запрет на употребление и производство алкоголя. В статье рассматривается деятельность Лиги от ее создания в 1893 г. до принятия в США «сухого закона» в 1919–1920 гг. Особое внимание авторы уделяют связям Лиги с церковью и политиками, показывая роль АСЛ в принятии «сухого закона». Рассказывается о лидерах и активистах организации (таких как Уэйн Уилер, Уильям Андерсон, Уильям Джонсон, Эрнест Черрингтон) и методах, которые они использовали в борьбе за трезвость. Антисалунная лига вела пропаганду нетерпимости по отношению к алкоголю, алкоголикам и производителям спиртного. Для этой цели АСЛ проводила митинги, издавала газеты и журналы, где печатала карикатуры, песни, трагические рассказы, медицинские статьи о пагубном воздействии алкоголя. Лига активно работала с молодежью и настаивала на введении уроков воздержания от алкоголя в школах и университетах. Одним из способов борьбы за трезвость была дискредитация производителей алкоголя путем оскорблений, провокаций, националистических нападок. Некоторые члены Лиги устраивали погромы питейных заведений. Ради принятия закона о запрете спиртного АСЛ практиковала подкуп и давление на политиков, добиваясь принятия законов о запрете на уровне штатов, а затем и на национальном уровне. Были попытки наладить международные связи с борцами за трезвость из стран Европы. Итогом многолетней борьбы стало принятие в США так называемого «сухого закона».

Ключевые слова: США; трезвость; Антисалунная лига; алкоголизм; сухой закон

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Захарова, Алёна Михайловна | E-mail: Alyona.Zakharova.mail@mail.ru
Независимый исследователь

Куликова, Ольга Владимировна | E-mail: kulikova@rambler.ru
Кандидат исторических наук, доцент

С начала XIX века в США наблюдался рост потребления спиртного. В 1820-е гг. американцы стали массово производить дешевый виски из кукурузы. Соответственно выросло количество спиртовых заводов в стране. Тогда же появилось Движение воздержания, были организованы первые общества борьбы за трезвость, которые ратовали за умеренное употребление алкоголя. Ситуация обострилась в последней четверти XIX в. В страну хлынул поток мигрантов из Европы – Германии, Ирландии, Италии, которые привезли в США свои традиции потребления спиртного. Резко возросло количество питейных заведений: трактиров, пабов, салунов; часть из них открывалась именно приезжими. Салун в конце XIX века стал своеобразным символом порока и пьянства.

Иммигранты, как правило, селились в больших городах на востоке страны. Многие исповедовали католицизм или иудаизм. Американцы были в большинстве своем протестантами и жили в небольших городах и сельских районах. Культурные и религиозные различия не всегда принимались населением. В обществе развертывалась внутренняя культурная война, которая повлияла на Движение за трезвость: пьянство ассоциировалось с традициями мигрантов.

Массовое производство алкоголя, развитие рекламы и возможность проводить досуг в питейных заведениях привели к тому, что к концу XIX в. число хронических алкоголиков возросло до трехсот тысяч, а количество выпитого алкоголя на человека в год равнялось 10 литрам стандартного 80-градусного ликера. Современники отмечали, что алкоголизм привел к росту социальных проблем: потере работы, бедности, распаду семей, росту числа преступлений и повышению уровня смертности. Изменились и цели Движения за трезвость – всё больше организаций стали бороться за полный запрет на продажу и производство спиртного.

Среди организаций, лоббирующей запрет на производство и продажу алкоголя, выделялась Антисалунная лига (АСЛ). Она внесла вклад в создание и ратификацию восемнадцатой поправки к Конституции, что означало принятие «сухого закона»¹. Девизом АСЛ стала фраза: «Салуны должны уйти!»

Антисалунная лига была создана в 1893 г. как государственное общество в Оберлине, штат Огайо. Ее влияние настолько быстро распространялось, что в 1895 г. она превратилась в Национальную организацию [1, р. 127–128]. Сильнее всего объединение выступало в районах, где преобладало сельское хозяйство. Оно получало большую поддержку от pietистских² протестантских священников и их общин. Их члены имели

¹ «Сухой закон» в США — национальный запрет на продажу, производство и транспортировку алкоголя, который действовал в США в 1920–1933 гг. Запрет был введен Восемнадцатой поправкой к Конституции США 16 января 1919 г.

² Пиетизм — изначально движение внутри лютеранской и реформатской церквей, характеризующееся приданием особой значимости личному благочестию, религиозным пере-

связи с Конгрессом и могли влиять на принятие того или иного закона, что привело к успеху.

АСЛ являлась протестантским церковным движением [2, р. 84]. Эрнест Черрингтон, один из лидеров АСЛ, говорил, что лига была «объединенным церковным воином, занимающимся свержением торговли спиртным» [3, р. 99–103]. АСЛ совместно с церквями вырабатывала методы борьбы. Так, например, она организовала для пасторов в более чем 2000 церквях Иллинойса обсуждение способов пропаганды Движения за трезвость [1, р. 56–58]. Вся деятельность Лиги считалась нравственной, потому что «она работала, чтобы исполнить волю Господа» [4, р. 279–280].

Основатель и первый глава Лиги Говард Хайд Рассел считал, что лучшее руководство выбирается, а не избирается. Он строил организацию снизу вверх, формируя местные объединения и поднимая наиболее перспективных людей к руководству на областном и государственном уровнях. Именно он впоследствии наставлял основных лидеров организации – Уэйна Уилера и Эрнеста Черрингтона. Кроме АСЛ, он учредил «Легион Линкольна», который пропагандировал подписание детьми и молодыми людьми обетов воздержания [5, р. 90]. АСЛ являлась беспартийной организацией и принимала в свои ряды мужчин и женщин.

Лидеры организации считали одним из способов борьбы с пьянством пропаганду ненависти и нетерпимости по отношению к алкоголю, пьяницам, производителям и распространителям алкогольной продукции [6, р. 26–27]. В 1909 г. была создана «Американская издательская компания» в Вествилле, штат Огайо, где находилась штаб-квартира Лиги. В течение первых трех лет своего существования издательство выпускало около 250 000 000 страниц в месяц. В 1910-х гг. АСЛ издавала газеты («Американский патриот», «Новая республика», «Национальная ежедневная газета») и журнал «Американская проблема». Они рассказывали про «героев битвы против распространения спиртного» и «врагов лиги», призывали своих читателей присоединиться к борьбе за трезвость, просили посылать письма политикам, печатали статьи о хроническом алкоголизме, его последствиях с медицинской и моральной сторон, публиковали истории людей, пострадавших из-за пьянства в семье.

В пример можно привести обложки газеты «Американский патриот» за 1912 г. На одной из них изображены мальчик и девочка, которые зимой стоят перед витриной магазина с теплыми пальто; их родители, по-видимому, не могут позволить купить им верхнюю одежду. По изображению можно понять, что редакторы АСЛ хотели обратить внимание на салуны и бары, которые забирают долю дохода у семьи: справа видна вывеска питейного заведения в форме бокала, а надпись внизу раскрывает

живаниям верующих, ощущению живого общения с Богом, а также ощущению постоянного нахождения под строгим и бдительным «Божьим оком».

нам смысл обложки – «тяжелая тень упала на детей» [7]. На первой странице майского выпуска 1912 г. мы видим диалог хозяина салуна и пивовара, которые стоят на могилах пьяниц. Владелец бара в красной жилетке и белом переднике жалуется на то, что лучшие клиенты уходят из жизни почти каждый день; пивовар предлагает ему пополнять ряды гостей салуна школьниками, которые изображены на заднем плане. Обложка призвала людей обратить внимание на то, что нахождение питейных заведений в городах может в худшую сторону повлиять на привычки и мысли молодого поколения [8].

После того как руководителем вместо Говарда Рассела в 1903 году стал методистский священник Пэрли Бейкер, он занялся сбором средств для создания крупной информационной кампании. Ее основной целью была демонизация производителей алкогольных напитков [4, р. 34–36]. Многие пивовары в США имели немецкое происхождение; Бейкер говорил, что «немцы едят как обжоры и пьют как свиньи» [9, р. 183–184]. На плакатах АСЛ их изображали в виде чертей, чьим единственным интересом стало производство пива в США и распространение алкоголизма [10]. Он утверждал, что «лига пришла не просто для того, чтобы создать небольшие местные объединения или обеспечить принятие нескольких законов, а для того, чтобы окончательно решить проблему со спиртным» [11, р. 78–79].

Известно, что многие политические деятели делали щедрые пожертвования в организацию взамен на популяризацию их политики в печатных изданиях Лиги. Лига не скрывала того, что иногда подкупала политических деятелей, если того требовала ситуация. Обычно такие меры предпринимались, чтобы оказывать давление на должностных лиц. На их противников она могла обрушить шквал оскорблений, сплетен и лжи, для укрепления позиций своего лидера. По мнению членов организации, достигнутая в итоге цель, а именно запрет на продажу алкоголя, оправдывала многие сомнительные действия [6, р. 28].

Третьим руководителем Антисалунной лиги стал Уэйн Бидвелл Уилер, назначенный на должность президента АСЛ в 1904 г. по настоянию основателя организации Г. Х. Рассела. Рассел увидел в Уилере «любящую, энергичную самоотверженную душу, которая жаждет помочь другому человеку» [12, р. 38–39]. Находясь на своем посту, Уилер выступал за то, чтобы сторонники запрета строго и безжалостно применяли законы, а не пытались ограничить потребление алкоголя посредством лечения и образования. Он был сторонником строгого и решительного принуждения в вопросе отказа от спиртного и писал, что «желает самых суровых наказаний, самой агрессивной политики, вплоть до призыва армии и флота, проведения самого беспощадного расследования» в отношении любого, кто связан с алкоголем [13, р. 144–145].

С первых лет своей карьеры в Лиге Уилер проявлял прекрасные организаторские способности и политическую хватку. Он стал инициатором политики давления, которой позднее дали название «Уилеризм».

Уилеризм включал в себя такие методы, как угроза опорочить партию в глазах избирателей, одобрение и финансирование противников и раскрытие личной информации. Все это делалось ради того, чтобы получить от лиц, находящихся у власти, поддержку в ограничении торговли алкоголем. Так, Уилер и члены АСЛ провели кампанию против Майрона Т. Херрика, который баллотировался на пост губернатора штата Огайо в 1906 году. Сам кандидат являлся республиканцем и консерватором. Он согласился поддержать местный проект Лиги с условием некоторых изменений, делающих запрет не таким строгим. Херрик прокомментировал это тем, что так законопроект точно пройдет на слушаниях, но членов Антисалунной лиги это не устраивало, и они направили свои силы и финансы на поддержку его оппонента демократа Джона М. Паттисона, который являлся ярким сторонником воздержания. В итоге второй кандидат победил и этот результат стал первой значительной победой АСЛ [14].

Под руководством Уилера лига полностью сосредоточилась на достижении запрета. Объединение поддерживало на выборах кандидатов, полностью основываясь на их позиции относительно запрета. При этом игнорировалась их партийная принадлежность или взгляды по другим вопросам. Уилер считал, что единственный способ противостоять влиянию производителей алкоголя – сосредоточиться на достижении национального запрета любыми необходимыми средствами. Именно в годы его нахождения во главе Антисалунной лиги было налажено множество двусторонних связей с государственными чиновниками, законодателями и членами Конгресса. С их помощью он повлиял на отмену Конгрессом вето на закон Уэбба-Кеньона. Этот акт запрещал транспортировку алкогольных напитков в штаты, которые имеют местные законы о запрете спиртного, даже в небольших количествах, предназначенных для индивидуального потребления. Президент США Уильям Говард Тафт 28 февраля 1913 г. наложил на него вето, полагая, что это поможет развиваться межгосударственной торговле. Но Сенат и Палата представителей совершенно неожиданно проголосовали против его наложения, тем самым показав, насколько могущественными стали сторонники АСЛ и Движения запрета [15, р. 279].

За этим последовало введение национального подоходного налога, санкционированного 16-й поправкой. До 1913 г. федеральное правительство зависело от налогов на спиртные напитки на 40 % годового дохода, но с подоходным налогом этот аргумент исчез [16, р. 120]. По мере того как сила Движения воздержания продолжала расти, Уилер расширял влияние АСЛ через другие союзы трезвости. Он поддерживал женское

избирательное движение в надежде на то, что женщины проголосуют за кандидатов от Антисалунной лиги, когда придет время. АСЛ сотрудничала и проводила совместные митинги с другими организациями, например с «Женским христианским союзом трезвости», на которых призывали употреблять воду вместо алкоголя. В итоге, после десятилетних попыток и усилий, Лиге и другим объединениям удалось добиться принятия в 1919 г. Восемнадцатой поправки, которая запрещала производство, транспортировку и продажу алкогольных напитков. Благодаря помощи членов АСЛ в 1920 г. ратифицировали девятнадцатую поправку к Конституции США, предоставляющую женщинам право голоса [12, р. 78].

В начале 1920-х гг. Уилер обладал достаточной властью. Он принимал участие в разработке закона Востеда, который предусматривал средства для обеспечения выполнения поправки о запрете, а также в составлении федеральных и местных законов, которые уточняли механизмы запрета. Влияние его распространилось и на Бюро по запрету алкоголя, предоставляющее ему контроль над кадровыми работниками, нанимающими сотрудников правоохранительных органов, ответственных за выявление и задержание производителей, распространителей и продавцов спиртных напитков. Как активный член Бюро, он был против добавления к промышленному алкоголю неядовитых денатуратов, таких как мыло, или других безвредных веществ. Он утверждал, что правительство не обязано защищать жизнь граждан, если они нарушают закон, употребляя алкоголь. В результате, уже во время введения «сухого закона», погибло от 10000 до 50000 человек от употребления промышленного спирта, после чего Уилер говорил, что жертвы добровольно совершили самоубийства [13, р. 203–205]. Его бессердечное отношение и отказ идти на компромисс в вопросе введения сухого закона начали менять отношение общественности к Антисалунной лиге, и влияние Уилера стало ослабевать. Кроме того, в 1926 г. члены Конгресса поставили под сомнение расходы Лиги на некоторые кампании в поддержку кандидатов. И вскоре Уилеру пришлось покинуть свой пост. Он умер в 1927 г., и после его смерти Лига отказалась от его политики. Тем не менее Уэйн Уилер сыграл важную роль в превращении Лиги в первую мощную группу политического давления в стране.

Ради осуществления цели участники Лиги использовали разные методы, в том числе неправомерные. Так, например, в 1909 г. несколько членов организации прибыли в Феникс, чтобы надавить на местную полицию, требуя отказать в выдаче лицензий заведениям, нарушающим режим или обслуживающим женщин и несовершеннолетних. Они предоставили свидетелей, которые дали показания о нарушениях. Одним из свидетелей был Фрэнк Шиндельбауэр, подросток из бедной семьи, который согласился указать на салуны, продававшие ему спиртное. В итоге заведения потеряли свои лицензии. Однако владельцы баров провели свое рассле-

дование и выяснили, что мальчик лжесвидетельствовал, после чего его заключили в тюрьму. Случай получил широкий общественный резонанс. Пресса изобразила Шиндельбауэра «невинным орудием» Антисалунной лиги, и он был помилован [17, р. 141].

Одним из самых успешных лоббистов Антисалунной лиги был Уильям Андерсен. Он начал пропагандировать «сухой закон» в штате Мэриленд, и с его помощью в 1893–1900 гг. было закрыто более тысячи питейных заведений в Балтиморе. Благодаря его действиям, лидеры организации пригласили его в Нью-Йорк, чтобы направить усилия на самый крупный город в США и повлиять на всю страну. Тактика Андерсена заключалась в использовании ложных слухов, поддельных документов, психологических атак на противников и запугивания. Один из пострадавших, спикер собрания штата Тадеуш Суит, писал, что Андерсон использовал воинственную тактику агрессивного политика, которой было достаточно, чтобы «кровь застыла в жилах, а волосы встали дыбом» [18, р. 17].

Агрессивные методы Уильяма Андерсона по отношению к законодателям и духовенству, которые не сотрудничали с ним, вызывали отвращение у многих людей. Противники обвиняли его в использовании Антисалунной лиги для личного продвижения, называли «врагом общественного блага», «грязным политиком» и «антихристом АСЛ» [19]. Однажды он сообщил 300 газетам информацию о том, что секретный «Фонд грязи» (Slush Fund)³ специально был создан противниками «сухого закона» для того, чтобы подкупать Нью-Йоркских законодателей. Он утверждал, что им дали деньги за голоса против закона, продвигаемого Лигой, и хотел вынести вопрос на обсуждение, появившись в Олбани на слушаниях по антиалкогольному законодательству. Но председатель собрания запретил Андерсону давать показания, если он не представит доказательств своих утверждений. Не имея возможности доказать это, он был вынужден стать обычным наблюдателем слушания, а информация в газетах была признана ложной [1, р. 78].

Еще одна стратегия Уильяма Андерсона состояла в том, чтобы настаивать на «местных альтернативных» законах запрета на алкоголь в небольших городах. Но после вступления США в Первую мировую войну ему пришлось остановить осуществление своей программы и создать новую стратегию, которая заключалась в приравнивании «сухого закона» к патриотизму. В годы войны Лига часто использовала эмоциональную

³ Фонд грязи (черный фонд) – фонд или счет, который не учитывается должным образом, например деньги, используемые для коррупционных или незаконных целей, особенно в политической сфере. Такие средства могут быть скрыты и содержаться отдельно от денег, которые используются в законных целях. Государственные или корпоративные чиновники могут использовать средства «грязи» для того, чтобы незаметно платить влиятельным людям в обмен на предварительную информацию (например, непубличную информацию в финансовых операциях) и другие услуги. Сами средства не могут храниться в тайне, но источник этих средств, способ их приобретения или цели их использования могут быть скрыты.

патриотическую риторику, основанную на антигерманских настроениях в обществе. В одном из памфлетов Лиги Андерсон писал, что «торговля спиртным является неамериканской, а прогерманской, преступной, расточительной, развращающей молодежь и разрушающей дома». Другая листовка спрашивала: «Как может любой лояльный гражданин, будь он «мокрый» или «сухой», голосовать за торговлю, которая помогает прогерманскому Союзу?» [20, р. 44]. Еще одна цитата в газете «Нью-Йорк Таймс» гласила: «Все в этой стране, что является прогерманским, является антиамериканским. Поэтому все прогерманское должно уйти» [21, р. 6].

В своих речах У. Андерсон нападал на евреев, ирландцев, итальянцев и других, чья культура обычно включала употребление алкоголя. Он описывал их как «немытых и диких иностранцев, которые не имеют никакого представления о духе Америки» [22, р. 4]. Крайне негативно Андерсон относился к католикам и обвинял католическую церковь в «нападении на закон и порядок». Он говорил, что католические лидеры пытаются отомстить протестантам путем срыва попыток ратификации «сухого закона» и возвращения салунов [23, р. 44].

Одним из знаменитых лидеров Антисалунной лиги был Уильям Юджин Джонсон. В 1889 г., когда штат Небраска, где в то время он проживал, был вовлечен в дебаты по поводу принятия местного закона о запрете, Джонсон выдал себя за противника «сухого закона», чтобы получить информацию от владельцев пивоварен и салунов. Это стало его визитной карточкой, и в дальнейшем он часто пользовался приемом, выдавая себя за пьяниц или иностранцев, таким образом собирая информацию против владельцев заведений [24]. Работая агентом индейской службы США в Оклахоме (1908-1911 гг.), он устраивался в салуны уборщиком, чтобы записывать все беспорядки, происходящие по вине алкоголя и азартных игр. Газеты называли его «джентльменом с поступью пантеры» за использование тактики «кошачьей» скрытности в преследовании подозреваемых на территории Оклахомы и за то, что на его ботинках всегда были резиновые каблуки. Таким образом, он получил прозвище – «кошачья лапка» (Pussyfoot) и под таким именем стал известен среди участников Движения Воздержания. Он добился вынесения более 4400 обвинительных приговоров [25, р. 102] владельцам заведений и конфисковал более 90000 бутылок ликера [26, р. 1]. Пострадавшие объединились, чтобы предложить вознаграждение за его смерть в размере 3000 долларов США. Узнав о награде, Джонсон перешел к другой тактике – ночным взломам, с помощью которых ему удавалось проникнуть в трактиры и бары незамеченным и устраивать в них погромы [25, р. 104].

После его отставки с Федеральной службы за чрезмерно радикальные методы борьбы с алкогольными заведениями он переехал в Канзас,

где разработал новые методы, которые впоследствии широко использовались Лигой. Например, он писал лидерам, выступающим против «сухого закона», называя себя пивоваром, и просил совета, как победить активистов Движения трезвости. Затем Джонсон публиковал полученные письма, чтобы смутить и дискредитировать оппозицию. Своими не всегда честными методами Джонсон гордился, открыто признавая, что ему приходилось лгать ради поддержки «сухого закона», и не стыдился этого [27].

В начале XX в. цели Антисалунной лиги стали более глобальными – принятие «сухого закона» не только в США, но и во всем мире. Ради пропаганды своих идей решено было отправить Уильяма Джонсона в Англию, как творческого человека и прекрасного оратора. 13 ноября 1919 г. он был схвачен толпой студентов-медиков во время выступления в Эссекс-холле и пронесен на носилках по улицам Лондона, прежде чем его успела спасти полиция. Во время драки он потерял глаз, так как один из учащих-ся бросил в него камнем. Сам Джонсон называл утрату хорошей инвестицией в дело запрета, что дало ему еще большую известность и сделало его мучеником за дело запрета. В апреле 1921 г. Джонсон был освистан на митинге во время кампании за ужесточение законов о запрете. очевидцы говорили, что толпа была настолько враждебна, что Джонсона пришлось окружить полицией и сопроводить в Детройд [27]. Причина такого недовольства англичан заключалась в нежелании принимать американскую политику и в том, что в Англии в то время не было таких масштабных проблем с пьянством, из-за которых следовало принимать столь радикальную меру, как полный запрет алкоголя.

В 1912–1926 гг. Джонсон работал главным редактором 35 изданий АСЛ, был директором издательской компании Лиги – «Эмиссия», тесно сотрудничал с Уэйном Уилером и Эрнестом Черрингтоном, работал над выпуском большого издания «Стандартной энциклопедии проблем алкоголя».

Однако стоит отметить и более мирные способы борьбы со спиртным, используемые АСЛ. Так, например, членами Лиги было написано несколько песен, которые распевались в церквях, на митингах или в семьях по праздникам. В источниках мы можем увидеть такие песни, как «Мир становится сухим», «Вперед, солдаты Воздержания» и «Добро пожаловать» [28]. Первая песня традиционно пелась на собраниях АСЛ, вторая была гимном всех борцов за трезвость, третью распевали как колыбельную. Кроме мелодий, активисты писали рассказы в прозе на тему губительных последствий употребления алкоголя. Например, «Мать Бесси», «Обвиняется в убийстве», «Холодная ванна Луи». Все эти произведения были написаны для детей, чтобы повлиять на них с самого раннего возраста. В каждой из историй показаны разные жизненные ситуации, происходившие по вине алкоголя, и делалась попытка научного объяснения вредного воздействия алкоголя на здоровье человека

и общество, но простыми понятными словами. В первом рассказывается о том, что матери приходится объяснять маленькой дочке, почему она должна отдать ее в детский приют: отец тратил все заработанные деньги на спиртное и после его смерти семья осталась без денег. «Алкоголь заставляет человека хотеть больше и больше, пока у него не появляется постоянный голод, который часто бывает сильнее, чем любовь мужчины к его семье», – объясняется в произведении [29]. Во втором рассказе обвиняемый в убийстве жены на суде заявил, что виновны в случившемся салуны и правительство, которое их не закрыло. Ведь если бы не салуны, он никогда не стал бы пьяницей. Он отмечал: «Вы узаконили салуны, которые сделали меня пьяницей и убийцей, и вы виновны со мной перед Богом и людьми за убийство моей жены» [30]. В третьем рассказе пьяный главный герой плыл на лодке с маленькой дочкой, не смог справиться с веслами, раскачав лодку, и девочка выпала за борт. Ее спас друг отца, доктор, который разъяснил виновнику, что алкоголь – яд, мешающий работе мозга: «Когда наши мозги говорят нашим рукам что-то делать, они должны быть в хорошем состоянии, или они прикажут нашим рукам сделать что-то ужасное. Ваш мозг подобен двигателю машины, и, если вы хотите, чтобы ваша машина работала хорошо, вы не должны ломать двигатель» [31].

Кроме песен и рассказов, Антисалунная лига выпускала черно-белые «мультфильмы» (комиксы), которые по факту являлись карикатурами и зарисовками на тему проблемы алкоголя и его воздействия на население. В одном из них мы видим образ «выпивки», тонущей в публичном осуждении, и его единственными друзьями являются только бездарность, бедность и порок. В другом показана «выпивка», которая выстроила свою алкогольную империю в каждом штате как домино, в виде книг, и только могущественная рука Конгресса может разрушить постройку. На еще одном изображении можно увидеть, как мать и ребенок страдают от бедности, не могут себе купить даже буханку хлеба стоимостью пять долларов. Объясняется это тем, что миллионы бочек отборной пшеницы расходуются на выпивку, тем самым ее не всегда хватает на производство хлебобулочных изделий; в результате они дорожают и становятся не по карману бедным семьям [32].

Следует обратить внимание и на листовки, которые составлялись как статистические данные о потерях во время Балканской войны 1912–1913 гг.⁴ по вине алкоголя. На первом листе описываются выводы врачей, находившихся рядом с солдатами во время военных действий. Врачи утверждали, что у мужчин, которые пили перед боем, раны заживали дольше, чем у тех, кто этого не делал. Кроме того, несчастные случаи

⁴ Балканские войны – две войны, произошедшие в 1912–1913 гг. незадолго до Первой мировой войны, в результате которых страны Балканского полуострова потеснили турок с европейской территории.

чаще всего происходили с хроническими алкоголиками, видимо, потому, что их действия были неточны из-за дрожи в руках и спутанных мыслей. Врачи писали, что спиртные напитки ухудшают кровь, раны заживают дольше, а сердце изнашивается в два раза быстрее и смерть наступит раньше. Также алкоголь иногда вызывал у мужчин приступы бреда, проявление которых серьезно угрожало жизни [33].

Ведущим журналистом и активным участником Антисалунной лиги, выступающим за мирные методы, был Эрнест Черрингтон. Он был убежден в том, что проблема алкоголизма должна быть решена путем просвещения общественности и правильного воспитания школьников и студентов. В 1920-х гг. Черрингтон издал небольшую брошюру в виде двухстраничного сложенного листка под заголовком «Образование сохранит запрет в Конституции», где рассказывал о необходимости включения уроков по воздержанию в школах, колледжах, молодежных церковных обществах, воскресных школах и университетах. Он отмечал, что образование способно разрушить вековые традиции употребления алкоголя [34].

Антисалунная лига была первой группой давления в США, организованной вокруг одного вопроса. Она применяла как мирные, так и агрессивные методы борьбы за «сухой закон», действуя через местные и национальные законодательные органы власти, используя широкую пропаганду в прессе и взаимодействие с другими организациями. Активисты Лиги видели себя проповедниками, выполняющими свой религиозный долг по уничтожению алкоголя в Северной Америке [35, р. 4]. В итоге АСЛ все же сумела достигнуть своей цели и 18-я поправка к Конституции в 1920 г. была принята. На пути к результату Лига игнорировала многие социальные проблемы, которые вызывал «сухой закон», такие как организованная преступность, бутлегерство, сокращение государственных доходов и смертность от некачественного подпольного спиртного. Все это подорвало общественное влияние организации, и она утратила свою власть. В 1948–1950 гг. объединение называлось Лигой трезвости, в 1950–1964 гг. – Национальной лигой трезвости, а с 1964 года – американским Советом по проблемам алкоголя. В настоящее время организация продолжает существовать и выполнять свою первоначальную задачу.

Ссылки

1. Odegard P. H. Pressure Politics: Story of the Anti-Saloon League. N. Y.: Columbia University Press, 1928. 255 p.
2. Rumbarger J. J. Profits Power and Prohibition: Alcohol Reform and the Industrializing of America, 1800-1930. N. Y.: State University of New York Press, 1989. 298 p.
3. Cherrington E. History of the Anti-Saloon League. Westerville: Yearbook, 1913. 134 p.

4. Chalfant H. The Anti-Saloon League – why and what? // The American Academy of Political and Social Science. Pennsylvania. June 12, 1923. No.109. P. 279–280.
5. Kerr A. K. Organized for Prohibition: A New History of the Anti-Saloon League. N Y.: Yale Univeristy Press, 1985. 293 p.
6. Burke W. The Anti-Saloon League as a political force // The American Academy of Political and Social Science. № 32. Pennsylvania. November 1, 1908. P. 26-37.
7. The American Patriot. Avril, 1912. Т.1. № 1 URL: <https://www.westervillelibrary.org/antisaloon-american-patriot> (Дата обращения: 23.02.2020)
8. The American Patriot. May, 1912. Т.1. №2 URL: <https://www.westervillelibrary.org/antisaloon-american-patriot> (Дата обращения: 23.02.2020)
9. Ellis M. German-Americans in World War I. Enemy Images in American History. L.: Routledge, 1997. 348 p.
10. Westerville public library. URL: <https://cdm15800.contentdm.oclc.org/digital/collection/p15800coll2/id/2565> (дата обращения: 23.02.2020).
11. Baker P. Statement Refuting Falsehoods and Reciting Facts. Westerville.: A Brown University Library Digital Collection, 1911. 124 p.
12. Okrent D. Last Call: The Rise and Fall of Prohibition. N. Y.: Scribner, 2011. 480 p.
13. Hanson D. Wayne Bidwell Wheeler. American National Biography. N. Y.: Praeger, 1999. Vol. 23. 956 p.
14. Okrent D. Wayne B. Wheeler: The Man Who Turned Off the Tap. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/wayne-b-wheeler-the-man-who-turned-off-the-taps-14783512/> (Дата обращения: 22.02.2020)
15. Asbury H. The Great Illusion. Garden City, 1950. 279 p.
16. Wheeler W. B. Rum Rebellions: Past and Present. Westerville: The Editors of Encyclopaedia Britannica, 1920. 256 p.
17. Ware H. D. The Anti-Saloon League Wages War in Phoenix, 1910: the Unlikely Case of Frank Shindelbower // Journal of Arizona History. № 39, 1998. P. 141-154.
18. Lerner M.A. Dry Manhattan. Prohibition in New York City, 2008. 360 p.
19. Chalfant H. The Anti-Saloon League – why and what? // The American Academy of Political and Social Science. Pennsylvania. №.109. June 12, 1923. URL: https://www.jstor.org/stable/1015015?seq=1#metadata_info_tab_contents (Дата обращения: 22.02.2020)
20. Anderson, W.H. Catholics and Prohibition // Lit Digest. 1920. V. 65. P. 44.
21. The New York Time, July 6, 1925. P. 6.

22. William H. Anderson (William Hamilton Anderson) URL: <https://www.alcoholproblemsandsolutions.org/william-h-anderson-biography-william-hamilton-anderson/> (Дата обращения: 18.01.2020)

23. Benavidez L. Prohibition and Religion: William H. Anderson, the Anti-Saloon League, and The Rise and Fall of a Protestant Evangelical Crusade Against Alcohol in New York. URL: https://academicworks.cuny.edu/hc_sas_etds/566/ (Дата обращения: 18.01.2020)

24. William E. Johnson. Westerville Public Library. URL: <http://www.westervillelibrary.org/antisaloon-william-johnson> (дата обращения: 19.01.2020).

25. McKenzie F. A. «Pussyfoot» Johnson: Crusader, Reformer, a Man among Men. N. Y.: Fleming H. Revell Company, 1920. 273 p.

26. Over 90,000 Bottles Liquor Confiscated // Evening News. 29 April, 1908. 7 p.

27. Downes M. William E. «Pussyfoot» Johnson Scrapbook // Woodson Research Center, Fondren Library, Rice University. Houston, 2003. URL: <https://legacy.lib.utexas.edu/taro/browse/rice.html> (дата обращения: 19.01.2020).

28. Песни АСЛ. URL: <https://www.westervillelibrary.org/File/Get/14771>; <https://www.westervillelibrary.org/File/Get/14776> (дата обращения: 23.02.2020)

29. Bessie's Mothers // Westerville Ohio Library. URL: <https://www.westervillelibrary.org/antisaloon-bessies> (дата обращения: 18.01.2020).

30. Charged With Murder // Westerville Ohio Library. URL: <https://www.westervillelibrary.org/antisaloon-charged> (дата обращения: 18.01.2020).

31. Lou's Cold Bath // Westerville Ohio Library. URL: <https://www.westervillelibrary.org/antisaloon-bath> (дата обращения: 18.01.2020).

32. Cartoons. Westerville public library. URL: <https://cdm15800.contentdm.oclc.org/digital/collection/p15800coll2/> (Дата обращения: 18.01.2020)

33. «Мультфильмы» АСЛ // The Ohio State University. URL: <https://cdm15800.contentdm.oclc.org/digital/collection/p15800coll2/id/4299/rec/1> (Дата обращения: 25.02.2020)

34. Cherrington E. Education will keep prohibition in the Constitution // The Anti-Saloon League Museum. Westerville. URL: <http://catalog.westervillelibrary.org:81> (Дата обращения: 20.01.2020)

35. Ware, H. D. The Anti-Saloon League Wages War in Phoenix, 1910: the Unlikely Case of Frank Shindelbower // Journal of Arizona History. № 39, 1998. P. 141-154.

The results of the referendum held on 28 October 1962 as reflected by “La Nation”

D. G. Atakishieva¹

¹Moscow state University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-334-339

Research article
Full text in Russian

The article refers to the results of the constitutional referendum that was held in France on 28 October 1962 as reflected by “La Nation” newspaper. The October referendum was organized at the initiative of President Charles de Gaulle who proposed the direct popular vote in the presidential election. The majority of French people voted for the reform despite the active campaign against it organized by the opposition parties. But de Gaulle himself was not satisfied with the results of the referendum because he wanted to get more support from the people. This situation gave rise to the opposition to say that the president has lost the confidence of the French people. The Gaullist newspaper “La Nation” was the only nationwide print publication to claim the victory of the general de Gaulle’s project.

Keywords: The Fifth Republic, referendum, political crisis, direct popular vote, presidential election

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Atakishieva, Dzhamilya G. | E-mail: jamayama95@gmail.com
| Postgraduate

Результаты референдума 28 октября 1962 года во Франции в отражении газеты «Насьон»

Д. Г. Атакишиева¹

¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-334-339
УДК 94(44)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье говорится об итогах конституционного референдума 28 октября 1962 года во Франции в отражении газеты «Насьон». С помощью октябрьского референдума президент Пятой республики Шарль де Голль намеривался ввести всеобщее прямое голосование на президентских выборах. Несмотря на активную кампанию оппозиционных партий, выступающих против поправки, большинство французов проголосовало за нее. Но сам де Голль не был доволен результатами референдума, так как рассчитывал на большую поддержку со стороны народа. Сложившаяся ситуация дала повод политической оппозиции заявить, что президент потерял доверие французского народа. Голлистская газета «Насьон» была единственным печатным изданием общенационального масштаба, заявившим о безусловной победе проекта генерала.

Ключевые слова: Пятая республика; референдум; политический кризис; всеобщее прямое голосование; президентские выборы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Атакишиева, Джамиля Гюндуз кызы | E-mail: jamayama95@gmail.com
Аспирантка

Осенью 1962 года во Франции разразился политический кризис, связанный с решением президента Шарля де Голля провести референдум, на котором французам предлагалось проголосовать за или против конституционной реформы, вводившей всеобщее прямое голосование на президентских выборах. Эта идея не была новой; еще за двенадцать лет до возникновения Пятой республики, в 1946 году, во время выступления в Байё, когда речь зашла о президентских выборах, генерал де Голль высказал желание расширить избирательный корпус. По мнению генерала, он мог состоять и из депутатов, «но должен был стать в то же время гораздо большим» [1, р. 23]. Уже по Конституции 1958 года, составленной комиссией во главе

© Атакишева Д. Г., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

с генералом, президент избирался коллегией выборщиков (около 80 тысяч человек), в которую, помимо членов обеих палат парламента (как это было во время Четвертой республики), входили представители органов местного самоуправления, генеральных советов и ассамблей заморских территорий. Но и расширенной коллегии выборщиков, по мнению де Голля, было недостаточно для избрания истинного представителя французского народа.

После покушения в Пти-Кламаре, организованного сторонниками французского Алжира, де Голль твердо решил предложить народу самим, через прямое голосование, выбрать в будущем главу государства, способного проложить голлистский политический курс. Единственным способом предотвратить движение назад к «слабому режиму партий» и предоставить своему преемнику такую же полноту власти, какой обладал де Голль, являлось, по его убеждению, прямое всеобщее голосование на президентских выборах, чтобы народ сам напрямую выбирал «вождя нации» [2, с. 245].

Идея изменения Конституции и прежде всего сам способ проведения реформы вызвали жесткую неприязнь со стороны многочисленных политиков и партийных деятелей; они полагали, что реформа усилит личную власть президента, инициирует государственный переворот, направленный на установление личной диктатуры генерала и его преемников. Оппоненты де Голля называли его проект «орудием против парламента», «еще одним шагом в сторону укрепления единоличной власти» [3, р. 247].

Большинство оппозиционных печатных изданий принялось сразу критиковать инициативу президента. Такие печатные органы, как коммунистическая газета «Юманите», социалистическая «Популер», левая «Комба», левоцентристский журнал «Экспресс», независимые газеты «Монд» и «Фигаро» – все совершенно разной политической направленности, – высказывали свое недовольство намерениям провести референдум. Самая яркая критика реформы исходила от коммунистов, считавших, что генерал стремится к установлению «диктатуры» и «авторитарного режима». В газете «Юманите» подчеркивали, что, как и при Луи Бонапарте, введение всеобщего избирательного права «приведет к концу демократии» [4].

Газета «Насьон», печатный орган голлистской партии Союз за новую республику (ЮНР), основанная в марте 1962 года, являлась одним из немногих печатных органов, полностью поддерживавших механизм очередного народного голосования. У нее была важная роль – отстаивать интересы голлистов во французских СМИ. По мнению историка П. Альбера, особенность «Насьон» заключалась в том, что газета «пользовалась поддержкой де Голля» [5, р. 119.]. В этом ей, естественно, проигрывали оппозиционные издания, которые не могли опереться на авторитет генерала, являвшегося объектом их постоянной критики.

Во время кампании перед референдумом, с конца августа 1962 года, в «Насьон» печаталось много статей про внутреннюю политику президента. Небольшие по объему, они преследовали цель аргументированно ответить

на выпады противников президента и показать, что введение всеобщих прямых выборов было необходимым условием «для строительства республики со стабильной и продолжительной исполнительной властью» [6]. Подобные статьи публиковались на первой странице «Насьон» в течение почти двух месяцев, вплоть до самого референдума.

28 октября конституционную реформу одобрили 61,7 % проголосовавших, что составило 46,6 % от общего числа избирателей; сторонники «нет», несмотря на активную кампанию против проведения референдума, набрали лишь 38,2% голосов [7, р. 34]. Подобные результаты, безусловно, свидетельствовали о проигрыше оппонентов де Голля. Оппозиционные партии по сравнению с 1958 годом, по расчётам министра внутренних дел Роже Фрея, потеряли 9 миллионов голосов: «Большая часть избирателей, ранее голосовавшая за традиционные партии, решила не следовать указаниям, которые ей были даны» [8]. Де Голль и его сторонники должны были радоваться своему успеху, ведь отныне судьба института президентства полностью зависела от французской нации.

Но итоги референдума не удовлетворили президента, ожидавшего, что за реформу проголосует больше французов. В 49 департаментах конституционная поправка собрала лишь относительное большинство, а в 27 – «за» ответило больше 50 % участвовавшего в референдуме населения [7, р. 34]. В своих выступлениях де Голль заявлял, что будет чувствовать себя победителем только в том случае, если его поддержит представленное, а не «слабое, среднее, неуверенное» [9, р. 31] большинство избирателей. Считая итоги голосования «неполной победой», генерал де Голль, уехавший в свой загородный дом в Коломбе, целые сутки раздумывал, не следует ли ему подать в отставку. В замешательстве находились и голлисты, о чем свидетельствуют статьи «Насьон», вышедшие сразу же после референдума. 30 октября, когда стало известно о возвращении президента в Париж, в «Насьон» появилась заметка: «определенно вероятность отставки де Голля исключается <...> министры могут больше не беспокоиться» [10].

В подобной ситуации, когда во французской политической среде заговорили о неудачном, хотя и положительном для президента референдуме, голлистам требовалось подтвердить, что нация поддержала конституционную реформу. Уже 29 октября «Насьон» опубликовала статью под заголовком «ДА. Французы будут избирать своего президента». В ней подчеркивалось, что народ «в четвертый раз после возвращения де Голля к власти высказал свое доверие главе государства и, одобрив реформу, французы обеспечили ее легитимность». По словам автора статьи, «как бы оппозиция ни старалась доказать обратное, французы все же проголосовали за проект <...> можно сколько угодно рассуждать о процентном соотношении голосов, но финальный расчет сделан» [8]. По утверждению газеты, после проведения конституционной реформы политический режим «станет более

демократичным, так как народ отныне сам будет источником как исполнительной, так и законодательной власти» [10].

Сокращение ответов «да» по сравнению с предыдущим референдумом по Эвианским соглашениям, когда более 90 % французов одобрило независимость Алжира, газета «Насьон» объясняла активной антиголлистской пропагандой оппозиционных партий. Кроме того, журналисты указывали на то, что референдум проходил в особо сложных условиях «политической борьбы», когда партии (Социалистическая партия (СФИО), Народно-республиканское движение (МРП), «Национальный центр независимых и крестьян» (СНИП), которые при составлении Конституции 1958 года поддерживали Де Голля, к 1962 году изменили свои взгляды на его политику и начали против него «широкомасштабное наступление». В подобных условиях политического кризиса многие французы испытывали растерянность от происходивших в стране внутривластных событий. Поэтому газета «Насьон» пришла к выводу, что протестное голосование увеличилось из-за перехода большинства партий в оппозицию режиму [8].

«Насьон» также акцентировала внимание читателей на том, что проигравшей стороной являются все-таки противники реформы. Неудача оппозиции связывалась с «Несовпадением взглядов политических деятелей Четвертой республики с желаниями простого народа» [8]. Как считала голлистская газета, слабость аргументации кампании «Картеля «нет» и преувеличенно негативные оценки лидеров оппозиции не сумели убедить французов в существовавшей со стороны голлистского режима угрозе республиканскому правлению. Стремление оппозиции сохранить «режим всеисилия партий» делало их высказывания «абсурдными»: «Согласно депутатам-сторонникам парламентской системы, те, кто хочет, чтобы президента избирали городские и деревенские жители, не являются республиканцами!» [8]. Возгласы оппозиции об «антидемократическом характере реформы» также казались «Насьон» малоубедительными. «Разве это противоречит демократии – избирать президента самостоятельно?» – писала газета. Кажущееся единогласие оппозиционных партий могло бы произвести впечатление на граждан только в том случае, «если бы они доверили принятие важных решений людям, которые якобы являются если не большими республиканцами, то, по крайней мере, более сведущими [в политике, чем простой народ. – Д. А.]» [8].

О падении популярности оппозиционных партий свидетельствует увеличение процента воздержавшихся от голосования. Всего к урнам не пришли 23,03 % избирателей, что было значительно больше, чем в 1958 году, когда уровень абсентеизма достиг 19,37 % [7, р. 34]. Подобная ситуация объяснялась журналистами «Насьон» ростом числа противников президента среди лидеров партий. По мнению голлистов, среди воздержавшихся в основном оказались «рядовые члены оппозиционных партий, которые

не поддерживали политическую линию своих лидеров, но при этом решили не идти против своих партий» [8].

Вызывает особый интерес аргумент «Насьон», объясняющий, почему голлисты не одержали полную победу на октябрьском референдуме. По словам журналистов, лидеры ЮНР сами совершили немало ошибок: они «не смогли достойно ответить на обвинения со стороны оппозиции <...>убедить избирателей, что конституционная реформа не установит абсолютную монархию и диктатуру одного человека, что она не несет опасности республиканским устоям <... > они недостаточно хорошо использовали имеющиеся у них возможности для пропаганды...» [8]. К тому же «Насьон» – в то время всего лишь двухстраничная газета – не обладала достаточным пропагандистским потенциалом, поэтому вся ответственность за агитацию и пропаганду лежала именно на руководителях голлистского объединения. «Насьон» с иронией писала, что голлистам в борьбе за конституционную поправку следовало бы использовать «такие же лживые обвинения», к которым прибегали оппозиционные партии [10].

Таким образом, журналисты «Насьон» хотя и писали о безусловной победе конституционного проекта генерала, тем не менее высказывали беспокойство в связи с сокращением сторонников режима в тот момент, когда партиям предстояло включиться в избирательную кампанию перед внеочередными выборами в Национальное собрание, назначенными на 18 и 25 ноября 1962 года. В подобных обстоятельствах, когда за конституционную реформу де Голля проголосовали всего лишь 61,7 % французов, голлистам требовалось направить все свои политические усилия на расширение избирательной базы ЮНР. Газета «Насьон» была готова продолжать защищать установленный режим и дальше, смело отвечая на нападки многочисленных оппозиционных изданий, но ей требовалась поддержка со стороны голлистов.

Ссылки

1. Gaulle Ch. de Discours de Bayeux, 16 juin 1946 // Documents d'Études de Droit Constitutionnel. P., 2008. N. 1.04. P. 22–23.
2. Голль Ш. де. Мемуары надежд. М.: Прогресс, 2000. 339 с.
3. Chapsal J. La vie politique sous la Ve République. P.: PUF, 1986. 696 p.
4. L'Humanité. 1962. 20 septembre.
5. Albert P. La presse quotidienne // Le référendum d'octobre et les elections de novembre 1962. Sous la dir. de F. Goguel. P.: Presses de Sciences po, 1965. P. 104–130.
6. La Nation. 1962. 24 septembre.
7. Ysmal C. 1958–1962: La mutation majoritaire // Espoir. De Gaulle et l'électorat français. P., 2004. № 138. P. 22–34.
8. La Nation. 1962. 29 octobre.
9. Gaulle Ch. Lettres, notes et carnets. P.: Robert Laffont, 2010. Vol. 3. 1312 p.
10. La Nation. 1962. 30 octobre.

Online community of the Coloured people of South Africa: Vannie Kaap

D. A. Turianitsa¹

¹Institute for African Studies of Russian Academy of Sciences, 30/1 Spiridonovka str., Moscow 123001, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-340-349

Research article
Full text in Russian

This article discusses the dynamically developing online community of the Coloured population of South Africa - Vannie Kaap. The author made an attempt to evaluate the importance of this community and trace its history from the moment of its foundation in 2015 to the present day based on materials obtained mainly from the Internet. Particular attention is paid to the consideration and analysis of the causes of this phenomenon, its development and influence of the online group in shaping the images of the Coloured population among other South Africans.

Keywords: South Africa; Colored people; Vannie Kaap; online communities; mem

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Turianitsa, Daria A. | E-mail: darya.turyanitsa@gmail.com
| Postgraduate, Junior Research Fellow

Интернет-комьюнити цветных ЮАР: Vannie Каар

Д. А. Туряница¹

¹Институт Африки РАН, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, 123001, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-340-349
УДК 94(680)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается динамично развивающееся интернет-сообщество цветной группы населения ЮАР – Vannie Каар. Автор предпринял попытку оценить значение и проследить историю данного сообщества с момента его основания в 2015 г. и до настоящего времени на основе материалов, полученных, главным образом, из сети. Особое внимание уделяется анализу причин возникновения такого рода феномена, его развития и влияния онлайн-группы на формирование представлений о цветном населении среди других южноафриканцев.

Ключевые слова: ЮАР; цветные; Фанни Каар; онлайн-комьюнити; мем

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Туряница, Дарья Андреевна | E-mail: darya.turyanitsa@gmail.com
Аспирант, младший научный сотрудник

Интернет-сообщества представляют собой новый ресурс для изучения вопросов истории, культурной памяти, идентичности и репрезентативности ранее «выключенных» из социально-политического поля групп, которые динамично «включаются» в процесс конструирования истории нового южноафриканского общества в формате онлайн в XXI веке. Возникновение и создание таких сообществ часто обусловлено поиском решения острых проблем, в результате чего интернет-пространство становится площадкой «для проработывания болезненного опыта» [1].

Один из главных «гуру» изучения онлайн-комьюнити, Генри Дженкинс, писал, что «онлайн-сообщества – платформа для осуществления социального взаимодействия». Самым главным он называет «развиртуализацию пространства», то есть, когда действия и инициативы онлайн-комьюнити переходят в офлайн-реальность (например, «Vannie Каар», проект, о котором речь пойдет ниже).

Обычно публикации в интернете оцениваются количеством откликов, полученных от пользователей сети. В случае с интернет-сообществами

не принципиально, положительные они или отрицательные. Чрезвычайно важен сам факт реакции со стороны пользователей. Это могут быть комментарии, «лайки» (англ. like – «нравиться»), «шеры» (англ. share – «делиться»), «репосты» (англ. repost – «переотправка»). Хотя все же главное здесь – количество подписчиков группы в социальных сетях.

Глобализация, развитие интернет-технологий привели к созданию интернет-сообществ и в Южно-Африканской Республике (далее ЮАР). Когда идея, технологии и общественный запрос сходятся вместе, рождаются интересные нестандартные проекты, каким и стал «Vannie Каар».

Южно-Африканская Республика – одно из ведущих государств континента, известное мировому сообществу как страна, в которой в XX веке была установлена система расовой сегрегации – апартеид. Население формально было разделено на несколько групп: «белые», «банту» (черные), «цветные» и «азиаты/индийцы». Все небелые, кроме того, были насильно переселены в специальные зоны: «бантустаны» (что произошло с черными жителями этой страны) или в «тауншип»¹, куда в буквальном смысле «загнали» цветную группу населения.

Цветные – многочисленная группа населения Южной Африки, возникшая как результат многовековой расовой политики, как квинтэссенция культур народов трех частей света: африканского, азиатского и европейского. По состоянию на 2019 г. они составляли 8 % от общего числа населения ЮАР (около 5 млн человек). Их история берет начало в середине XVII в. с появлением первых рабов, привезенных из Юго-Восточной Азии, владений Голландской Ост-Индской компании, Мадагаскара, Восточной Африки, а также автохтонного населения ЮАР – кой – кой, саан и белых колонистов. «Плавильный котел» культур, языков и религий соединил всех, образовав группу цветных в портовой столице Капской колонии. Неофициально именно Кейптаун стал центром становления идентичности многоликого сообщества ЮАР.

Сложность положения цветных состоит в том, что их нельзя назвать гомогенной группой, как, например, белых и черных южноафриканцев. Неоднородность определялась многими этнокультурными нюансами: внешне их нельзя было отнести ни к белым, ни к черным; цвет кожи значительно мог отличаться даже среди близких родственников; кроме того, одни исповедовали ислам, другие (большинство) – христианство.

После снятия режима апартеида в 1994 г. и прихода к власти АНК, лидером которого являлся Нельсон Мандела, цветные надеялись на улучшение своего «пограничного» положения и рассчитывали на реализацию обещанных социально-экономических изменений. Не получив ожидаемого, они ощутили себя вычеркнутыми из истории своей страны, что привело к полярности точек зрения в их среде относительно собственной идентичности.

¹ Слово «тауншип» (от англ. «township») означает неформальный городской район, куда во времена апартеида принудительно переселялись представители цветного, индийского населения ЮАР.

Спустя два десятилетия (в 2015 г.) возникла интернет-группа «Vannie Каар». Ее название дословно с капского диалекта языка африкаанс переводится как «Из Капа» – из Кейптауна. Тем самым акцент в названии сделан не на этнорасовый элемент, а на географическую общность людей, проживающих в провинции Западный Кейп.

В одном из интервью основатель комьюнити, Берни Фабинг² [2] подчеркнул, что идея создания сайта интернет-сообщества пришла не сразу. Первая онлайн-группа в интернет-пространстве появилась под названием «Маненберг». Оно и не случайно. Это имя носит тауншип, откуда родом сам Б. Фабинг. Появление новой онлайн-группы с известным для многих именем заинтересовало пользователей социальных сетей.

Благодаря хорошо продуманным и проработанным постам в течение короткого времени количество подписчиков выросло до трех тысяч. Повышенное внимание «фолловеров» (англ. «follower» – последователь, подписчик) из других районов Кейп Флэтс³, куда входит Маненберг, привело создателей сайта к пониманию необходимости заявить о себе в социальных сетях под более широким названием – «Кейп Флэтс». В декабре 2015 г. название «Vannie Каар» было зарегистрировано в социальной сети «Фейсбук», уже имея на тот момент в активе 10 тыс. подписчиков, что дало старт новому этапу развития комьюнити.

Изначально задача «Vannie Каар» состояла в создании мемов и мемов с цитатами. Мем – это любая идея, картинка, символ, фотография, которые пользователи интернета осознанно передают друг другу, обмениваясь при этом своими ощущениями от увиденного. Мемы, вызывающие яркие эмоции у интернет-пользователей, стали называться распространителями «вирусных идей». Современные ученые уделяют серьезное внимание изучению природы интернет-мемов. По их мнению, мем в своей комической форме помогает переосмысливать обыденность. Однако такая реальность может быть ложной, что влечет к созданию иллюзорных представлений среди реципиентов мемов. Благодаря шуточной форме мема, его смыслы незаметно внедряются в сознание людей, влияют на их выбор. По этой причине их часто используют в рекламных кампаниях по продвижению товаров.

Созданные «Vannie Каар» мемы не только получили распространение среди цветных, но смогли «пересечь внутриэтнические границы» и завоевать популярность у белых африкаансговорящих⁴. Мемы стали пользоваться огромным спросом. Для удовлетворения все возрастающего интереса пользователей авторам пришлось создать дополнительные странички в социаль-

² До этого официального интервью Берни Фабинг оставался анонимным автором группы. О нем не знали даже те, кто работал в компании, за исключением Марка Джейкобса.

³ Кейп Флэтс (англ. Cape Flats) – территория, расположенная к юго-востоку от Кейптауна. Во времена апартеида это место стало расположением многих тауншипов и неформальных поселений «небелого» населения Южной Африки.

⁴ Для этого автор статьи попросила своих знакомых белых африкаанс-говорящих отправить им несколько своих любимым мемов. Среди них были и мемы Vannie Каар.

ных сетях – «Твиттер» и «Инстаграм». На страницах газеты «Уикенд Аргус» от 9 апреля 2017 г. владельцы бренда поделились статистикой: на страничке «Vannie Каар» в «Фейсбуке» значится более 185 тыс. подписчиков, что в среднем составляет 5000 новых подписчиков в неделю. В «Инстаграме» – достигли 16 тыс. подписчиков [3]. Наглядно можно отследить рост количества пользователей по двум датам: 1 ноября 2019 г. – «Фейсбук» – 380 тыс. подписчиков, в «Инстаграме» – 151 тыс.; 7 мая 2020 г. – «Фейсбук» – 395,5 тыс. подписчиков, в «Инстаграме» – 180 тыс., в «Твиттере» – 8,7 тыс. Количество фолловеров постоянно растет. Среди подписчиков, как уже отмечалось, есть не только цветные, но и другие южноафриканцы, преимущественно из Кейптауна, и те, кому импонирует контент сообщества.

Параллельно с сообществом на «Фейсбуке» руководители «Vannie Каар» начали развивать свой собственный новостной сайт – медиопортал «Vannie Каар News», предлагающий несколько новостных рубрик: «Каар» (то есть новости Западного Кейпа), «Mzansi» (новости ЮАР – так страну называют некоторые африканцы) и «Global» (мировые новости).

На стартовой страничке в «Фейсбуке» руководители «Vannie Каар» отмечают: «Мы существуем для того, чтобы показывать культуру цветных Кейпа и просвещать носителей других культур о наших ценностях. Мы делаем это с помощью забавных мемов, информативных статей, публичных мероприятий <...> и модной одежды»⁵ [4]. Таким способом молодые цветные пытаются напоминать о важности своего места в публичном и информационном пространстве ЮАР, а также развенчать некоторые предубеждения, существующие по отношению к ним.

Авторы постов онлайн-группы используют в основном английский язык и/или капский диалект языка африкаанс (и табуированную лексику), который представляет собой некоторую «упрощенную» смесь африкаанс и английского языка. Они предпочли использовать именно «капскую» форму языка африкаанс, что способствовало ощутимому росту популярности интернет-комьюнити среди пользователей. Как отмечает южноафриканская студентка С. Роман, написавшая одну из первых научных работ по интернет-сообществу «Vannie Каар», «капский диалект или, как его еще называют на языке африкаанс, Каарс⁶, был разговорной формой для рабочего класса, в то время как литературная форма языка африкаанс и английского использовалась средним классом цветных и африканерами» [5]. Иными словами, Каарс рассматривался как просторечный язык бедноты, а его носителей «клеямили» как представителей низшего слоя общества, вследствие чего бедные слои цветных подвергались двойной стигматизации – по цвету кожи и по языку.

В период режима расовой сегрегации в школах, университетах, в СМИ и среди белого населения чаще всего использовался именно «чистый» лите-

⁵ Последнее добавление «модная одежда» появилось с ноября 2019 года.

⁶ В последнее время можно увидеть неофициальное обозначение капского диалекта языка африкаанс как Afrikaars, Bruin Afrikaans.

ратурный африкаанс, а такие диалектные формы, как Каарс, выходили за общепринятые нормы. Возможно, тогда «чистота» языка зависела напрямую от цвета кожи говорящего, что негативно сказалось на восприятии небелым населением литературной формы языка африкаанс. Для них он в ряде случаев ассоциируется как «язык расовой сегрегации» и по сегодняшний день. В интервью С. Роман утверждает, что «люди стыдятся отвечать на Каарс, если с ними говорят на стандартном африкаанс» [6]. Автор данной статьи имела возможность убедиться в этом на собственном опыте. Впрочем, нельзя забывать, что язык не принадлежит какой-либо группе, а живет и развивается в среде своих носителей независимо от цвета кожи.

Мнения цветных сводятся к тому, что Каарс, используемый в мемах, возможно, становится выражением протеста против литературной нормы и даже шире – воспринимается среди цветных как борьба с последствиями режима расовой сегрегации, как «деколонизация» на уровне языка.

Удивительный даже для самих создателей успех онлайн-комьюнити позволил им в 2017 г. открыть собственный первый магазин в Кейптауне, где мемы, которые уже заслужили признание онлайн-пользователей, стали принтами на товарах в реальном магазине. Самые популярные образы с мемов «перекочевали» из онлайн в офлайн, и бренд «Vannie Каар» стал успешным «цифровым стартапом». Уникальная идея «монетизировалась» и позволила ее обладателям получить определенные доходы, что, безусловно, способствовало дальнейшему развитию успешного интернет бизнес-проекта.

Марк Джейкобс, совладелец бренда в интервью 2017 г. отмечал, что первый магазин на окраине Кейптауна сразу начал приносить доход; в 2019 г. был открыт второй магазин в районе Канал Уолк, а через несколько недель появился магазин и в самом популярном туристическом центре Кейптауна – Уотер Фронт [7].

В 2018 г. М. Джейкобс, выступая на радио в Кейптауне, заявил: «Мы, как жители Кейпа, должны привлечь внимание к одному из символов нашего наследия – кусистерс⁷», который якобы «присвоили» себе белые [8]. В октябре 2019 г. совладельцы компании совместно с мэрией Кейптауна организовали Первый праздник Кусистерс (World KOEsister Day). Центральным мероприятием был конкурс на звание «лучшего кондитера кусистерс». Праздник-конкурс удался и получил поддержку не только среди горожан, но и городских властей. В итоге было принято решение праздновать День Кусистерс каждый год, в первое воскресенье сентября. Таким образом низовая инициатива из онлайн-сообщества внесла новую культурную струю в общественную жизнь Западного Кейпа.

Авторы бренда предполагают, что в течение ближайших лет бренд вырастет и расширит границы среди подписчиков и почитателей. В их намерения входит открытие еще нескольких магазинов, включая один за границей.

⁷ На капском диалекте африкаанс существует форма кусистерс (koesisters) – это южноафриканские сладости, похожие на пончики в кокосовой стружке.

Перед авторами проекта стоит еще одна, не менее важная, задача – войти в тройку лучших медиа Кейптауна и значительно расширить свое информационное влияние [9].

Тематический анализ публикуемых работ «Vannie Каар» продемонстрировал свойственную им «остроту». Поначалу мемы отличались сильным визуальным разнообразием. Они выглядели вызывающе «разношерстно». Создатели интернет-сообщества следовали мировым тенденциям и позволяли себе копировать международные шутки, адаптируя их к «своим цветным реалиям». Примером может служить весьма популярный в 2019 г. «интернациональный» мем с четырьмя разными картинками. В первом квадрате справа – свирепая собака: она не хочет есть брокколи (скорее всего, «негласный» символ правильного питания); на нижнем квадрате справа у нее мирная морда (та же собака готова есть предлагаемую ей самусу (самуса или самоса – треугольный пирожок с начинкой, типичный для капско-малайской кухни цветных).

Через некоторое время мемы стали публиковаться уже в «классических тонах» – бирюзовый фон и белая надпись с определенным шрифтом и со свойственным символом «VK». Например, мем с надписью на капском диалекте переводится как «сегодняшний ветер был недостаточно силен. Я, действительно, думал, он сдует весь мой рождественский жирок».

Всего на данный момент опубликовано более 3600 постов в социальной сети «Инстаграм»⁸. Мемы «Vannie Каар» можно разделить на несколько тематических категорий, которые слегка видоизменяются, следуя вызовам времени. Нередко для категоризации постов и быстрого поиска нужной информации используются хештеги (#), однако они не всегда реально обозначают разные темы мемов в «Vannie Каар». Мемы частично дублируются в разных социальных сетях, тем не менее на протяжении последних трех-четырех лет создатели интернет-сообщества каждый день обновляли посты с цитатами и другими интернет-материалами.

Выделим первую группу мемов в порядке частоты упоминания в интернет-пространстве «Vannie Каар» – еда; предпочтение отдается капско-малайской кухне. Создатели интернет-сообщества посредством национальных блюд и сопутствующих им бытовых ситуаций проецируют их на традиционные отношения в семье, культуру потребления и расовые особенности. Культура приема пищи и связь с традициями находят существенное отражение в мемах.

Не менее распространенная по числу упоминаний – вторая группа. Она связана с вопросами семейно-брачных связей, например с отношениями внутри семьи: отцов и детей, сестер и братьев, внуков и дедушек/бабушек, – а также с качествами и характеристиками, которыми должен обладать будущий/ая жених или невеста.

⁸ По данным 24 мая 2020 г.

Третья группа мемов представляется наиболее любопытной, потому что авторы «цветного» комьюнити создают точные и максимально остроумные мемы; в их основе лежит скрытая критика стереотипов.

Последнюю, четвертую, группу, можно назвать «социальной»; внутри нее на уровне бытовых ситуаций сравнивается реакция белых южноафриканцев и цветных.

Однако время диктует новые подходы и требования. После открытия собственного магазина в 2017 г. и возможного поиска новых клиентов для своего продукта мемы в интернет-группе «Vannie Каар» претерпели изменения. Некоторые темы ушли на второй план или вовсе перестали освещаться в социальных сетях. Исчезала дихотомия – белые/цветные: последний пост был в 2018 г. с «позитивной» подписью «один за всех и все за одного» [10].

Востребованными оказались новые рубрики, заменившие устаревшую тематику. Дискуссии среди пользователей группы участились, а тема капско-малайской кухни переросла в обсуждение и организацию продаж известного для многих южноафриканцев блюда «куксистерс».

Заслуживают внимания и изменения внутри самого мем-сообщества «Vannie Каар». Акценты в публикациях группы сместились. К примеру, в указанной группе стали последовательно распространяться хлесткие выражения и цитаты на злобу дня в политическом контексте, комментарии действий лидеров и политических партий ЮАР, критика работы государственного аппарата страны до и во время борьбы с COVID-19 сквозь призму мемов и др.

Одна из тематик, неизменно присутствующая в группе, – саркастический мем, в основе которого лежит новость «сегодняшнего» дня. Разработчики интернет-комьюнити значительно увеличили количество репостов в социальной сети «Фейсбук» с собственного сайта новостей «Vannie Каар News». Разнообразие новостных тем увеличивает зрительскую аудиторию медиаканала и формирует взгляды людей на мировые, южноафриканские, локальные события среди пользователей. Однако пока что данный инфоресурс нельзя назвать эффективным и масштабным в соотношении с другими южноафриканскими СМИ.

Монетизация сообщества «Vannie Каар» предоставила авторам проекта возможность использовать наиболее яркие формы рекламирования своего продукта. Особо успешной зарекомендовала себя такая форма сотрудничества, как «амбассадор бренда» (от англ. «ambassador» – посол; здесь – человек, продвигающий товар), где «послами» бренда выступали известные медийные личности и наиболее активные постоянные подписчики группы, уважающие и любящие «Vannie Каар». Популяризации бренда способствовали социально направленные фотографии детей и подростков, одетых в продукцию компании. Такая стратегия предполагает представление бренда в позитивном ключе и тем самым поднимает уровень продаж продукта.

Заслуживает особого внимания еще одно важное обновление в мем-группе: впервые стали подниматься вопросы, касающиеся исторической памяти. Поначалу единственным памятным событием, обсуждаемым в постах интернет-группы, была трагическая дата выселения цветных из района Дистрикт 6 в Кейптауне⁹. В последующем добавились интернет-посты, посвященные цветным, оставившим заметный след в истории ЮАР, лидерам движения против апартеида. Публикации подобного рода ретранслировались не только в визуальной/текстовой форме, но и посредством аудио -и видеоконтента. Авторы проекта пытались представить свое видение того или иного события с учетом современных реалий.

Создание и актуальность существования группы «Vannie Каар» обусловлена рядом причин. Главная из них – социальный запрос на репрезентацию цветной культуры в Интернете и общественном пространстве ЮАР, результатом чего стало создание сначала группы по интересам в Фейсбуке, а затем открытие успешного ритейл-магазина. Однако не стоит забывать, что в этих условиях сообщество «Vannie Каар» взаимодействует в основном с теми пользователями, которые имеют возможность выхода в интернет, покупки товаров ритейл-магазина, что доступно немногим в ЮАР. Компания «Vannie Каар» смогла адаптироваться под меняющиеся запросы пользователей, расширив круг вопросов, затрагиваемых через мемы. Победой стало создание и использование мемов на капском диалекте языка африкаанс, что серьезно повлияло на популярность и развитие данного онлайн-сообщества.

«Vannie Каар» можно рассматривать как платформу для реконструкции или переосмысления («пересборки») элементов идентичности цветного населения; ее «материальная культура» и «символическая культура» поддаются новому толкованию в интернет-пространстве, несмотря на противоречивые взгляды внутри сообщества. Уверенный успех проекта ведет за собой видимые изменения репрезентации цветных и поиска своего места в общественно-культурном пространстве ЮАР. Поднимая в мемах и других постах вопросы историко-культурной памяти, представители комьюнити сохраняют, дополняют и формируют отношение к своей истории среди своих союзников.

Здесь уместно вспомнить концепцию американского ученого Б. Андерсона о «воображаемых сообществах». В одноименной книге он указывал, что одним из механизмов создания наций послужило развитие «печатного капитализма». Экономическая выгода напрямую двигала поиском новых рынков сбыта товара, которая, в свою очередь, путем распространения книг помогла в продвижении общих идей, языков и в конечном счете самих наций. Идеи Б. Андерсона созвучны тому, как в данный момент времени развивается интернет-сообщество и бренд «Vannie Каар». С целью привлечения новых сторонников данная онлайн-группа ломает расовые стереотипы среди дру-

⁹ Дистрикт 6 – бывший район в центре Кейптауна, объявленный в годы апартеида зоной для «белых». Его жители в 1960-е гг. были насильно переселены в другой район Кейп Флэтс.

гих южноафриканцев на пути к своему успеху, а также обеспечивает рабочими местами во время глобальной безработицы.

Таким образом, цветные, оказавшись между двух доминирующих культур – «черной» и «белой» – стали, возможно, медиаторами в строительстве южноафриканской «радужной» нации, хотя история сообщества «Vannie Каар» – это только один – частный – ее фрагмент.

Ссылки

1. Мороз О. В. «Разница в убеждениях – это предмет обсуждения, а не морального уничтожения». 03 октября 2017 // Летняя дискуссионная школа GAIDPARK 2017. URL: <http://summer.gaidarfund.ru/articles/2924/tab1> (дата обращения: 04.04.2020).

2. Vannie Каар founder on his 'wakker' moment in his search for 'colouredness'. 13 марта 2020 // CapeTalk 567FM. URL: <http://www.capetalk.co.za/articles/377710/vannie-kaap-founder-on-his-wakker-moment-in-his-search-for-colouredness> (дата обращения: 01.05.2020)

3. 'Vannie Каар' highlights genuine Cape culture. 9 April 2017 // IOL. URL: <https://www.iol.co.za/news/south-africa/western-cape/vannie-kaap-highlights-genuine-cape-culture-8569752> (дата обращения: 05.05.2020).

4. Турияница Д. А. Интернет-мемы как отражение социально-политических проблем современной ЮАР // Материалы XVIII Всероссийской школы молодых африканистов, 26–27 ноября 2019 г. / сост. Н. А. Жерлицына. М.: Институт Африки РАН, 2019. С. 359–363.

5. Samantha Roman. What Каарs brings to the table: A sociolinguistic analysis of the intersection between, language, food and identity in Vannie Каар memes. MA Thesis Stellenbosch University. 2019 P. 46. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/What-Kaaps-brings-to-the-table-%3A-a-sociolinguistic-Roman/23cfc4bffaef0313360cd253da9e643611bc1f26> (дата обращения: 20.04.2020).

6. Samanta Roman. Vannie Каар memes: an interview with Samantha Roman. 2019-08-23 // LitNet. URL: <https://www.litnet.co.za/vannie-kaap-memes-an-interview-with-samantha-roman/> (дата обращения: 02.05.2020).

7. Home-grown fashion in Cape Town: Vannie Каар. 23 July 2019 // Daily Maverick. URL: <https://www.dailymaverick.co.za/article/2019-07-23-home-grown-fashion-in-cape-town-vannie-kaap/> (дата обращения: 02.05.2020).

8. The sweet and spicy 'marital aid' that is the koesister. 4 October 2019 // The Village News. URL: <https://thevillagenews.co.za/the-sweet-and-spicy-marital-aid-that-is-the-koesister/> (дата обращения: 06.05.2020).

9. Local is now 100 % 'lekker' for Vannie Каар. 13 May 2018. // IOL. URL: <https://www.iol.co.za/weekend-argus/local-is-now-100-lekker-for-vannie-kaap-14949931> (дата обращения: 04.05.2020).

10. Vannie Каар. One for all...all for one. #ubuntu #vanniekaap 12 June 2018 // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/p/Bj7bGZZhYVR/> (дата обращения: 05.05.2020).

Localization of vepsians hystorical toponyms in contemporary mapping

A. A. Bashkarev¹

¹Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, 29 Politechnicheskaya str.,
St. Petersburg, 195251, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-350-359

Research article
Full text in Russian

The article is analyzed the aspects of the historical mapping of Vepsians toponyms in the Leningrad and Vologda regions of Russia. The purpose of creating the map was to apply all the existing and most of the previously existing Vepsians toponyms to the topographical basis. In addition to the localization of toponyms, the map was prepared by localizing the names of some hydronyms and hills in the Vepsians language. The map was created during several ethnographic expeditions and communication with local residents in 2010-2019, as well as the analysis of previously collected toponymic material. The implementation of the project to create a map is outlined in the text. The main problems of localization of Vepsians toponyms are described and approaches to their solution are proposed. The main sources of information for the toponyms mapping are listed. The author assesses the prospects of distribution and use of toponymic maps in scientific research.

Keywords: vepsians, settlements, toponymy, hydronymy, oikonymy, localization, cartography, mapping

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bashkarev, Andrey A. | E-mail: bashkarev@mail.ru
| Cand. Sc. (Politics), Associate Professor

Локализация исторических вепских топонимов на современной картографической основе

А. А. Башкарев¹

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, 195251, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-350-359
УДК 908+528.9: 910.27

Научная статья
Полный текст на русском языке

В данной статье рассмотрены аспекты формирования исторической карты вепских топонимов Ленинградской и Вологодской областей России. Целью создания карты являлось нанесение на топографическую основу всех существующих и большинства ранее существовавших в указанных регионах вепских топонимов. Кроме локализации топонимов, при подготовке карты была выполнена локализация названий части гидронимов и объектов рельефа на вепском языке. Создание карты реализовывалось в ходе проведения нескольких полевых экспедиций и работы с информантами в 2010–2019 гг., а также анализа ранее собранного топонимического материала. Изложена поэтапная реализация проекта по созданию карты, рассмотрены основные проблемы локализации топонимов, а также подходы к их решению. Проанализированы основные источники информации для карты вепских топонимов. Дана оценка перспективам распространения и использования топонимических карт в научных исследованиях.

Ключевые слова: вепсы; поселения; топонимика; гидронимия; ойконимия; локализация; картография; картирование

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Башкарев, Андрей Альбертович | E-mail: bashkarev@mail.ru
Кандидат политических наук, доцент

Исследование процессов формирования топонимов, их трансформации в историческом контексте и современного использования является одной из важнейших задач для сохранения историко-культурного наследия малых народов. Исследования в области истории и лингвистики

© Башкарев А. А., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

оказываются неизбежно связанными с эволюцией топонимии, в частности с особенностями формирования ойконимов и гидронимов и воздействием различных факторов на эти процессы. Так, сохранение и влияние субстратов в контексте изменения ареала расселения этнических групп прослеживается в том числе через сопоставление картографического материала за различные периоды. Этнолингвистический потенциал топонимии базируется на целом ряде объективно присущих ей особенностей. Массовость топонимического материала позволяет оперировать большими количествами названий, что выгодно характеризует топонимию на фоне фрагментарных и в большинстве своем поздних письменных источников или этнически плохо интерпретируемых и к тому же обычно неполных, отрывочных археологических свидетельств. Исключительную ценность представляет привязка топонимов и топонимных типов к определенному времени и определенной территории [1]. В свою очередь создание карт позволяет визуализировать этноязыковые процессы для их интерпретации в историческом контексте, прослеживать сокращение или расширение ареалов расселения.

Изучение вепсской топонимии в последние десятилетия осуществлялось достаточно интенсивно. Наибольшее внимание языковым процессам в этой сфере уделяет И. И. Муллонен. В исследованиях данного автора детально анализируется исторический контекст формирования топонимии и гидронимии территории традиционного проживания вепсов [2–3]. Изучению данных процессов в области топонимии уделяли внимание и другие исследователи [4, с. 6–22; 5, с. 117–119]. Исследования были продолжены и в более поздний период, становясь основой фундаментальных работ. В частности, в 2018 г. коллективами авторов были подготовлены «Лингвистический атлас вепсского языка»¹ и «Этноконфессиональный атлас Ленинградской области»². С учетом формата данных изданий в них был включен соответствующий картографический материал, однако комплексное отражение вепсских топонимов на единой карте оставалось актуальным.

Основой для проведения и публикации упомянутых работ неизбежно являлся сбор материалов в ходе полевых исследований. Такая работа, в частности, осуществлялась сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН в 1970–1980-х гг., когда уровень старения вепсского этноса было не столь значительным и работа с информантами могла осуществляться в до-

¹ Лингвистический атлас вепсского языка (ЛАВЯ) / под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. СПб.: Нестор-История, 2019. 572 с.

² Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко [и др.]. СПб.: Инкери, 2017. 656 с.

статочной мере. Учитывая наблюдавшиеся в середине XX в. процессы вынужденной миграции вепсов с территорий исконного проживания [6, с. 153–167; 7, с. 95–106; 8, с. 55–63], участники исследований проводили запись свидетельств информантов в местах переселения. Помимо сбора сведений о материально-бытовой сфере и духовной культуре, осуществлялась также запись топонимических названий и их интерпретация информантами. Это позволило сформировать картотеку топонимов ИЯЛИ, что в последующие годы позволило обобщить и структурировать данные с использованием современных геоинформационных технологий [9, с. 245–246]. В более поздние десятилетия сбор информации по вепской топонимии был продолжен отдельными краеведами и этнографами [10–11].

В условиях старения и естественной убыли вепского населения, а также его вынужденной миграции с исконных мест проживания в XX в. сбор информации о микротопонимах к началу 2000-х г. усложнился. С учетом характерной для формирования вепских деревень «гнездовой» системы расселения [3, с. 70; 12, с. 48–49], с помощью картотеки и дополнительных полевых исследований оказались возможными поиск и сохранение информации о вепских названиях собственно «гнезд», объединяющих, в свою очередь, группы микротопонимов. В то же время сами микротопонимы, формировавшие «гнезда», в условиях резкого сокращения численности жителей вепских поселений выходили из обихода; сбор информации о них и в особенности их локализация оказались значительно затруднены. Кроме того, при формировании во второй половине XX в. картотеки микротопонимов по объективным причинам не осуществлялась фиксация их географических координат, что в отсутствие информантов также негативно повлияло на процесс последующей локализации.

Автор данной публикации в 2007 г. поставил перед собой задачу создания карты вепских топонимов Ленинградской и части Вологодской областей. Исконная вепская территория в республике Карелия (бывш. Вепская национальная волость с центром в п. Шелтозеро) в проект умышленно не включалась в силу отсутствия подходящей топографической основы. Однако составление предполагалось в будущем, после отработки методов создания карты на примере Ленинградской и Вологодской областей (рис. 1). Планировалось впервые нанести на крупномасштабную (1:100 000) карту весь корпус известных вепских топонимов и микротопонимов (в т. ч. ойконимов) в ее границах отображения, наряду с гидронимами.

Комплексная локализация вепских топонимов непосредственно на картографической основе до этого момента не производилась. Несмотря на фундаментальные исследования, реализованные ИЯЛИ КарНЦ РАН, сохранялась задача визуализации расположения топонимов через созда-

ние карты для значительной части вепсского ареала. Имевшиеся карты представляли собой лишь схематичное изображение отдельных вепсских поселений, выполняя прикладные задачи визуального сопровождения конкретных научных статей; в иных случаях ареал отображался целиком, но не в крупномасштабном представлении и без детализации. В то же время уже имелся опыт частичной локализации карельских³ и финских⁴ топонимов, реализованный в виде соответствующих карт, который также был учтен. К сожалению, масштаб данных карт (1:240 000 и 1:220 000, в 1 см – 2,4 км и 2,2 км соответственно) не позволил локализовать названия микропонимов на финском и карельском языках.

Рисунок 1. Схема расположения границ создаваемой карты, включая территорию средневепсского и частично южновепсского ареала

При составлении карты вепсских топонимов, с учетом отмеченных выше сложностей со сбором материалов, использовался комплексный подход к их поиску, обобщению, сопоставлению и в конечном счете локализации: работа с картотекой ИЯЛИ КарНЦ РАН, анализ архивных топографических карт, обобщение сведений из научных публикаций, а также проведение автором собственных полевых исследований – в первую очередь для выявления микропонимов и их записи на вепсском языке.

³ Юго-Западная Карелия. Северное Приладожье. Venäjän Lounais-Karjala. Laatokan Karjala. Автодорожная и туристическая карта. СПб.: Дискус Медиа, 2004.

⁴ Pietari, Karjalan kannas: Санкт-Петербург, Карельский перешеек. СПб.: Карта Лтд, 2005.

При этом как картотека, так и свидетельства информантов содержали вепские названия не только официально существующих или существовавших в XX в. топонимов, но и неофициальных, обиходных названий природных объектов или частей поселений. При условии отсутствия официальных названий на русском или вепском языках, но наличии сведений о них в картотеке или свидетельствах информантов такие названия наносились на карту, хотя их число не было значительным.

Важно отметить, что в советский период наблюдалось расхождение в официальных и обиходных, являвшихся исконными названиях гнезд вепских поселений, характерное, прежде всего, для Подпорожского района Ленинградской области (офиц. Мининская при названии гнезда Ладва, вепс. *Ladv*, офиц. Миницкая при названии гнезда Мягозеро, вепс. *Mäggärv*, и т.д.) При этом исконное название гнезда поселений заменялось названием его части, являвшейся в советский период административным центром поселения. Данное положение, сохраняющееся и в настоящее время, усложняет процесс локализации топонимов, однако нивелируется повсеместным доминирующим использованием исконных названий вместо официальных, в том числе в транспортной и дорожной системах.

Создаваемая историческая карта должна была отвечать определенному набору критериев:

а) отражать местность исторического расселения средних (оятских) и южных вепсов, т. е. восток Ленинградской и запад Вологодской областей (в т. ч. бывший Винницкий район Ленинградской области с преимущественно вепским населением, административно существовавший в 1927–1963 гг.);

б) обладать масштабом не менее 1:120 000, т. е. в 1 см. – 1,2 км. для возможности нанесения названий малых населенных пунктов, частей деревень, хуторов, упраздненных и нежилых деревень, а также гидронимов, в т. ч. малых рек, ручьев, болот и т. д.;

в) отражать трансформацию административно-территориального деления местности с 1927 г. по настоящее время (прежние и современные границы районов);

г) отражать реальную, наиболее объективную картину состояния объектов на местности, в особенности границ населенных пунктов и дорожной сети на данный момент для возможности соотнесения пользователем карты исторической информации с современным инфраструктурным состоянием. Также подобное сопоставление позволило бы наглядно продемонстрировать сокращение вепских поселений – от частей гнезд до их полного упразднения.

Работа над созданием карты началась в 2007 г. Для получения современной топографической основы в 2012 г. к сотрудничеству было приглашено картографическое издательство «ЗАО Карта ЛТД», предоставившее картографическую базу данных для формирования исторического слоя карты. Использование картографической базы данных было осуществлено по лицензионному соглашению автора с издательством⁵, предполагающему некоммерческое использование материала в научно-исследовательской работе и его публикацию в научных статьях. В 2012–2017 гг. реализовывалось формирование исторического слоя информации для последующего размещения на топографической основе. В частности, для отражения топонимов на вепском языке в 2013 г. был реализован анализ картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН, с 2005 г. автором также проводились регулярные полевые исследования в Бокситогорском, Тихвинском и Подпорожском районах Ленинградской области, а также в Вытегорском районе Вологодской области с целью сбора информации о топонимах. При этом анализировались сведения, полученные от переселенных информантов, ранее проживавших в уже несуществующих поселениях (рис. 2). С 2017 г. начата работа по локализации на карте гидронимов и названий объектов рельефа (прежде всего, возвышенностей). Реализация работы над формированием карты освещалась автором в ходе докладов на научных конференциях в Санкт-Петербурге (РЭМ) и Петрозаводске (ИЯЛИ КарНЦ РАН).

На данный момент карта полностью отражает практически все вепские топонимы, существующие или существовавшие в XX в. на русском языке и в массе своей – на вепском. Работа по наполнению карты основными топонимами (названиями крупных деревень) на вепском языке завершена. Тем не менее на основе публикуемых результатов новых исследований ведется дополнение микротопонимами на вепском языке – в основном это названия частей деревень с учетом «гнездовой» системы расселения. Масштаб основной карты 1 : 100 000 (в 1 см – 1 км) позволяет отразить микротопонимы, в т. ч. ойконимы (рис. 3). Для отдельных гнезд вепских поселений с высокой существовавшей или существующей плотностью расположения исторических топонимов (Ладва, вепс. *Ladv*, Мягозеро, вепс. *Mäggärv*, Шимозеро, вепс. *Šimgär'*, Пяжозеро, вепс. *Päžar*) реализованы карты в еще более детальном масштабе 1: 50 000 (в 1 см – 500 м).

⁵ Лицензионное соглашение № 299 от 28.09.2012 г.

Рисунок 2. Работа с информантом в ходе локализации топонимов на вепсском языке (бывшая жительница упраздненной деревни Каменный Наволок (вепс. Kivinem) указывает на расположение микротопонимов и обозначает их вепсские названия). Июнь 2012 г., ур. Шимозеро (вепс. Šimgär'), Вытегорский район Вологодской области. Фото автора

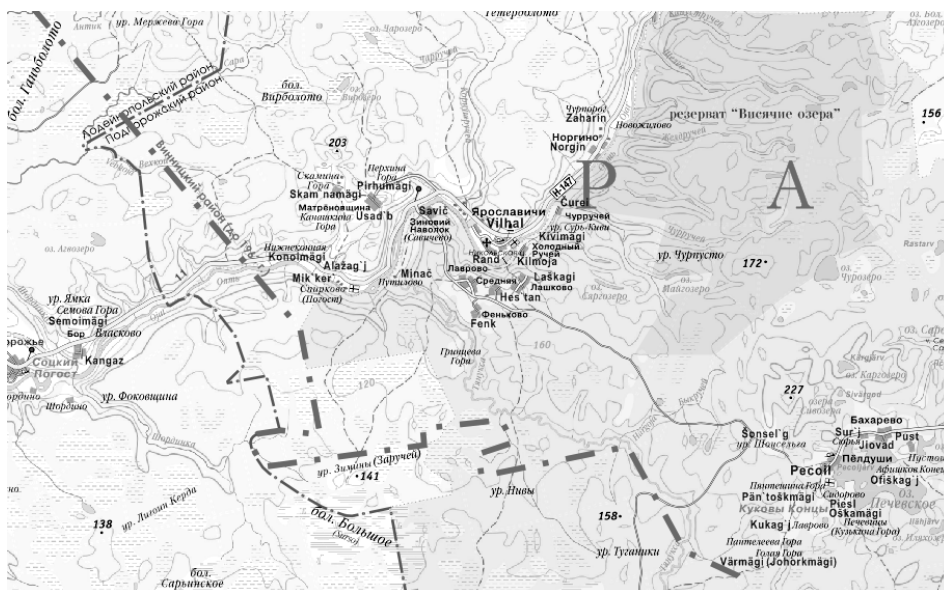

Рисунок 3. Вепсские топонимы и схема существующего и прежнего административно-территориального деления на карте. Фрагмент с поселениями Ярославичи (вепс. Vilhal) и Пелдуши (вепс. Pecoil). Ленинградская область

Составленная карта вепских топонимов на данный момент доступна для служебного пользования в научно-исследовательских целях. Полезной могла бы стать и ее фрагментарная публикация для иллюстративного сопровождения научных статей автора. Возможности дальнейшего финансирования могут позволить заключить новое лицензионное соглашение с картографическим издательством, предоставившим основу для наложения слоя исторической информации, включающей топонимы на вепском языке. В этом случае реальностью могла бы стать публикация карты в полном объеме и с обеспечением широкого доступа к ней всех заинтересованных исследователей.

Кроме того, продолжение работы несомненно привело бы к обеспечению возможностей дальнейшей локализации вепских топонимов в местностях, на данный момент не входящих в границы карты – это прежде всего Прионежский район республики Карелия (северные вепсы), а также часть Бокситогорского района Ленинградской области (южные вепсы). Такая деятельность может базироваться на уже отработанной методике, сочетающей исследования картотек, научных монографий, краеведческих полевых исследований. Активизация представителей вепских этнолокальных групп в социальных сетях также технически расширяет границы сбора информации о топонимах, однако их последующая локализация на карте в виде названий на вепском языке должна предваряться экспертизой научного сообщества.

Существующая на данный момент в форматах, адаптированных прежде всего для печати, карта может быть впоследствии трансформирована в электронный геоинформационный источник, что обеспечит поиск и группировку топонимов в соответствии со стоящими научными задачами. Такое направление деятельности представляется перспективным в контексте обеспечения мультимедийного доступа к данным карты и тиражированию содержащихся в ней топонимических сведений.

Ссылки

1. Муллонен И. И. Проблемы интерпретации этноязыковой истории Европейского севера России на материале топонимики // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Наука, 2015. Т. 10. С. 93-107.
2. Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти, Петрозаводск, 1988. 161 с.
3. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
4. Зайцева Н. Г. Диалекты вепского языка в контексте этнолингвистической географии // Финно-угорский мир. 2017. № 3 (32). С. 6–22.

5. Строгальщикова З. И. Вепсы: региональные особенности этнодемографических процессов (1938–2010 годы) // Läänemeresoome väikekeelte ja kultuuride konverents Pühendatud professor Tiit-Rein Viitso 75. sünnipäevale. 2013. С. 117–119.
6. Башкарев А. А. Миграция вепского населения Вологодской области в XX веке // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 153–167.
7. Лапин В. А. Шимозеры – трагедия диалекта [о сохранении вепс. яз. в Волог. обл.] // Вепсы и этнокультурные перемены XX века: материалы семинара (Санкт-Петербург, 5–6 октября 2006 г.). Хельсинки, 2007. С. 95–106.
8. Петухов А. В. Административная разобщенность – фактор ускорения ассимиляции вепсов // Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск: Изд-во Карельского филиала АН СССР, 1989. С. 55–63.
9. Захарова Е. В. Геоинформационные технологии в сохранении и исследовании топонимии Карелии // X конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов / редкол.: отв. ред. М. Ю. Мартынова, Л. А. Лопуленко, Н. А. Белова. М.: Издательство Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2013. С. 245–246.
10. Курилов М. А. Край озер. Деревни Верхнего Приюжья. СПб.: Контраст, 2018. 256 с.: ил.
11. Курилов М. А. Край озер. Часть 2: Деревни Верхнего Приюжья. СПб.: Контраст, 2019. 206 с.: ил.
12. Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 279 с.

From the History of Russian Hymnography of the Modern Period: the liturgical works of hieromonk Dimitry (Voskresensky)

M. V. Sidneva¹

¹Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-360-369

Research article
Full text in Russian

The paper examines the hymnography of hieromonk Dimitry (Voskresensky) (1871-after 1919) in the context of the rise of interest in Russian holiness in the Russian Orthodox Church and society in the middle of the 19th - early 20th centuries. The popularization of veneration of Russian saints is realized by hieromonk Dimitry on two levels: the creation of liturgical texts and the publication of historical essays about the holy places of Russia and the biographies of ancient and new Russian ascetics.

Keywords: hieromonk Dimitry (Voskresensky); the Orthodox hymnography; Russian holiness; service; akathist

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sidneva, Maria V. | E-mail: marysidneva@gmail.com
| Postgraduate

Из истории русской гимнографии Нового времени: литургическое творчество иеромонаха Димитрия (Воскресенского)

М. В. Сиднева¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-360-369

Научная статья

УДК 94(47)+271.22(470+571)

Полный текст на русском языке

В статье рассматривается неизвестное гимнографическое наследие иеромонаха Димитрия (Воскресенского) (1871– ум. после 1919 г.) в контексте подъема интереса к русской святости в Русской церкви и обществе в середине XIX – начале XX века. Популяризация почитания русских святых осуществляется иеромонахом Димитрием на двух уровнях: создании богослужебных текстов и издании исторических очерков святых мест России и жизнеописаний древних и новых русских подвижников.

Ключевые слова: иеромонах Димитрий (Воскресенский); православная гимнография; русская святость; служба; акафист

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сиднева, Мария Владимировна | E-mail: marysidneva@gmail.com
Аспирант

В январе 1912 г. в «Русском иноке» было опубликовано «Открытое письмо». Автор, скорбя о небрежении, наблюдаемом в русских храмах и обителях к почитанию памяти русских святых, предлагал заменить многие службы «Святых Восточных Церквей службами родственных нам угодников Божиих» [1, с. 41] с тем, чтобы неукоснительно совершалось должное празднование.

Идея пересмотра состава служебных миней была не нова. Последнее десятилетие XIX века ознаменовалось включением в служебные миней нескольких последований русским святым. В 1909 г. в свет вышла «Дополнительная Минея» с 13 службами русским святым [2]. Расширение состава миней происходило на фоне подъема общественного интереса к русской

святости, нашедшего отражение в беспрецедентном для Синодального периода количестве торжественных канонизаций в правление Николая II, изучении, переводе на русский язык и издании памятников отечественной агиографии, составлении уникального «Верного месяцеслова русских святых» архиепископа Сергия (Спасского) [3], а также попытках восстановления празднования дня памяти всех Русских святых [4].

«Открытое письмо», послужившее откликом на прославление в 1911 г. свт. Иоасафа Белгородского, было написано послушником Алексеем Воскресенским, впоследствии иеромонахом Димитрием, личным почетным гражданином, активным церковным публицистом, историком и путешественником. Это имя малоизвестно для исследователей, хотя ему и посвящено несколько обзорных статей [5–6].

Алексей Константинович Воскресенский родился в 1871 г. в семье бедного псаломщика, закончил Нижегородское духовное училище и 12-летним отроком вступил послушником в одну из обителей родного Нижегородского края. Незадолго до революции Алексей Воскресенский после 33 лет послушничества и перехода по разным монастырям принял постриг в Оренбургском Успенско-Макарьевском монастыре с именем Димитрия, а накануне революции он стал иеродиаконем, а вскоре и иеромонахом.

Революцию и Гражданскую войну иеромонах Димитрий пережил на Нижегородской земле; последним известным его местопребыванием стал Оранский Богородице-Рождественский монастырь. После 1919 г. следы иеромонаха Димитрия теряются.

По его собственному признанию, сильнейшим впечатлением детства, определившим во многом его дальнейшую судьбу, стало чтение Четыхминой свт. Димитрия Ростовского и встреча в монастыре с иеромонахом, путешествовавшим по России и Востоку. «...Под его руководством в душе юного послушника родилась ненасытимая страсть к чтению произведений преимущественно церковно-исторического характера и возникло стремление к путешествиям в прославленные места родной земли» [7, с. 4]. Сообразно этому стремлению Алексей Воскресенский посвятил свою жизнь путешествиям по России и написанию очерков о святых местах.

Литературной «специализацией» о. Димитрия стали историко-статистические описания русских монастырей и жизнеописания русских подвижников. Материалом для них служили как личные наблюдения, сделанные автором во время поездок, рассказы свидетелей, так и архивные документы. Литературный дебют послушника Алексея Воскресенского состоялся в 1888 г. на страницах Костромских епархиальных ведомостей серией статей об истории и насельниках Свято-Троицкой Кривозерской пустыни Костромской губернии [8–14]. Впоследствии им были составлены исторические описания и других обителей Костромского края — Николаевского Бабаевского [15], Иоанно-Предтеченского Железно-

боровского [16] и Свято-Троицкого женского монастыря Галичского уезда [17–20]. В ходе путешествия на юг России А. Воскресенский составил очерки истории Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря Ставропольской епархии [21], Успенско-Николаевской Чуркинской пустыни [22–23] и Покрово-Болдинского монастыря Астраханской епархии [24–33], Владикавказского Свято-Троицкого монастыря [34], Второ-Афонского Успенского монастыря [35–37], Черноморской Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни Кубанской области [38] и ряда других монастырей. Наряду со своими статьями Алексей Воскресенский осуществлял публикации документов из монастырских архивов, где работал и изучал истории обителей [16, с. 99–116; 39].

В 1911 г. на страницах елецкой газеты «Голос порядка» был опубликован опыт исторического очерка А. Воскресенского «Город Елец в его настоящем и прошлом» [40]. Свято-Троицкому Павло-Обнорскому монастырю Алексей Воскресенский посвятил около 40 публикаций. Пребывая в монастыре в качестве послушника, он стал свидетелем и опубликовал описание визита в обитель великой княгини Елизаветы Федоровны [41]. Кроме очерка истории обители, вышедшего отдельным изданием в 1914 г. [42], А. Воскресенский написал серию статей «Троицко-Павло-Обнорский патерик» для «Русского инока», в которых представлены жизнеописания как древних святых обители, так и подвижников, живших в недавние времена, среди них игумен Иоасаф (Тихонов) (ум. 1884 г.) [43], иеромонах Нафанаил (ум. 1901 г.) [44], архимандрит Агафангел (Воскресенский) (ум. 1907 г.) [29], иеромонах Сергей (Малевинский) (ум. 1912 г.) [45].

В 1915 г. в «Кормчем» публиковались статьи «Благодатные пастыри земли Русской XVIII–XIX столетий», посвященные белым священникам, прославившимся благочестивой жизнью в различных уголках Российской империи. Всего до революции иеромонахом Димитрием было опубликовано более 250 статей, целью которых были прославление и популяризация сведений о жизни древних, а особенно новых подвижников благочестия.

Другим аспектом трудов иером. Димитрия по прославлению русских святых было создание посвященных им богослужебных текстов. Вероятно, что начало гимнографического творчества положил случай, приведший бегущего от войны послушника А. Воскресенского в Тульскую губернию. В 1888 г. Святейший Синод восстановил почитание и дал официальное разрешение молитвенно прославлять преподобного Макария Жабынского [46, л. 1], в 1898 г. тульский протоиерей А. Иванов составил канон святому, который включался в состав общей службы преподобному при совершении бдения святому Макарию [46, л. 6–8 об.]. В 1914 г. Жабынский монастырь готовился отмечать 300-летний юбилей возрождения обители после разорения поляками, в связи с этим настоятель монастыря игумен Кирилл поручил

послушнику Алексею Воскресенскому, который некоторое время пребывал в обители, довершить службу преподобному Макарию. Написанная служба была одобрена Санкт-Петербургским духовным цензурным комитетом и выпущена отдельным изданием в 1915 г. [47]. Впоследствии эта служба была включена в «Зеленые» минеи и вошла в современный богослужебный обиход. Что касается акафиста, как видно из документов, текст гимна также отправлялся в духовную цензуру, тем не менее отправляя экземпляры службы и цензурное разрешение отцу Димитрию в 1916 г., игумен Кирилл ничего не говорит об акафисте, который официального дозволения к печати по неизвестным причинам не получил [48, л. 99].

Иеромонах Димитрий, будучи ревностным почитателем святителя Димитрия и некоторое время насельником Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря, имел особое попечение о молитвенном прославлении Ростово-Ярославских святых. В одном из писем еп. Иосифу (Петровых) Угличскому он предлагает учредить отдельное празднование Ростовским святителям [48, л. 76]. Сохранились черновики службы и акафиста Ростовским Чудотворцам, созданные, очевидно, в надежде на установление празднования собора Ростовских святых [48, л. 7–8 об., л. 10–20].

В честь Ростово-Ярославских святых были написаны также два акафиста: святителю Игнатию Ростовскому [48, л. 9–9 об.] и преподобному Паисию Угличскому [48, л. 22–25], сохранившиеся в рукописях, также в письме еп. Иосифу упоминается акафист свт. Исаии Ростовскому [48, л. 75], текст которого утрачен. Небезынтересным является факт, что сам епископ Иосиф известен как автор нескольких акафистов, среди которых акафист прп. Иакову Ростовскому, одобренный в 1913 году [49, л. 38, 39].

Еще одно место, к которому о. Димитрий имел особую привязанность, — это Вологодская земля. В Павло-Обнорском монастыре он долгое время пробыл послушником. Сохранилась рукопись службы с акафистом этому святому [50, л. 17–44], посланная о. Димитрием вместе со статьями для «Троицкого слова» Никону (Рождественскому) архиеп. Вологодскому, редактору журнала, в котором он публиковался с 1912 г. Ни служба, ни акафист, видимо, так и не были представлены в цензуру и не опубликованы.

Однако среди литургических текстов автора встречаются посвящения не только русским святым. Примером является служба преподобному Николаю игумену Студийскому [48, л. 53–56 об.]. Довольно необычный выбор святого обусловлен тем, что служба была написана для ярославского священника Николая Мирова, который, видимо, носил имя этого святого. Знакомство с о. Николаем, вероятно, произошло на почве сотрудничества в ярославском журнале «Приходская жизнь», редактором которого

священник стал в 1915 г.; в последующие два года в журнале публикуется несколько статей иером. Димитрия, посвященных ростовским сюжетам. Служба заказчику понравилась, сохранилось письмо, в котором о. Николай благодарит за присыл службы и выражает желание получить одобрение в Синоде для ее публикации, чему, однако, не суждено было сбыться [48, л. 186–186 об., л. 194]. По-видимому, иеромонах Димитрий намеревался также составить акафист преподобному, сделав указание на него в службе, но текст либо не был написан, либо не сохранился.

Обстоятельства создания службы Пресвятой Богородице ради иконы «Троеручица» неясны. В черновике дошел только фрагмент утрени [48, л. 57–58 об.]. Известно, что дореволюционная минея не имела особой службы в честь Троеручицы, а присланная И. Морозовым в 1881 г. на рассмотрение в Московский духовный цензурный комитет служба с акафистом не была одобрена [51]. По-видимому, служба написана по личной инициативе иером. Димитрия и связана с его любовью к Афону.

Нетрудно заметить, что выбор посвящений обусловлен местами пребывания и путешествий иеромонаха Димитрия. Его гимнография создается для группы древних прославленных русских святых, которые имели преимущественно региональное почитание и не имели собственных служб. На протяжении XIX – в начале XX века отсутствие в минеях последования таковым святым постепенно восполнялось преимущественно путем одобрения и отдельного издания издавна употреблявшихся в определенном месте текстов или написания новых, чаще всего людьми, связанными с местом подвига или почитания святого. Все службы, написанные о. Димитрием, предполагают совершение всенощного бдения в день памяти этих святых, что предполагает их употребление в первую очередь в церквях и монастырях, связанных с особым почитанием святого. Хотя, вероятно, иером. Димитрий, создавая свои литургические тексты, надеялся способствовать тем самым всероссийскому почитанию избранных святых.

Характерно, что иером. Димитрий в равной степени работает как в жанрах, составляющих последование службы, так и в относительно поздно развившемся жанре акафиста, ставшем за XIX в. наиболее демократичным и популярным жанром в Русской церкви. Составление нормального набора литургических текстов для о. Димитрия подразумевает не только написание службы, но и акафиста, что свидетельствует об укоренении паралитургических акафистов в богослужебной практике Русской церкви.

В лице иером. Димитрия предстает замечательный пример «профессионального» гимнографа, для которого написание литургических текстов — не только выражение личного благочестия, но и своеобразная форма служения Церкви и народу. Интересна в данном случае личность самого гимнографа, в частности проблема того, кто в Русской

церкви Нового времени так или иначе воспринимает на себя эту роль. Прецедент обращения игумена Кирилла к послушнику-литератору для написания службы, выбор по критерию литературной одаренности и опыта указывает на близкую связь гимнографии и литературы в представлении людей эпохи. Это прослеживается и на влиянии русского литературного языка на церковнославянский новых акафистов и служб.

Таким образом, гимнографическое творчество иеромонаха Димитрия (Воскресенского) соответствует главным тенденциям церковной жизни своего времени. Преломление общих тенденций в индивидуальном творчестве всегда дает неповторимую единичную картину, а история жизни иеромонаха Димитрия добавляет замечательный штрих к коллективному портрету русских гимнографов Нового времени.

Ссылки

1. Воскресенский А. Открытое письмо Преподобным Аввам обителей, возлюбленнейшим отцам и братьям о Христе // Русский инок. 1912. № 2, вып. 50. С. 35–42.
2. Минея дополнительная. СПб.: С.-Петербургская Синодальная Типография, 1909. 153 л.
3. Верный Месяцеслов всех русских святых, чтимых молебнами и торжественными литургиями общецерковно и местно, составленный по донесениям Святейшему Синоду преосвященных всех епархий в 1901–1902 годах. М.: Синодальная Типография, 1903. 72 с.
4. Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. Минеиные службы Нового времени: история, поэтика, семантика // Минеи: образец гимнографической литературы и средство формирования мировоззрения православных. Olsztyn, 2013. С. 15–90.
5. Евдокимова А. А. Из неопубликованного наследия иеромонаха Димитрия — насельника Оранского Богородицкого монастыря // Наследие монастырской культуры. Ремесло, художество, искусство. СПб, 1997. Вып. 1. С. 5–11.
6. Власова Е. И. Религиозный писатель Алексей Константинович Воскресенский и его труды: открытие забытого имени // Здравница. 2012. № 29. URL: <https://blagomm.ru/site/watchMagazine?id=14>. № 30. URL: <https://blagomm.ru/site/watchMagazine?id=15>. (дата обращения: 20.10. 2020).
7. Анатолий иером. Две годовщины из жизни скромного церковного писателя. Грязовец: Типография А. И. Краморева, 1912. 12 с.
8. Воскресенский А. «Житие и подвиги Преподобного и Богоносного отца нашего Тихона, Лухского Чудотворца» // Костромские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1888. № 23. С. 646–654.
9. Воскресенский А. «Житие и подвиги Преподобного и Богоносного отца нашего Тихона, Лухского Чудотворца» // Костромские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1888. № 24. С. 679–686.

10. Воскресенский А. Свято-Троицкая Кривоезерская пустынь (Костромской губернии Макарьевского уезда) // Костромские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1889. № 13/14. С. 276–284.

11. Воскресенский А. Свято-Троицкая Кривоезерская пустынь (Костромской губернии Макарьевского уезда) // Костромские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1889. № 16. С. 317–327.

12. Воскресенский А. Чудотворная икона Иерусалимской Божией Матери, находящаяся в Троицкой Кривоезерской пуст. (Костромской губ. Макарьевского у.) // Костромские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1889. № 10. С. 218–228.

13. Воскресенский А. Игум. Корнилий (Уланов) (в схиме Карион), изобразитель чудотворной иконы Иерусалимской Божией Матери (в Кривоезерской пуст.) // Костромские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1889. № 6. С. 129–137.

14. Воскресенский А. Свято-Троицкая Кривоезерская пустынь (Костром. губ. Макарьев. уезда). Кострома: типо-лит. А. Азерского, 1904. 43 с.

15. Воскресенский А. Николаевский Бабаевский общежительный монастырь Костромской епархии и святыни его. Кострома: Губернская типография, 1912. 31 с.

16. Воскресенский А. Преподобный Иаков игумен, Железнодорожский чудотворец, и основанный им Иоанно-Предтеченский Железнодорожский монастырь Костромской епархии. Кострома: Губернская типография, 1913. 116 с.

17. Воскресенский А. Свято-Троицкий женский монастырь, Галичского у., Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1913. № 21. С. 609–624.

18. Воскресенский А. Свято-Троицкий женский монастырь, Галичского у., Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1914. № 3. С. 60–65.

19. Воскресенский А. Свято-Троицкий женский монастырь, Галичского у., Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1914. № 4. С. 82–87.

20. Воскресенский А. Свято-Троицкий женский монастырь, Галичского у., Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1914. № 6. С. 120–125.

21. Воскресенский А. Воскресенский Мамай-Маджарский монастырь Ставропольской епархии // Русский паломник. 1906. № 11. С. 167–168.

22. Воскресенский А. Из современной летописи Чуркинской пустыни // Астраханские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1903. № 5. С. 221–224.

23. Воскресенский А. Святыни Успенской-Николаевской Чуркинской общежительной пустыни Астраханской епархии // Астраханские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1903. № 17. С. 890–896.

24. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1908. № 16. С. 605–615.

25. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1908. № 17. С. 723–730.

26. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1908. № 18. С. 683–692.

27. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1908. № 22. С. 834–841.

28. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1908. № 24. С. 909–915.

29. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1909. № 2. С. 55–61.

30. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1909. № 3. С. 91–102.

31. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1909. № 4. С. 130–138.

32. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1909. № 5. С. 162–169.

33. Воскресенский А. Покрово-Болдинский монастырь близ Астрахани (Историко-статистический очерк) // Астраханские Епархиальные Ведомости. Неофициальный отдел. 1909. № 7. С. 230–238.

34. Воскресенский А. Владикавказский Троицкий мужской монастырь // Владикавказские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1908. № 35. С. 634–640.

35. Воскресенский А. Монастырское подворье Второ-Афонской Успенской обители в г. Пятигорске // Владикавказские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1908. № 31. С. 575–579.

36. Воскресенский А. Монастырское подворье Второ-Афонской Успенской обители в г. Пятигорске // Владикавказские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1908. № 32. С. 589–596.

37. Воскресенский А. Второ-Афонское всеобщее бдение // Владикавказские епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1908. № 29. С. 532–538.

38. Воскресенский А. Черноморская Екатерино-Лебяжская Николаевская общежительная пустынь Кубанской области. Нижний Новгород: типо-лит. И. М. Машистова, 1909. 35 с.
39. Воскресенский А. Материалы для статистического описания церквей и монастырей Астраханской епархии // Астраханские епархиальные ведомости. Неофициальный отдел. 1909. № 1. С. 5–11.
40. Воскресенский А. Город Елец в его настоящем и прошлом: (Опыт ист. очерка). Елец: Типография газеты «Голос порядка», 1911. 186 с.
41. Воскресенский А. Из летописи Павло-Обнорского монастыря: (посещение обители Великою Княгинею Елизаветою Феодоровною) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1912. № 20. С. 497–501.
42. Воскресенский А. Свято-Троицкий Павло-Обнорский третьеклассный общежительный мужской монастырь Вологодской епархии: Исторический очерк. Вологда: Издательство монастыря, 1914. 224 с.
43. Воскресенский А. Троицко-Павло-Обнорский Патерик. Павло-Обнорский игумен Иоасаф, в схиме Серафим, ученик преподобного Серафима Саровского // Русский инок. 1915. № 21, вып. 134. С. 1299–1305.
44. Воскресенский А. Троицко-Павло-Обнорский Патерик. Павло-Обнорский иеромонах Нафанаил. Павло-Обнорского монастыря архимандрит Агафангел // Русский инок. 1915. № 24, вып. 137. С. 1415–1428.
45. Воскресенский А. Троицко-Павло-Обнорский Патерик. Павло-Обнорский старец — иеромонах Сергей // Русский инок. 1916. № 1, вып. 138. С. 41–45.
46. Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2452.
47. Служба преподобному отцу нашему Макарию Жабынскому, Белевскому чудотворцу. М.: Синодальная Типография, 1915. 24 л.
48. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 588. Оп. 1. Д. 416 а.
49. Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области. Ф.145. Оп. 2. Д. 5.
50. Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 765. К. 17. Д. 45.
51. Центральный Государственный архив Москвы. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 3436.

Once again about the basis of criminal liability in the aspect of modern criminal policy

A. V. Ivanchin¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-370-377

Research article
Full text in Russian

The article shows the evolution of the normative model of the basis of criminal liability in soviet times and in recent history (during the period of the Criminal Code of the RSFSR in 1922, the Criminal Code of the RSFSR in 1926, the Criminal Code of the RSFSR in 1960 and the Criminal Code of the Russian Federation in 1996). The author substantiates the opinion that when determining the basis of criminal liability, the lawmaker should avoid extremes and strive to find the «golden mean». In this regard, the concept of a “dangerous state of personality”, developed by representatives of the sociological school of law and introduced into the domestic criminal law almost a hundred years ago, is criticized. At the same time, the article proves the need to take into account, within reasonable limits and forms, in the process of criminal law-making, the dangerous properties of the criminal’s personality. The author criticizes the criminal policy of recent years regarding the introduction of amendments to the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, which are not consistent with art. 3, 8 of the Criminal Code of the Russian Federation (when the boundaries of the corpus delicti are vaguely formulated, not acts, but states are criminalized, etc.).

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; Criminal Code of the RSFSR; crime; basis; criminal responsibility; corpus delicti; theory of a dangerous state of personality; criminalization; special recidivism; differentiation of responsibility

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanchin, Artem V. | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
Doc. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University, Project VIP–015.

Еще раз об основании уголовной ответственности в свете современной уголовной политики

А. В. Иванчин¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-370-377
УДК 343.326

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье показана эволюция нормативной модели основания уголовной ответственности в советское время и в новейшей истории (в период действия УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г.). Автор обосновывает мнение о том, что при определении основания уголовной ответственности правотворцу следует избегать крайностей и стремиться к поиску «золотой середины». В этой связи критикуется концепция «опасного состояния личности», разработанная представителями социологической школы права и внедренная в отечественный уголовный закон без малого столет назад. При этом в статье доказывается необходимость учета в разумных пределах и формах в процессе уголовного правотворчества опасных свойств личности преступника. Автором критикуется уголовная политика последних лет в части внесения в Особенную часть УК РФ поправок, которые не согласуются со ст. 3, 8 УК РФ (когда размыто формулируются границы состава преступления, криминализируются не деяния, а состояния, и т. д.).

Ключевые слова: УК РФ; УК РСФСР; преступление; основание; уголовная ответственность; состав преступления; теория опасного состояния личности; криминализация; специальный рецидив; дифференциация ответственности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванчин, Артем Владимирович | E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru
Доктор юридических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP–015.

В 2022 г. исполнится ровно сто лет с момента принятия постановления Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, подписанного «всесоюзным старостой» М. И. Калининым, согласно которому с 1 июня 1922 г. в нашей стране был введен в действие Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г. Нормативная модель основания уголовной ответственности по УК 1922 г. была выражена в ряде его статей и выглядела следующим образом (курсив наш. – А. И.):

© Иванчин А. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

1) «УК РСФСР имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений *и от общественно опасных элементов* и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты» (ст. 5);

2) «Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, *угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени*» (ст. 6);

3) «Опасность лица обнаруживается совершением *действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку*» (ст. 7);

4) «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, *наказания или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса*» (ст. 10);

5) «Лица, признанные судом по своей преступной деятельности *или по связи с преступной средой данной местности* социальноопасными, могут быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не свыше трех лет» (ст. 49) [1].

В 1926 г. был принят новый УК РСФСР (точнее говорить, «новая редакция УК 1922 г.»). Нормативная модель основания уголовной ответственности по УК 1926 г. была во многом сходной с закрепленной в УК 1922 г. (сохранены определение преступления и аналогия закона и т. д.). Правда, появилась норма о малозначительности: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного» (примечание к ст. 6).

Вместе с тем в УК 1926 г. еще более рельефно были выражены классовые начала предыдущего Кодекса: «В отношении лиц, совершивших общественно-опасные действия *или представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности* применяются *меры социальной защиты* судебного-исправительного, медицинского, либо медико-педагогического характера» (ст. 7) [2].

Квинтэссенцией классовой направленности УК 1922 г. и УК 1926 г. явилась возможность применения мер уголовной ответственности не только за конкретно совершенное преступление, но и в отношении лиц, опасных в силу своей связи с преступной средой или прошлой деятельности. Тем самым на законодательном уровне была воспринята теория «опасного состояния личности», разработанная представителями социологической школы уголовного права. Идеи вдохновители социологической школы (Ф. Лист, А. Принс и др.) исходили из того, что человек может представлять для общества опасность по своим индивидуальным особенностям независимо от совершения этим лицом преступления, и считали необходимым

применять самые кардинальные меры репрессии к таким «опасным» лицам. Добавим также, что меры уголовной ответственности, поименованные в УК 1922 г. как наказания и меры социальной защиты, в УК 1926 г. в целом стали обозначаться последним термином, т. е. мерами социальной защиты. Но в целом можно сказать, что УК 1922 г. и УК 1926 г. явили собой торжество идей социологической школы уголовного права.

Не удивительно, что данная законодательная модель основания уголовной ответственности послужила хорошим инструментом для чудовищных репрессий сталинского времени. УК 1926 г. действовал до вступления в силу УК 1960 г., т. е. до 1961 г., и именно на основании УК 1926 г. были произведены самые масштабные классовые «чистки» нашего народа, хорошо проиллюстрировавшие, что такое теория «опасного состояния личности» в своем реальном действии. Данная концепция впоследствии была по достоинству оценена в доктрине. «Идея “опасного состояния”, – пишет профессор А. В. Наумов, – одно из самых реакционных изобретений уголовно-правовой теории. Замена наказания мерами безопасности на деле означает отрицание основных институтов уголовного права, игнорирование принципа ответственности за вину в совершении предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния. Идеи социологической школы позже нашли свое отражение, например, в итальянском Уголовном кодексе 1931 г., принятом во времена господства в стране фашистского режима» [3, с. 531–532]. Действительно, наш народ заплатил слишком большую цену за внедрение указанной теории в уголовный закон.

В УК РСФСР 1960 г. наиболее одиозные и отмеченные выше положения социологической школы, нашедшие отражение в формуле основания уголовной ответственности, были заменены на разработанные классической школой уголовного права. Основанием ответственности было признано преступление (определенное формально-материально), аналогия запрещена, место мер социальной защиты заняли наказания и т. д. Но тем не менее личность преступника продолжала играть немалую роль в криминализации и дифференциации ответственности, например, опасные свойства личности преступника выступали криминообразующим признаком, когда в основной состав вводилось условие об административной преюдиции, и часто использовались как квалифицирующее обстоятельство, в частности, путем указания на совершение преступления рецидивистом.

Что происходило далее при разработке и принятии УК 1996 г., хорошо известно специалистам и не нуждается в подробном пересказе. Возобладала идея максимального ухода от личности в обосновании уголовной ответственности. Акцент был перенесен с преступника на преступление. Фактор личности в процессе криминализации был практически полностью нивелирован (исключена административная преюдиция в «чистом виде» и т. д.). И даже в, казалось бы, очевидных феноменах, связанных с личностью, была предпринята попытка перенести фокус внимания на объективные свойства деяния. Например, понятие рецидивиста была заменено понятием рецидива преступлений.

В нормативной модели основания уголовной ответственности в УК РФ 1996 г. обрели завершённый вид идеи классической школы уголовного права: 1) принцип законности предписывает определять преступность деяния исключительно на основании норм УК РФ и запрещает аналогию уголовного закона (ст. 3); в ст. 8 основанием уголовной ответственности, которое фактически возведено в ранг самостоятельного принципа уголовного права, признается деяние, содержащее состав преступления (по сути дела преступление; состав обозначен здесь как эталон квалификации); преступление определяется по формально-материальной формуле и лишено классового характера (ч. 1 ст. 14); а ч. 2 ст. 14 позволяет преодолеть излишний формализм уголовного права, позволяя признать непроступным (малозначительным) любое деяние, предусмотренное УК, если оно не опасно. Вот эти положения и образуют каркас современной модели основания уголовной ответственности, причем они прошли солидную проверку временем (в этом году, как известно, отмечается юбилей УК РФ, который был принят 25 лет назад).

Правда, с течением времени (в период действия УК 1996 г.) уголовная политика государства неоднократно менялась. Можно говорить, в частности, о проникновении (пусть и фрагментарном) идей социологической школы уголовного права в современное российское уголовное законодательство, но не прямым путем – через изменение перечисленных норм Общей части УК, а посредством корректировки Особенной части. Так, все мы знаем историю возвращения в прямом виде административной преюдиции в УК РФ. Более того, число составов преступлений с указанным признаком постепенно растет. Например, Федеральным законом от 30.12.2020 № 525-ФЗ условие о предшествующем привлечении к административной ответственности было введено в составы преступлений, предусмотренные ч. 2 и ч. 3 ст. 330.1 УК (злостное уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством РФ, в связи с признанием лица выполняющим функции иностранного агента).

Кроме того, несмотря на сохранение в Общей части УК РФ вполне сбалансированных положений об основании уголовной ответственности (ст. 3, 8, 14 и др.), в Особенной части начинают появляться нормы, в которых ответственность «привязана» к опасному «состоянию» личности. Так, Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ была введена ст. 210.1 УК «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Своеобразие данной новеллы заключается в том, что основанием уголовной ответственности она признает не конкретное деяние, которое, в силу ст. 8 и 14 УК РФ, должно им выступать, а статус (положение) лица в криминальном мире. Это, конечно, не уголовное преследование представителей «класса эксплуататоров» (помещиков, дворян и др.), а позже «кулаков» и политически неблагонадежных элементов, как это было в ходе репрессий советского времени, но в некотором смысле реанимация теории «опасного состояния личности». Понятно, что сделано это из самых лучших побуждений (усиление борьбы с организованной и профессиональной преступностью), но, как известно, «благими намерениями вымощена дорога в ад». Тем более что к таким средствам ради

достижения желаемой цели прибегать нет смысла, если учесть современные возможности по доказыванию конкретной криминальной активности лидеров и членов организованных групп и преступных сообществ (красноречивой иллюстрацией чего является дело Захария Калашова («Шакро Молодого»), отправленного «за решетку» на длительный срок).

Оценивая колебания современной уголовной политики в вопросах основания уголовной ответственности, позволим себе высказать собственные соображения на этот счет, являющиеся плодом достаточно длительного осмысления указанных вопросов.

Первый тезис. С ним, пожалуй, никто не будет спорить. С учетом нашего исторического прошлого (в частности, норм УК 1922 г. и УК 1926 г., написанных под диктовку сторонников социологической школы права, и опыта его применения, особенно в годы сталинских репрессий) мы должны свято хранить и оберегать от «посягательств» нынешнюю модель основания уголовной ответственности, закрепленную в Общей части УК РФ (ст. 3, 8, 14). Двойственность в регулировании основания уголовной ответственности, когда ей подвергаются не только лица, совершившие преступление, но и лица, опасные для общества на взгляд власти, – основа беззакония и произвола. Об этом следует помнить столь же хорошо, сколь отчетливо мы помним о страшных по своему масштабу последствиях внедрения этой модели в уголовный закон. В связи с этим критической оценке следует подвергать, по нашему мнению, и любые попытки отступить от положений Общей части УК при внесении изменений в его Особенную часть (имеются в виду и случаи криминализации некоего опасного состояния лица, как в ст. 210.1, и конструирование составов преступлений с аморфными границами, как, например, в ст. 238 УК).

Второй тезис. В вопросах учета опасных свойств личности преступника в процессе криминализации, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности необходимо придерживаться, по нашему глубокому убеждению, «золотой середины» (*aurea mediocritas*). Это понятие со времен древнегреческой философии (в трудах Аристотеля и др.) означает желанную середину между двумя нежеланными крайностями (добродетель храбрости лежит посередине между пороками безрассудства и трусости и т. д.). Конечно, и это абсолютно закономерно и логически выверено, центр тяжести при определении реакции государства (и ее объема) на противоправное поведение должен приходиться на объективные свойства деяния: его объект, размах, способ, вредные последствия и т. д. Затем учету подлежат субъективные признаки: сначала форма и вид вины, потом цели и мотивы. И, наконец, принимаются во внимание признаки субъекта преступления: сначала общие (в частности, возраст), а затем и специальные, в том числе характеризующие опасность личности (прежде всего предшествующее противоправное поведение).

С этих позиций модель основания уголовной ответственности, закрепленная в УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г., не просто крайность, а предельная степень ее проявления. Разрешение аналогии и возможность

применения мер репрессии к лицу, не совершившему противоправного деяния, конечно, страшная страница в истории отечественного уголовного права. И наша задача – сделать все, чтобы никогда не повторить этот урок. Но при этом не следует ударяться и в другую крайность, когда опасность личности вообще исключается из детерминант криминализации или дифференциации ответственности. Причем учет опасных свойств личности преступника должен возрастать, по нашему мнению, при переходе от процесса криминализации к дифференциации уголовной ответственности, а затем – к ее индивидуализации. То есть *при установлении уголовно-правового запрета опасность личности должна учитываться самым минимальным образом (в строго ограниченных формах и пределах), в процессе дифференциации – в большей степени и, наконец, максимально полно – при индивидуализации ответственности*. Так, если говорить о признаке административной преюдиции как средстве криминализации, то его оптимальное использование нам видится следующим. Основание криминализации – общественная опасность поведения. Очевидно, что в абсолютном большинстве случаев она определяется исключительно объективными свойствами акта человеческого поведения: его объектом, свойствами самого деяния или его последствий и т. д. Поэтому, например, при криминализации убийства и причинения смерти по неосторожности, похищения человека или изнасилования и т. д., и т. п. ни о какой преюдиции и речи идти не может. В этих случаях, коих львиная доля, общественная опасность содеянного налицо и без предшествующего привлечения субъекта к административной ответственности.

В равной мере абсолютное большинство административных правонарушений, даже будучи многократно повторенными, не достигает того уровня опасности, который характерен для преступлений. Ясно, например, что даже десятки случаев перехода одним и тем же человеком дороги на запрещающий сигнал светофора или превышение скорости сами по себе (без соответствующей тяжести последствий) будут недостаточны для криминализации (но опять-таки все относительно, и даже по таким нарушениям нужно внимательно отслеживать их структуру и динамику).

Получается, что лишь в единичных случаях совершения административных нарушений, степень вредоносности которых достаточно высока (хотя однократно и не достигает границы общественной опасности), когда меры предшествующего административного реагирования не дают результата, ибо субъект упорно их игнорирует, государство вправе ставить вопрос о криминализации такого поведения. С этих позиций широкое использование инструмента административной преюдиции – такая же крайность, как и его полное забвение. Вот почему мы в целом приветствуем существующий курс законодателя на дозированное использование данного признака при конструировании основных составов преступлений (причем и на его сочетание с признаком предшествующей судимости, как это, например, логично сделано в ст. 264.1 УК РФ).

При дифференциации же ответственности возможно более широко (в сравнении с процессом криминализации) использовать квалифици-

рующие признаки, указывающие на опасные свойства личности (прежде всего специальный рецидив). И здесь в УК РФ имеется огромный резерв для углубления и упорядочения дифференциации ответственности. Примечательно, что за четверть века действия УК РФ позиция законодателя в этом вопросе последовательно не отличалась. В момент принятия УК 1996 г. признак специального рецидива (тождественных или однородных преступлений) достаточно часто встречался в его нормах. Например, в статьях о хищениях ответственность за их совершение усиливал признак совершения преступления «лицом, ранее два или более раза судимым за хищение либо вымогательство». Но уже в 2003 г. этот и ему подобные квалифицирующие признаки были исключены из УК, равно как и ликвидировано понятие неоднократности. Затем в отдельных статьях Особенной части признак специального рецидива стал вновь появляться. Так, все мы помним, когда в 2012 г. в ст. 131, 132, 134 и 135 УК РФ появились части с наиболее строгой санкцией за совершение преступления «лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего».

Очередной раз об этом приеме законодатель вспомнил в 2016 г., когда вводил в УК нормы о мелком взяточничестве и мелком коммерческом подкупе (ст. 291.2, 204.2 УК РФ), ответственность за которые была усилена посредством указания на лицо, имеющее судимость за совершение соответствующих коррупционных преступлений. В итоге никакой системности в вопросе учета данного квалифицирующего признака в УК РФ не наблюдается. Абсолютно непонятно, почему за указанные выше преступления (половые и коррупционные) ответственность градуирована с помощью специального рецидива, а за большинство иных преступлений – нет. Причем есть немало преступлений, которые, согласно многочисленным официальным данным, становятся профессиональной специализацией криминалитета (хищения, наркопреступления, фальшивомонетничество и т. д.). Совершенно очевидно, что в вопросах учета (а по факту – неучета) криминального прошлого субъекта в процессе дифференциации ответственности действующая редакция УК РФ 1996 г. в определенном смысле являет собой такую же крайность, каким являлись УК 1922 г. и УК 1926 г. с его теорией «опасного состояния личности». Еще раз призовем отечественного законодателя к поиску «золотой середины» в этом вопросе. Если мы хотим серьезно заниматься профилактикой профессиональной и организованной преступности, необходимо самым тщательным образом относиться к обеспечению полноты и системности регламентации рецидива преступлений в Общей и Особенной частях УК (кстати, давно пора начать называть вещи своими именами, вернувшись к старому, но более точному названию «рецидивист»).

Ссылки

1. Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1922 года // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. 1926 года // СПС «КонсультантПлюс».
3. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М., 2014. Ч. I. 752 с.

By trial and error: project creation problems of the Code of Basic Labor Laws of the USSR in 1925

A. B. Ivanov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-378-387

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the problems of codification of the labor legislation of the USSR in the 1920s. The empirical basics for it was the provisions of Soviet normative legal acts, materials of the practice of legal systematization, including information from unpublished (archival) sources, information from reference and scientific literature of the specified period. The work shows the main trends in the legal regulation of labor and relation closely related to them, characterizes the system of sources of labor law, touches upon the causes for its codification at the all-union level. The process of developing the draft Code of Basic Labor Laws of the USSR, which was supposed to become the first branch codified act of union significance is considered. The grounds, conditions and reasons for this codification are identified, its organizational and technical-legal aspects are investigated, and the subject composition is shown. The reasons are revealed due to which the work on the creation of an all-union labor code was not completed (lack of a clear conceptual and legal basis for codification, instability of social relations regulated by labor law, etc. The influence of the codification on the subsequent development of the Soviet labor legislation is shown.

Keywords: Codification; system of labor legislation; the Code of Basic Labor Laws of the USSR; codes of labor laws of the union republics

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ivanov, Artyom B. | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Путем проб и ошибок: проблемы разработки проекта Кодекса основных законов о труде СССР 1925 г.

А. Б. Иванов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-378-387
УДК 340.158

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящается проблемам кодификации трудового законодательства СССР 1920-х годов. Эмпирической базой для нее послужили положения советских нормативных правовых актов, материалы практики юридической систематизации, в том числе данные из неопубликованных (архивных) источников, информация из справочной и научной литературы указанного периода. В работе показываются основные тенденции в правовом регулировании трудовых и тесно связанных с ними отношений, характеризуется система источников трудового права, затрагиваются предпосылки его кодификации на общесоюзном уровне. Рассматривается процесс разработки проекта Кодекса основных законов о труде СССР, который должен был стать первым отраслевым кодифицированным актом союзного значения. Выявляются основания, условия и поводы для данной кодификации, исследуются организационные и технико-юридические аспекты, показывается ее субъектный состав. Раскрываются причины, вследствие которых работа по созданию общесоюзного трудового кодекса не была завершена (отсутствие четкой концептуальной и юридической основы кодификации, нестабильность общественных отношений, регулируемых трудовым правом и др.). Показывается влияние кодификации на последующее развитие советского законодательства о труде.

Ключевые слова: кодификация; система трудового законодательства; Кодекс основных законов о труде СССР; кодексы законов о труде союзных республик

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов, Артем Борисович | E-mail: a.ivanov1@uniyar.ac.ru
| Кандидат юридических наук, доцент

Любой кодифицированный акт, являясь результатом как правовой систематизации, так и законотворчества, в процессе создания проходит определенные стадии, начиная от формулирования и обоснования концепции кодификации и заканчивая утверждением законопроекта компетентным органом с последующим вступлением в юридическую силу. Вместе с тем, как свидетельствует практика, далеко не всегда кодификация бывает успешной и приводит к появлению в системе законодательства нового значимого акта. В истории есть немало примеров незавершенных кодификаций, когда работы по созданию кодекса, даже весьма основательные, неожиданно прекращались по инициативе законодателя, а порой и без прямого выражения его воли. При этом правовая реформа могла останавливаться не только на ранних этапах, например во время разработки проекта акта кодификации, обсуждения его концептуальной основы, структуры и содержания (деятельность Уложенной комиссии при Екатерине II в 1767–1768 гг., подготовка Гражданского и Уголовного кодексов СССР в середине прошлого века). Печальная судьба не утверждения могла ждать даже полностью подготовленный законопроект, прошедший основную часть согласований и находившийся «на столе» у законодателя (Гражданские уложения Российской империи начала XIX и XX вв.). Известны также успешные, но чрезмерно долгие кодификации, которые, несмотря на наличие социальной потребности в правовой определенности и политической воли к усовершенствованию законодательства, не были оперативно осуществлены и служили предметом для критики со стороны специалистов и общественности (советская конституционная реформа второй половины XX в., подготовка КЗоТ РСФСР 1971 г. и действующего Трудового кодекса РФ 2001 г.) [1, с. 74–77]. Предложения по кодификации отдельных областей законодательства, порой весьма спорные, высказываются и в настоящее время [2].

В этой связи важно исследовать в общетеоретическом, историческом и отраслевом аспектах причины, препятствовавшие кодификации, выявлять и анализировать объективные и субъективные факторы, замедлявшие данный процесс или не позволявшие его завершить. Изучение указанных вопросов позволит повысить качество кодификации в современных условиях. Здесь важно подчеркнуть, что перечисленные трудности кодификации в большей или меньшей степени могут быть характерны и для иной правотворческой и правосистематизирующей деятельности. Однако, в силу высокого статуса актов кодификации, их особого места в системе законодательства, важной роли в механизме правового регулирования, проблемам разработки данных актов должно уделяться перво-

чередное внимание. В рамках настоящей работы будет рассмотрена одна из малоизученных незавершенных кодификаций советского периода.

Определение и разграничение законотворческих полномочий органов власти различного уровня относилось к числу важных и непростых задач, которые требовалось решить в процессе создания Союзного государства. Юридической основой для такого определения и разграничения стали в итоге Договор об образовании СССР 1922 г. и Конституция СССР 1924 г. В соответствии с данными конституционными актами трудовое законодательство относилось к совместному союзно-республиканскому ведению [3, с. 129]. К ведению Союза в лице его высших органов акты относили «установление основных законов о труде» (п. «п» ст. 1 Договора, п. «р» ст. 1 Конституции). Смысл этой формулировки был не вполне ясен даже самому законодателю. С одной стороны, она интерпретировалась как форма союзного акта, с другой – как указание на полномочия в области законотворчества [4, с. 73; 5, с. 14]. Так или иначе отсутствие четко очерченных контуров союзной кодификации не стало препятствием для практической работы в этой области.

Важно подчеркнуть, что, начиная с первых дней существования СССР, ни у практических работников, ни у представителей юридической науки не было сомнений в актуальности кодификации законодательства о труде на союзном уровне. Ключевые же ее проблемы заключались в нормативном наполнении кодекса союзного значения, в соотношении положений данного акта с нормами уже действовавших кодексов союзных республик (КЗоТ РСФСР 1922 г. и др.), в разграничении общесоюзной и республиканской компетенции в области регулирования трудовых отношений [4, с. 72]. Прийти к общему знаменателю по указанным вопросам законодателю и доктрине в 1920-е гг. так и не удалось, что стало камнем преткновения при подготовке кодекса о труде СССР.

Комплексный анализ источников говорит о том, что в 1920-е гг. сложилось три концептуальных подхода к кодификации союзного трудового законодательства.

Первый подход предусматривал детальную регламентацию трудовых отношений союзным законодательством, прежде всего трудовым кодексом СССР, который должен был заменить действовавший КЗоТ РСФСР и аналогичные акты других союзных республик (*сверхкодекс*). *Второй подход* предполагал принятие на союзном уровне рамочного акта кодификации, определявшего лишь общие направления правового регулирования в сфере труда и предоставлявшего широкий простор для законотворчества союзным республикам (*кодекс-декларация*). *Третий подход* рассматривал кодекс СССР как акт, который, наряду с закреплением основных

принципов трудового законодательства, должен был подробно нормировать значительную часть трудовых отношений, при этом и республиканским актам кодификации отводилась важная роль в решении отдельных вопросов, связанных с историческими, национальными, социально-экономическими и иными особенностями союзных республик (*сбалансированный кодекс*).

Первоначально законодатель ориентировался на **первый подход**. В целом в союзном государстве фактически сразу наметилась тенденция к регулированию труда рабочих и служащих в централизованном порядке посредством издания нормативных актов общесоюзного значения. После образования СССР было немало сторонников точки зрения, согласно которой принятый еще до учреждения Союза КЗоТ РСФСР является не чем иным, как актом общесоюзного значения. Юридическим обоснованием этой позиции служило постановление ВЦИК от 9 ноября 1922 г. «О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР», в котором указывалось, что КЗоТ распространяется на территории РСФСР и всех союзных и автономных республик и областей [6]. Данное постановление было утверждено при участии представителей других советских республик, что расширяло пространственную сферу действия российского кодекса. Кроме того, общесоюзный статус КЗоТ РСФСР подтверждался декретом ЦИК СССР от 13 июля 1923 г. «О декретах и постановлениях ВЦИК и его Президиума», в соответствии с которым все акты этих органов, которые, в силу договорных отношений между РСФСР и союзными республиками и в силу полномочий, данных ЦИК СССР Президиуму ВЦИК в декабре 1922 г., получили распространение на территории РСФСР, союзных и договорных республик, сохраняли силу как обязательные к действию на всей территории СССР [7]. У сторонников приведенной позиции не было единства лишь по вопросу о том, требуется ли принимать специальный закон об утверждении КЗоТ РСФСР в качестве Кодекса Основных Законов о Труде СССР или можно ограничиться ссылками на вышеуказанные акты. Между тем практика реализации норм КЗоТ РСФСР 1922 г., выявившая отдельные недостатки кодекса, а также изменения, происходившие в сфере труда, побудили законодателя к принятию решения о подготовке нового кодифицированного акта на основе российского кодекса.

В связи с союзной кодификацией трудового законодательства весьма активно обсуждался вопрос о судьбе республиканских КЗоТ. Первое время считалось, что с принятием кодекса СССР необходимость в актах союзных республик отпадет, так как практически все вопросы будут регулироваться на общесоюзном уровне. «Совершенно недопустимо, – писала руководитель юридического отдела народного комиссариата труда

Е. Н. Данилова, – чтобы промышленный пролетариат был поставлен в различные правовые условия в отдельных частях Союза... это создало бы впечатление известной «конкуренции» между советскими республиками... Материалов для республиканских кодексов не остается, да и самое название это... имеет важное значение и нельзя запутывать рабочего, заставляя его задумываться над вопросами, чем отличается Союзный Кодекс от республиканского» [8, с. 32, 41].

Между тем не во всех республиках российский КЗоТ рассматривался как общесоюзный кодекс. Если в Белоруссии он долгое время (до 1929 г.) действовал под наименованием «КЗоТ РСФСР», то на Украине он сразу стал восприниматься как акт именно этой республики. Так, при утверждении КЗоТ в 1922 г. Украинский ЦИК внес в него изменения «формального конституционно характера», заменив все ссылки на органы РСФСР ссылками на соответствующие органы Украины [9, с. 12]. В целом практика по этому вопросу долгое время различалась – даже в 1950-е годы КЗоТ РСФСР действовал в 7 союзных республиках из 16 (например, в Казахской, Карело-Финской, Киргизской, Латвийской, Литовской ССР), у остальных республик были собственные кодексы [10, с. 3].

Однако уже в 1920-е гг. отдельные союзные республики решениями своих законодательных органов стали вносить изменения в КЗоТ, что фактически перечеркивало общесоюзные «перспективы» этого закона¹. «Республиканские Кодексы законов о труде, – констатировал современник кодификации, известный ученый-трудовик И. С. Войтинский, – будучи едиными в своей основе (Кодекс РСФСР 1922 г.), с течением времени значительно разошлись между собой в подробностях своего текста» [5, с. 14]. При этом у республик были различные подходы к внесению изменений и дополнений в свои кодексы. Так, если в Закавказской Федерации (ЗСФСР) основная часть принимавшихся постановлений отличалась от актов, изданных в РСФСР и СССР, только редакционно, то в УССР в этих случаях российские и союзные акты подвергались значительной переработке, что выражалось в исключении отдельных статей, введении новых статей, изменении содержания статей и т. д. Также в республиканских кодексах имели место расхождения по вопросам, которые требовали единообразной регламентации. Так, если в п. «а» ст. 34 украинского КЗоТ закреплялась норма, ограничивавшая срок трудового договора с определенным периодом действия тремя годами, то по Кодексу РСФСР предус-

¹ Профильные ведомства в лице народных комиссариатов труда СССР и РСФСР одно время пытались бороться с «законодательным сепаратизмом» союзных республик, опротестовывая их решения в вышестоящих инстанциях. Однако в связи с изменением политической конъюнктуры такая практика в итоге сошла на нет (см.: Наркомтруда СССР и взаимоотношения с союзными республиками // Вопросы труда. 1923. № 2. С. 7–10.).

матривалось заключение срочного договора на срок не свыше одного года. Положение п. «ж» ст. 47 белорусского КЗоТ предоставляло работодателю право уволить работника при непосещении последней работы вследствие временной утраты трудоспособности в течение четырех месяцев со дня ее утраты. В кодексах других союзных республик в этом случае закреплялся более низкий уровень правовых гарантий в виде двухмесячного срока. Очевидно, что определенность в республиканскую законотворческую практику должен был внести общесоюзный акт кодификации.

Таким образом, в ходе кодификации под влиянием законотворческой практики отдельных союзных республик и в связи с продолжавшимся поиском оптимальных форм взаимоотношений между Союзом ССР и его субъектами первый подход, базировавшийся на идее сверхцентрализации трудового законодательства, уступил место противоположному, **второму, подходу**, предусматривавшему децентрализацию правового регулирования в сфере труда.

Данный подход в итоге лег в основу первоначальной редакции проекта Кодекса Основных Законов о Труде СССР (КОЗоТ) [11]. Проект Кодекса был подготовлен в подкомиссии по вопросам трудового законодательства, учрежденной весной 1924 года, под руководством заместителя народного комиссара юстиции РСФСР Н. В. Крыленко. Подкомиссия являлась одним из подразделений Конституционной комиссии, которая была создана решением Президиума ЦИК СССР по поручению сессии ЦИК «для подготовки ряда законов, включая основные законы о труде». Составители проекта союзного КОЗоТ руководствовались тем, что Кодексы законов о труде, действовавшие на территории союзных республик, представляют законодательство этих республик, а не общесоюзное законодательство. В связи с этим только принципиальные положения Кодекса могли быть восприняты в основных законах о труде Союза ССР. Основная же часть вопросов, по мнению членов подкомиссии, должна была регламентироваться кодексами и другими актами союзных республик [8, с. 34–35, 36].

Однако подход, на котором базировался законопроект «подкомиссии Крыленко», недолго занимал приоритетное положение. Сам проект в скором времени подвергся критике, а его составители были обвинены в «узко-республиканском шовинизме» и в «законодательном сепаратизме» [8, с. 36]. Наиболее резко против второго подхода и проекта выступал Народный комиссариат труда СССР. Специалистами этого ведомства был подготовлен другой, более сбалансированный, проект союзного КОЗоТ, в основе которого лежал **третий подход** к кодификации [12]. По убеждению НКТ, на союзном уровне следовало закрепить основные принципы

и направления правового регулирования труда, установить обязательный минимум трудовых прав и гарантий. Вместе с тем и союзным республикам требовалось предоставить широкие полномочия в области трудового законодательства [13, с. 25–26].

В целом работа над указанными проектами КОЗоТ СССР проходила в 1924–1925 гг. В это время проекты несколько раз редактировались с учетом поступавших замечаний и предложений, прошли утверждение в ряде инстанций (например, проект Наркомата труда летом 1925 г. был утвержден Президиумом ВЦСПС). Но в итоге ни один из проектов так и не был внесен на рассмотрение законодательного органа (ЦИК СССР), а сами работы по кодификации были приостановлены.

В последующие годы законодатель не отказывался от идеи создания общесоюзного трудового кодекса. Так, в 1927 г. IV Съезд Советов СССР указал Правительству на необходимость «в кратчайший срок издать Основной Закон о Труде». В 1930 г. СНК СССР поручил общесоюзному Наркомату труда по согласованию с ВЦСПС в полугодовой срок разработать акт в форме «Кодекса Законов о Труде СССР» [5, с. 14]. Однако задача принятия общесоюзного трудового кодекса в указанные годы уже не относилась к числу первоочередных, поэтому сама кодификация носила вялотекущий характер и не приносила практических результатов [3, с. 129–130]. Теоретические и практические проблемы союзной кодификации также продолжали достаточно активно обсуждаться на страницах научных изданий, однако определенности в понимании ее перспектив и стратегии по-прежнему не сложилось.

Таким образом, в середине 1920-х гг. трудовой кодекс общесоюзного значения, несмотря на значительные усилия и ресурсы, затраченные на его подготовку, не был утвержден законодателем. Одним из основных факторов, препятствовавших созданию этого акта, было «быстрое развитие трудового законодательства» [5, с. 14], отсутствие в нем требуемой для кодификации стабильности. Как отмечал один из участников кодификации – народный комиссар труда СССР В. В. Шмидт – «каждый раз мы ставились перед политической необходимостью регулировать условия труда в новых условиях, не имея возможности и времени тщательно продумать и проверить наши законы... В итоге получалось не систематическое законодательство о труде..., а законодательство от случая к случаю, недостаточно продуманное, недостаточно взвешенное и нагроможденное бесчисленными пояснениями и разъяснениями» [13, с. 23]. Важно также отметить, что перспективы трудового законодательства 1920-х гг. в целом являлись весьма туманными вследствие временного характера проводившейся тогда политики (нэп) и содержания проходив-

ших на высшем партийном и государственном уровнях дискуссий о путях построения в стране социализма. Наконец, ни на доктринальном уровне, ни на практике в указанные годы не было еще четкого понимания относительно общих подходов к построению системы законодательства в СССР, к содержанию актов союзного и республиканского значения, их соотношению друг с другом.

Вместе с тем опыт, полученный в процессе подготовки Кодекса Основных Законов о Труде СССР, оказал положительное влияние на последующее развитие кодификации. Не отказываясь в принципе от создания общесоюзного отраслевого кодекса, законодатель взял на вооружение другую тактику, успешно используя прежние наработки при кодификации отдельных институтов трудового права, что технически было проще осуществить в условиях правовой нестабильности (например, в 1928 г. ЦИК и СНК СССР были утверждены Правила о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов, а в 1929 г. – постановление «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям»). Позднее эта практика получила одобрение и обоснование на теоретическом уровне в качестве метода кодификации законодательства переходного периода и нормативной основы для будущего отраслевого кодекса [14, с. 47–48]. Кроме того, отдельные подходы к построению и содержанию проекта КОЗоТ СССР 1925 г., были восприняты законодателем при подготовке Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде 1970 г.

Ссылки

1. Иванов А. Б. О некоторых проблемах подготовки Трудового кодекса Российской Федерации 2001 года // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2015. № 4. С. 74–77.
2. В Госдуме предложили создать новый кодекс для сельских жителей. URL: // https://www.gazeta.ru/social/news/2021/03/15/n_15739580.shtml (дата обращения: 16.03.2021).
3. Памятники российского права: в 35 т. Т. 26: Кодексы законов о труде РСФСР: учебно-научное пособие / под ред. Р. Л. Хачатурова, А. М. Лушниковой. М.: Юрлитинформ, 2016. 528 с.
4. Горшенин К. П. Кодификация законодательства о труде. Теоретические вопросы. М.: Юрид. лит., 1967. 224 с.
5. Войтинский И. Трудовой кодекс социалистической реконструкции // Советское трудовое право на современном этапе: сб. статей / под ред. А. Белова. Л.: Лениздат, 1931. С. 13–24.

6. Постановление ВЦИК от 9 ноября 1922 г. «О введении в действие Кодекса Законов о Труде РСФСР» // СУ РСФСР 1922. № 70, ст. 903.
7. Декрет ЦИК СССР от 13 июля 1923 г. «О декретах и постановлениях ВЦИК и его Президиума» // СУ РСФСР 1923. № 82, ст. 796.
8. Данилова Е. Н. Пределы общесоюзного законодательства о труде // Вопросы труда. 1924. № 10. С. 32–42.
9. Данилова Е. Н. К проекту Кодекса основных законов о труде СССР // Советское право. 1925. № 3 (15). С. 11–21.
10. Законодательство о труде: Комментарий к законодательству о труде СССР и Кодексу Законов о Труде РСФСР / Н. Г. Александров [и др.] М.: Юрид. лит., 1953. 467 с.
11. Проект Кодекса Основных Законов о Труде СССР (текст подготовлен подкомиссией Крыленко) // ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 26. Д. 6. Л. 80–143.
12. Проект Кодекса Основных Законов о Труде СССР (текст подготовлен Народным комиссариатом труда) // ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 10. Л. 15–87.
13. Шмидт В. Советское трудовое законодательство и очередные задачи нашей трудовой политики // Вопросы труда. 1925. № 7–8. С. 21–32.
14. Маврин С. П., Хохлов Е. Б. О кодификации трудового законодательства России // Государство и право. 1996. № 6. С. 42–48.

Distributed volumes of health care provision as a criterion for the legality of its provision in the CHI system

N. V. Roshchepko¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-388-397

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the assessment of changes in the legislation on compulsory health insurance in 2021. Among them are the improvement of methods of distribution and payment of medical care, contractual relations of participants in the insurance system. The author critically assesses the subject of the updated contract for the provision and payment of medical care under compulsory medical insurance, which limits the obligations of a medical organization to insured persons to the standards for the volume of medical care established by the decision of the commission for the development of the territorial compulsory medical insurance program. Exceeding the required volumes, as a rule, excludes for a medical organization payment from targeted funds for actually rendered medical services. Thus, a basis is being created for the transition of the CHI system from state guarantees of free provision of medical care to the execution of its distributed volumes. The danger is that this «proper performance of the contract» can be achieved due to the availability of medical care for the insured.

Keywords: free medical care; insurance coverage; compulsory health insurance; volumes of help; financial support

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Roshchepko, Natalya V. | E-mail: n.roshchepko@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Распределенные объемы предоставления медицинской помощи как критерий правомерности ее оказания в системе ОМС

Н. В. Рощепко¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-388-397
УДК 349.3

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена оценке изменений законодательства об обязательном медицинском страховании 2021 года. Среди них совершенствование способов распределения и оплаты медицинской помощи, договорных отношений участников системы страхования. Автором критически оценивается предмет обновленного договора на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС, ограничивающий обязательства медицинской организации перед застрахованными лицами нормативами объемов медицинской помощи, установленных ей решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС. Превышение искомых объемов, как правило, исключает для медицинской организации оплату из целевых средств фактически оказанных медицинских услуг. Таким образом, создается основа для перехода системы ОМС от государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи к исполнению ее распределенных объемов. Опасность в том, что достигаться это «надлежащее исполнение договора» может за счет доступности медицинской помощи для застрахованных лиц.

Ключевые слова: бесплатная медицинская помощь; страховое обеспечение; обязательное медицинское страхование; объемы помощи; финансовое обеспечение

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рощепко, Наталья Владимировна | E-mail: n.roshchepko@uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, доцент

С 1 января 2021 г. законодательство об обязательном медицинском страховании (далее – ОМС) подверглось существенным изменениям по целому ряду направлений. Среди них и система договоров, традиционно служившая основой реализации прав граждан на бесплатную медицину. Так, глава 8 Федерального закона от 29.11.2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 326) дополнена договором на оказание и оплату медицинской помощи в рамках базовой программы ОМС (ст. 39.1). Он заключается между Федеральным фондом ОМС (далее – ФФ ОМС) и медицинской организацией, подведомственной федеральному органу исполнительной власти. Отличительная черта указанных отношений – не привлечение к делу оплаты и контроля медицинской помощи страховых организаций. Надо сказать, их участие в сфере ОМС давно вызывало обоснованную критику среди представителей юридической науки, поскольку с точки зрения выполняемых функций это посредники между территориальными фондами ОМС (далее – ТФ ОМС) и медицинскими организациями (М. Ю. Федорова) [1, с. 183–185]. А согласно п. 3 ст. 6 Федерального закона от 16.07.1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» посредническая деятельность здесь исключена. Таким образом, ФФ ОМС переходит к «прямому» финансированию предоставления медицинской помощи по ОМС (в частности, специализированной, высокотехнологичной) федеральными медицинскими организациями. Распределение объемов такой медицинской помощи осуществляется в порядке, установленном Правительством РФ, а ее финансовое обеспечение есть полномочия Российской Федерации (п. 11 ст. 5 ФЗ № 326). Помимо этого, федеральные медицинские организации вправе участвовать в реализации территориальных программ ОМС в общем порядке на основании соответствующего договора со страховой медорганизацией.

Договорный характер приобретает и предоставление застрахованному лицу медицинской помощи по базовой программе ОМС за пределами региона выдачи полиса. Ранее такая помощь оказывалась медицинской организацией – участником системы ОМС единственно в силу лицензии и положений закона, а расчеты производились ТФ ОМС по месту лечения с возмещением средств фондом по месту страхования лица (ч. 4 ст. 34 ФЗ № 326, п. 161–180 Правил ОМС)¹. С 2021 г. ТФ ОМС является контрагентом по договору на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС (ст. 39 ФЗ № 326). Данный договор приобрел трехсторонний характер, он оформляет²:

¹ Приказ Минздрава России от 28.02.2019 № 108н (ред. от 25.09.2020) «Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.05.2019).

² С 2021 г. применяется форма типового договора на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС, утвержденная Приказом Министерства здравоохранения РФ от 30 декабря 2020 г. № 1417н.

- обязательства медицинской и страховой организаций по оказанию и оплате медицинской помощи согласно территориальной программе ОМС;
- обязательства медицинской организации по оказанию и ТФ ОМС по оплате медицинской помощи в пределах базовой программы ОМС – в случае ее предоставления вне региона страхования лица.

Что касается договора о финансовом обеспечении ОМС между ТФ ОМС и страховой медицинской организацией, то и в его обновленных положениях усматривается тенденция к снижению вовлеченности этих «коммерческих посредников» в систему ОМС. Из полномочий страховых организаций изъят медико-экономический контроль, сокращен норматив средств, предназначенных на расходы по ведению дела ОМС (п. 10 ч. 2, ч. 18 ст. 38 ФЗ № 326). Он составляет от 0,8 до 1,1 % против действовавшего ранее диапазона 1–2 % от суммы средств, поступивших в страховую организацию по дифференцированным подушевым нормативам.

Казалось бы, при гарантированном характере бесплатной медицинской помощи договорные отношения участников ОМС застрахованное лицо не затрагивают. Однако это не совсем верно. Страховое обеспечение по ОМС носит сложный, «двухкомпонентный состав» – это не только предоставление застрахованному лицу требуемой при реализации страхового случая медицинской помощи, но и ее оплата медицинской организации (п. 5 ст. 3 ФЗ № 326). Исполнение каждого из этих обязательств опирается на договор, а в своем единстве они образуют социально-обеспечительное благо – «бесплатную медицинскую помощь», отказ в которой медицинской организацией недопустим (ч. 5 ст. 15 ФЗ № 326) (Т. К. Миронова) [2, с. 25–30]. При этом собственно оплата указанной помощи за счет целевых средств ОМС, осуществляемая фондами в том числе с привлечением страховых организаций, имеет финансово-правовую природу. В этом контексте дефиниция страхового обеспечения по ОМС отражает глубину межотраслевого взаимодействия норм права социального обеспечения и финансового права. Следует заметить, что эта взаимосвязь для отрасли естественна, поскольку государственный источник имущественных благ нуждающимся традиционно является одним из родовых признаков социального-обеспечительных правоотношений. По словам Е. А. Истоминой, «отношения, опосредующие финансирование социального обеспечения, и отношения, непосредственно направленные на компенсацию социальных рисков, являются “равноправными” в сфере защиты от социальных рисков» [3, с. 226]. Но все же ОМС уникально, это единственный пример, когда обязательство по финансированию включено в содержание страхового обеспечения (А. Б. Иванюженко) [4, с. 287]. Двойственность правовой природы в полной мере отражают и договоры, заключаемые участниками ОМС (А. М. Лушников, М. В. Лушникова) [5, с. 446–449]. В целом, несмотря на договорную форму, содержание является публично-правовым (Н. В. Рощепко) [6, с. 65–68]. Поэтому очевидное повышение роли и числа договоров

в системе ОМС не есть усиление частноправовых начал в регулировании отношений участников. Скорее, напротив – как введение нового вида договора, так и совершенствование действующих служит публичным целям. А при внимательном анализе можно сказать, что приоритетом для соглашений по гл. 8 ФЗ № 326 является регламентация финансово-правовой компоненты социально-страхового обеспечения.

Подтверждением тому выступает новая редакция ч. 2 ст. 39 ФЗ № 236, раскрывающая предмет трехстороннего договора на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС. Так, п. 1 нормы ограничивает обязательства медицинской организации по территориальной программе ОМС исполнением объемов предоставления и финансового обеспечения медицинской помощи, распределенных ей решением комиссии субъекта РФ. Безусловно, и до 2021 г. ФЗ № 326 содержал указание на установленные объемы медицинской помощи (ч. 6 ст. 39). Однако с их соблюдением связывался не предмет договора в целом, а лишь оплата медицинской помощи со стороны страховой организации (Н. В. Рощепко) [6, с. 70–74]. Такой подход согласуется с дефиницией «страховое обеспечение по ОМС», равно как и с гарантиями права застрахованного лица в разрезе программ ОМС – упомянутые нормы не ставят оказание медицинской помощи в зависимость от ее плановых объемов (п. 5 ст. 3, ч. 5 ст. 15, пп. 1 ч. 1 ст. 16, пп. 1 ч. 2 ст. 20 ФЗ № 326). Что же касается оплаты, то при сохранении распределенных объемов медицинской помощи (в том числе ввиду отказа комиссии субъекта их увеличить), страховая организация квалифицировала нарушение контрагента по коду 5.3.2, исключая спорные счета из перечня оплачиваемых³. Следует заметить, норматив целевых средств закрепляется и для страховой организации договором о финансовом обеспечении ОМС⁴. А потому последняя, снимая с оплаты счета по коду дефекта 5.3.2, действовала в рамках договорных обязательств перед ТФ ОМС. Возможность страховой организации получить дополнительное финансирование из нормированного страхового запаса ТФ ОМС предусмотрена по закрытому перечню оснований – повышенная заболеваемость, рост тарифов на оплату медицинской помощи, число застрахованных лиц и (или) изменение их половозрастной структуры (ч. 6 ст. 38 ФЗ № 326). Но фонды ОМС весьма критически относятся к превышению медицинскими организациями распределенных объемов (Ф. Н. Кадыров) [7, с. 73–76]. Отмечается, что после их исчерпания медицинская организация не вправе бесплатно оказывать застрахованным лицам медицинскую помощь по территории-

³ См.: Приложение № 8 к Порядку организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по ОМС, утв. Приказом ФФ ОМС 28.02.2019 г. № 36. URL: www.pravo.gov.ru. 18.06.2019 г. (утратил силу).

⁴ До 2021 г. объемы предоставления медицинской помощи по территориальной программе ОМС распределялись решением комиссии субъекта РФ как медицинским, так и страховым организациям. В настоящее время распределение имеет место между медицинскими организациями (ч. 10 ст. 36 ФЗ № 326).

альной программе ОМС, а обязана перенаправить их в другие лечебные учреждения, в том числе по принципу территориального прикрепления, или предоставлять медицинские услуги на платной основе. Оплата такой «сверхлимитной» помощи трактуется ТФ ОМС как нецелевое расходование средств ОМС⁵. В изложенной ситуации финансовые интересы медицинской организации могли быть защищены только судом. По спорам данной категории суды нередко разделяют позицию истца: если медицинская помощь охватывается программами ОМС (теми ее видами, которые поименованы в программе), а иных нарушений, кроме как по коду 5.3.2 не допущено, медицинская организация вправе требовать ее оплаты. Касательно превышения в отчетном периоде фактических расходов над запланированными, то для отнесения спорной разницы на финансовые результаты деятельности медицинской организации оснований нет. Последняя не несет ответственности за недостатки прогнозирования заболеваемости населения или планирования программы ОМС⁶.

Изложенное понимание обязательств системы ОМС, отнесение к страховому обеспечению медицинской помощи по программам ОМС независимо от распределения ее плановых нормативов еще в 2018 г. получило закрепление на уровне Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4⁷. И все же нельзя сказать, что эта позиция устоялась⁸. Например, по делу № А40-105888/20 Арбитражный суд города Москвы пришел к выводу, что медицинская организация, требуя оплаты спорной медицинской помощи, злоупотребляет своим правом, пытаясь получить дополнительную прибыль на свой риск в обход регламентированной законом процедуры, хотя имела возможность планировать и оказывать медицинскую помощь с учетом установленных объемов ее предоставления и финансового обе-

⁵ Эта позиция ТФ ОМС изложена в ряде судебных актов арбитражных судов (см.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.01.2018 г. № Ф06-28616/17 по делу № А12-10786/2017, Решение Арбитражного суда Смоленской области от 14.12.2020 г. по делу № А62-8836/2020 // СПС «Гарант»).

⁶ См.: Решение Арбитражного суда Смоленской области от 14.12.2020 г. по делу № А62-8836/2020, оставлено без изменения Постановлением Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.03.2021 г. № 20АП-641/21 по делу № А62-8836/2020 // СПС «Гарант».

⁷ Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018 г. (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019 г. № 8).

⁸ Так, в п. 28 названного Обзора закреплено, что, предъявляя иск о взыскании задолженности к страховым медицинским организациям и территориальному фонду ОМС, медицинская организация должна доказать факт оказания медицинских услуг в соответствии с программой ОМС, но сверх установленного объема, а страховая организация и территориальный фонд ОМС – его опровергнуть. За отсутствием такого опровержения медицинские услуги, оказанные сверх объема, установленного решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС, должны признаваться попадающими под страховое обеспечение по ОМС и подлежащими оплате в полном объеме страховой организацией согласно тарифам.

спечения⁹ Такой «выход за пределы» суд расценил как одностороннее изменение условий договора в части выполняемого задания; соответственно, допустив нарушение договорных обязательств, медицинская организация не имеет правовых оснований требовать оплаты искомых услуг. Думается, новеллы 2021 г. позволят расширить применение означенного подхода.

Что характерно, упоминавшийся код дефекта 5.3.2 по Приложению № 8 Порядка контроля медицинской помощи по ОМС относился к группе нарушений, «связанных с включением в реестр счетов медицинской помощи, не входящей в территориальную программу ОМС». Таким образом, с точки зрения ФФ ОМС, оказание медицинской помощи свыше распределенных объемов не покрывается страховым обеспечением. В 2019–2020 гг. Верховным судом РФ рассматривалось дело № АКПИ19-729 о признании недействующим спорного основания к отказу в оплате помощи по ОМС. По мнению заявителя, п. 5.3.2 Приложения № 8 к Порядку противоречит законодательству об ОМС и охране здоровья граждан, идет вразрез с государственными гарантиями соблюдения прав застрахованных лиц на исполнение обязательств по ОМС независимо от финансового положения страховщика, препятствует созданию условий для обеспечения доступности и качества медицинской помощи в рамках программ ОМС. Верховный суд РФ, однако, не нашел оснований для удовлетворения требований, особо подчеркнув, что содержание п. 5.3.2 Приложения № 8 к Порядку не допускает не оказания, несвоевременного оказания или оказания медицинской помощи ненадлежащего качества. В случае несогласия с отказом в оплате медицинской помощи по искомому основанию медицинская организация вправе его оспорить в арбитражном суде¹⁰.

С 24 мая 2021 г. утвержденный ФФ ОМС Порядок контроля медицинской помощи по ОМС утратил силу. Данный сегмент полномочий страховщика передан Минздраву России (ч. 1 ст.4 0 ФЗ № 326). Но в свете ч. 2 ст. 39 ФЗ № 326 превышение распределенных объемов медицинской помощи как основание для отказа ее оплатить сохранило актуальность. Приказом Минздрава России от 19.03.2021 г. № 231н введен в действие соответствующий порядок контроля (далее – Порядок Минздрава России). Документ предусматривает коды 1.6.2, 1.6.3, фиксирующие нарушения со стороны медицинских организаций, идентичные действовавшему коду 5.3.2¹¹. Без изменений и санкция – уменьшение или отказ в оплате

⁹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 15.10.2020 г. оставлено в силе Постановлением Девятого Арбитражного апелляционного суда от 23.12.2020 г., Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2021 г. № Ф05-5885/21 по делу № А40-105888/20 // СПС «Гарант».

¹⁰ См. подробнее: Решение Верховного Суда РФ от 11.11.2019 г. № АКПИ19-729, оставлено без изменения Апелляционным определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20.02.2020 г. № АПЛ19-569 // «СПС «Гарант»).

¹¹ Коды нарушений 1.6.2. и 1.6.3 – предъявление к оплате медицинской помощи сверх распределенного объема ее предоставления (сверх размера финансового обеспечения рас-

«сверхобъемной» медицинской помощи. Что характерно, впервые среди целей контроля фигурирует соответствие стоимости оказанной медицинской помощи размеру финансового обеспечения ее объемов, распределенных медицинской организации. На достижение этой цели преимущественно и направлен медико-экономический контроль, итогом которого могут быть санкции по разделу I приложения № 8 к Порядку Минздрава России, в том числе кодам 1.6.2, 1.6.3. Напомню, с 2021 г. медико-экономический контроль стал прерогативой фондов ОМС. Он проводится в течение 5 рабочих дней с даты представления медицинской организацией реестров счетов на оплату. Так, если ФФ ОМС подконтрольны федеральные медицинские организации, то ТФ ОМС – все прочие. В случае выявления фактов оказания «сверхобъемной» медицинской помощи, позиции реестра счета снимаются с оплаты. При прочих равных условиях приоритет в оплате отдается экстренной и неотложной медицинской помощи, а равно оказанной при заболеваниях, относимых к числу основных причин смертности в субъекте РФ. Тем не менее медицинская организация вправе однократно повторно представить в ТФ ОМС отклоненные счета (очевидно, если комиссия субъекта РФ увеличила в отчетном периоде объемы помощи (ее финансового обеспечения)).

Ужесточение законодательства об ОМС в части соблюдения плановых нормативов объемов и стоимости медицинских услуг оправдано при условии сбалансированности бюджетов фондов ОМС (их «бездефицитности»), а равно применения тарифов, способных покрыть затраты на предоставление медицинской помощи. Однако тарификация определяется финансовыми возможностями бюджета ТФ ОМС, что в общем-то естественно с учетом публично-правового механизма финансирования ОМС. Именно размер бюджетных ассигнований на реализацию территориальной программы ОМС, установленный законом о бюджете ТФ ОМС, формирует стоимость такой программы (ч. 11 ст. 36 ФЗ № 326). Соответственно, любая коррекция распределенных участнику ОМС объемов медицинской помощи упирается в показатели ее финансового обеспечения. Увеличение объемов медицинских услуг для одной медицинской организации, возможно, как правило, за счет сокращения нормативов другой. И хорошо, если это сокращение будет соответствовать реальным нуждам застрахованных лиц в медицинской помощи, оказываемой последней.

С точки зрения актуальной редакции предмета договора, заключаемого медицинской организацией, распределенные ей объемы медицинской помощи, являются тем пределом, в рамках которого может предоставляться бесплатная помощь. В случае его превышения риск убытков несет непосредственно медицинская организация. Фактически участник ОМС принимает на себя искомый риск посредством заключения договора.

пределенного объема), установленного решением комиссии по разработке территориальной программы ОМС.

Средства минимизации риска убытков для медицинской организации (по логике фондов ОМС, которую, вероятно, разделяет и Минздрав России) – жесткое планирование своей деятельности и следование распределенным нормативам, а равно возмездное оказание требуемых медицинских услуг, направление застрахованных лиц в другие медицинские организации. Однако для этого придется учитывать не только территорию обслуживания или профиль «принимающей стороны», но и наличие «свободных объемов» медицинской помощи. Ибо их отсутствие исключает правомерное оказание медицинской помощи по ОМС. Что касается взимания платы за медицинскую помощь, предусмотренную программами ОМС, то это нарушение по коду 2.11 Приложения № 8 к Порядку Минздрава России, равно как необоснованный отказ в ее оказании (коды 2.3 и 2.4). Поэтому, выбирая обозначенный путь минимизации риска убытков, медицинская организация должна быть готова столкнуться с применением санкций по иным основаниям, а также требованиями застрахованных лиц о возмещении убытков (в размере стоимости платных медицинских услуг, к получению которых они были вынуждены) или причиненного вреда жизни, здоровью, компенсации морального вреда (если последствия отказа в медицинской помощи, «перенаправления» имели столь негативный характер). Заметим, суды при рассмотрении обозначенных требований застрахованных лиц оценивают обязанность оказать бесплатную медицинскую помощь только в разрезе ее видов по программам ОМС, без уточнения закрепленных объемов.

В сущности, новеллы законодательства о договорах в системе ОМС, акты Минздрава России санкционировали отказ в медицинской помощи или ее платный характер для граждан, имевших неосторожность обратиться в медицинскую организацию, исчерпавшую регламентированные нормативы. Соблюдение плановых объемов медицинской помощи под угрозой санкций может достигаться ценой ее доступности для застрахованных лиц. Изложенное заставляет задуматься о приоритетах системы ОМС.

Принимая во внимание государственные гарантии права на бесплатную медицинскую помощь, квалификация ее предоставления по страховому случаю сверх плановых объемов как нарушение видится парадоксом (С. В. Нечаев) [8, с. 123, с. 133–134]. Любое страхование носит рисковый характер. А потому коды 1.6.2, 1.6.3 должны быть выведены из перечня «дефектов/нарушений» и служить основанием использования «резервных» источников покрытия страховых обязательств. В системе ОМС таковым является нормированный страховой запас ФФ и ТФ ОМС (ч. 3, ч. 6 ст. 26 ФЗ № 326). Сейчас право обратиться к ТФ ОМС за предоставлением дополнительных средств принадлежит страховой медицинской организации. Но в свете передачи фондам ОМС медико-экономического контроля оценка необходимости использования нормированного страхового запаса возможна и непосредственно ТФ ОМС по факту установления оказания медицинской помощи с превышением закрепленных объемов, тем бо-

лее что подтвердить ее реальное предоставление застрахованным лицам и соответствие стандартам возможно путем проведения внеплановых медико-экономической экспертизы, экспертизы качества.

Ссылки

1. Федорова М. Ю. Теоретические проблемы правового регулирования социального страхования: монография. Омск: Омский госуниверситет, 2003. 382 с.
2. Миронова Т. К. Правовое регулирование бесплатного оказания медицинской помощи. М.: Юстицинформ, 2018. 348 с.
3. Истомина Е. А. Влияние концепции социального риска на правовое регулирование социального обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 500 с.
4. Иванюженко А. Б. О некоторых правовых проблемах оказания медицинских услуг, финансируемых за счет обязательного медицинского страхования // Право и экономика: сборник материалов I Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ. СПб., 2018 С. 283–290.
5. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве: монография. М.: Проспект, 2017. 480 с.
6. Рощепко Н. В. Имплементация частной конструкции договора в систему обязательного медицинского страхования: проблемы теории и практики // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Ярославль: ЯрГУ, 2020. Вып. 14. С. 64–77.
7. Кадыров Ф. Н. Вопросы оплаты медицинской помощи, оказанной сверх установленных объемов предоставления медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования // Менеджер здравоохранения. 2019. № 3. С. 70–78.
8. Нечаев С. В. Правовое регулирование медицинской помощи по международному и российскому праву: комплексный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2020. 223 с.

About the basis and limits of criminalization of public spread of knowingly false information in the media and telecommunication networks

V. I. Balandin¹

¹Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-398-407

Research article
Full text in Russian

Basis and limits of criminalization of spread of knowingly false information is proved in article. From the point of view of law enforcement, the author evaluates the legal technique of the corpus delicti of crimes in Articles 2071 and 2072 of the Criminal Code of the Russian Federation. In connection with the regulation of those spheres of public relations that previously did not need it, the study touches on certain aspects concerning the basis of criminal liability for the dissemination of deliberately false information about circumstances that pose a threat to the life and safety of citizens, or entailed serious consequences. Consider the separation of the components of administrative offences and criminal offences in connection with the public dissemination of false information in the media, information and telecommunication networks. The conclusion is made about the unjustified alternativeness of the studied compositions in criminal and administrative law, which complicates law enforcement practice. It also offers recommendations for resolving existing conflicts in legislative and law enforcement practice.

Keywords: structura of crime; public spread; covid; false information; media and telecommunication networks; criminal liability; criminalization; criminal policy

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Balandin, Vladislav I. | E-mail: bullkee@gmail.com
Assistant of the Department of Criminal Law
and Criminology of the Faculty of Law

Об основаниях и пределах криминализации публичного распространения заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях

В. И. Баландин¹

¹Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Московское шоссе, 34, Самара, 443086, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-398-407
УДК 342.34

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье проанализированы основания и пределы криминализации деяний, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации. С позиции правоприменения оценивается законодательная техника конструирования составов преступлений, закрепленных в ст. 2071, 2072 УК РФ. В связи с регулированием тех сфер общественных отношений, которые ранее в этом не нуждались, исследование затрагивает отдельные аспекты, касающиеся основания уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан либо повлекшие тяжкие последствия. Рассмотрен вопрос о разграничении составов административного правонарушения и уголовного преступления в связи с публичным распространением заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях. Сделан вывод о необоснованной альтернативности исследуемых составов в уголовном и административном праве, что осложняет правоприменительную практику. Предложены рекомендации в целях разрешения существующих коллизионных ситуаций в законодательной и правоприменительной практике.

Ключевые слова: состав; публичное распространение; заведомо ложная информация; СМИ; информационно-телекоммуникационные сети; ответственность; криминализация; уголовная политика

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Баландин, Владислав Игоревич | E-mail: bullkee@gmail.com
Ассистент кафедры уголовного права
и криминологии Юридического факультета

Современное российское уголовное право подвержено политизации [1, с. 55]. Стало обычным мотивировать криминализацию конкретных деяний политической целесообразностью и решением ситуационных задач государства.

В 2020 г. вспышка коронавирусной инфекции SARS-nCoV-2 вынудила государство оперативно реагировать на изменяющийся уклад жизни общества. В этих условиях появилась необходимость в правовой оценке новых деяний, которые ранее в ней не нуждались. Речь идет о распространении заведомо недостоверной, ложной информации о коронавирусе журналистами или гражданами через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, в том числе через социальные сети и приложения-мессенджеры. Такого рода информация получила в СМИ название «Fake news».

Ранее, весной 2019 г., были приняты поправки, дополняющие ст. 13¹⁵ КоАП РФ (Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ) в целях противодействия «фейкам» – недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений и создающей угрозу для безопасности. При этом в 2019 г. дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 13¹⁵ КоАП РФ, возбуждались органами внутренних дел крайне редко. Официальная статистика о количестве административных дел по ч. 9 ст. 13¹⁵ КоАП РФ отсутствует, но опубликованы данные Международной правозащитной группы «Агора» о том, что в 2019 г. было выявлено 13 дел по различным «фейкам», в основном локального значения [2]. Такое незначительное количество дел подтверждало отсутствие политической мотивации для применения данной статьи.

Ситуация кардинально изменилась в конце марта 2020 г., когда для государственной власти стала очевидной угроза эпидемии и перед правоохранительными органами была поставлена задача реагировать на сопутствующие информационные угрозы. Так, в Следственном комитете и Министерстве внутренних дел РФ были созданы рабочие группы по мониторингу и опровержению в СМИ и сети Интернет заведомо ложной или непроверенной информации о фактах заражения или количестве инфицированных людей. 31 марта 2020 г. был принят и одобрен Советом Федерации, а на следующий день утвержден Президентом Российской Федерации законопроект № 929651-7, которым глава 24 УК РФ была дополнена ст. 207¹ и 207², устанавливающими уголовную ответственность соответственно за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия. Причем новые статьи расположились следом за ст. 207 «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Это отражает опасения государства по поводу возникновения паники у людей вследствие появления недостоверной информации. Очевидно, что контроль

информации о распространении вируса и об эпидемии в целом стал именно политическим делом.

Возникают закономерные вопросы об общественной опасности этих новых криминализованных деяний. Об общественной опасности как ускользающем от внимания законодателей признаке преступления писали многие. Например, по мнению В. Е. Жеребкина, поскольку общественная опасность не имеет заранее установленных признаков, законодатель при ее оценке не опирается на какие-либо точно определяемые понятия [3, с. 144]. Ю. Е. Пудовочкин заключает, что оценки законодателя о границах преступного и не преступного, как и всякие оценки, не лишены субъективизма, конъюнктурных соображений и возможных ошибок [4, с. 10]. Нужно согласиться и с И. Л. Честновым, утверждающим, что нет преступления и общественной опасности «самих по себе», есть деяния и явления, которые оцениваются определяющей систему ценностей доминирующей социальной группой как общественно опасные в контексте существующей культуры [5, с. 242].

В отношении влияния существующей иерархии ценностей на понимание общественно опасного возможен вывод, что посягательства на общественную и государственную безопасность только формально помещены в Особенной части УК РФ на «отдаленные места». На самом деле, государство их учитывает в первую очередь, а уже во вторую – интересы личности, ее права и свободы (за исключением жизни). Государство, направляя усилия на обеспечение общественной и государственной безопасности, может различными способами влиять на представления об общественной опасности, вплоть до манипулирования страхами и потребностями граждан, в том числе путем использования своих ресурсов (например, контролируемых СМИ) для формирования у людей необходимого общественного настроения и реакции на те или иные виды преступлений. И тогда акты криминализации получают общественную поддержку, уже невзирая на реальную опасность, которая исходит от деяний. Как следствие, есть возможность, что уголовное право из средства, призванного обеспечивать свободу личности, превратится в средство, эту свободу подавляющее.

Представители гражданского общества пристально следят за случаями осуждения по ст. 207¹ и 207² УК РФ, поскольку выраженные в этих статьях запреты воспринимаются как несущие угрозу праву на свободу мысли и слова, а неясность их содержания связывается с неограниченным усмотрением в процессе правоприменения.

По информации пресс-центра Министерства внутренних дел РФ, в 2020 г. зарегистрировано 37 преступлений по ст. 207¹ УК РФ [6]. Первое уголовное дело возбуждено уже через два дня после вступления этой статьи в юридическую силу. Поводом стал пост в одном из местных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» о том, что зараженного вирусом мужчину, якобы отпустили из больницы на общественном транспорте [7]. Официаль-

ных данных по возбуждению уголовных дел по ст. 207² УК РФ за 2020 г. не имеется.

В правоприменительной практике сразу же была признана трудно-разрешимой проблема разграничения преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ. Настоящую проблему подтверждают результаты сравнительного анализа соответствующих составов преступлений.

Непосредственным объектом обоих преступлений признаны интересы общественной безопасности, интерпретируемые как состояние защищенности граждан и общества в целом от угроз, дестабилизирующих обычные и безопасные условия жизни общества. Официально криминализация объясняется тем, что именно этим интересам причиняется реальный вред либо создается реальная угроза его причинения. Новые уголовно-правовые запреты определяются как направленные на пресечение возбуждения в общественном сознании паники и страха, которые могут привести к серьезным последствиям в виде массовых волнений и беспорядков, насилия и человеческих жертв, имущественного вреда и других неблагоприятных последствий.

Вместе с тем для преступлений, предусмотренных в ст. 207¹ и 207² УК РФ, по-разному, но с позиции конкуренции определен предмет посягательства. Предмет посягательства в ст. 207² УК РФ по своему охвату шире и включает в себя все признаки предмета посягательства, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ.

Для объективной стороны обоих преступлений характерно деяние в форме активных действий в виде публичного распространения заведомо ложной информации. Преступления реально различаются по признаку последствия. Состав преступления в ст. 207² УК РФ по конструкции является материальным и предусматривает в качестве конструктивного признака наступление последствий в виде вреда здоровью человека, его смерти или иных тяжких последствий. Субъективное отношение лица к наступившим общественно опасным последствиям проявляется в форме неосторожной вины. В случае установления прямого или косвенного умысла лица по отношению к последствиям, деяние необходимо квалифицировать по направленности умысла как умышленное причинение вреда здоровью соответствующей тяжести, убийство или др. Если же указанные последствия не наступили, то при наличии других объективных признаков состава преступления деяние следует квалифицировать по ст. 207¹ УК РФ, где состав по конструкции является формальным.

Субъективное отношение лица к совершенному деянию (даже в ст. 207² УК РФ) характеризуется также наличием цели довести ложную информацию до сведения неопределённого круга лиц (более двух лиц, не являющихся соучастниками). Согласно положениям Обзора Президиума Верховного Суда РФ «По отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распростране-

нию на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции № 2», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г., форма распространения (устная, письменная, с использованием технических средств) и средства (сообщение в СМИ, в сети Интернет, в мессенджерах, массовая рассылка электронных писем, выступление на митинге и др.) юридического значения не имеют. Признак публичности является оценочным и должен определяться правоприменителем с учетом всех обстоятельств совершенного деяния. Стоит обратить внимание на признание Верховным судом РФ публичным распространения информации из переписки в мессенджерах. Нетрудно сделать вывод, что здесь личная переписка оценена как публичная. Данное разъяснение возможно поставить под сомнение, поскольку в Конституции РФ каждому гарантируется тайна переписки (ч. 2 ст. 23).

Ещё один признак субъективной стороны рассматриваемых преступлений – заведомое знание виновного о ложном характере распространяемой информации. Данный признак следует особенно внимательно учитывать в случае, если лицо не является первоисточником ложной информации, а лишь ретранслирует (репостит) эти сведения в публичной плоскости. При этом правоприменителю в каждом случае следует исследовать вопрос о возможности признания деяния малозначительным.

Еще одна трудность – в разграничении соответствующих преступлений и административных правонарушений. Смежным по отношению к преступлению, предусмотренному в УК РФ в ст. 207¹ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан», является административное правонарушение, закрепленное в КоАП РФ в ч. 9 ст. 13¹⁵ «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния».

Для разграничения смежных составов уголовного преступления и административного правонарушения применяется технико-юридический прием «исключение преступного». В ч. 9 ст. ст. 13¹⁵ КоАП РФ законодатель указывает: «Если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния». Здесь прямо не указана, но, очевидно, имеется в виду ст. 207¹ УК РФ, где содержатся признаки смежного состава преступления. По буквальному толкованию статей разграни-

чительным признаком выступает предмет посягательства. Так, предметом правонарушения в ч. 9 ст. ст. 13¹⁵ КоАП РФ является общественно значимая информация, под которой понимается информация, которая «создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи». Предмет преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, – информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств.

В Обзоре Президиума Верховного Суда РФ «По отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции № 1», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г., к общественно значимой информации (предмет административного правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13¹⁵ КоАП РФ) отнесена также информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств (предмет преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ).

С учетом логики «исключения преступного», предмет административного правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. ст. 13¹⁵ КоАП РФ, должен определяться через исключение предмета преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ. По нашему мнению, текст уголовно-правовой нормы с точки зрения юридической техники является неудачным, так как признаки предмета преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ, фактически учтены в тексте нормы об административном правонарушении («угроза причинения вреда жизни или здоровью, угроза общественной безопасности»). Необходимо изъять повторяющиеся признаки из текста ст. 13¹⁵ КоАП РФ.

Еще одно различие состоит в описании обстановки и средств совершения деяния. Судя по буквальному толкованию ст. 207¹ УК РФ, деяние совершается публично и адресуется группе или неограниченному кругу лиц, при этом выражено в любой доступной для них форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств). В составе административного правонарушения признак публичности ограничен исключительно использованием СМИ и сети Интернет.

Стоит признать, что границы составов преступления и административного правонарушения (соответственно, ст. 207¹ УК РФ, ч. 9 ст. 13¹⁵ КоАП РФ)

являются размытыми и порождают межотраслевую коллизию, в результате чего правоприменитель при квалификации деяний дезориентируется. Анализ практики привлечения лиц к ответственности подтверждает, что фактически одно и то же деяние может быть квалифицировано и как уголовное деяние, и как административное правонарушение [8]. Так, уголовное дело по ст. 207¹ УК РФ было возбуждено в отношении блогера Александра Торна после публикации им видеоролика в социальной сети «Твиттер», в котором он в сатирической форме сообщил, что коронавирус COVID-19 был создан в государственном научном центре «Вектор», после чего путем взрыва умышленно распространён на территории России и КНР [9]. Причем смысловая нагрузка ролика была явно развлекательная, а не информационная. Приведу другой пример. Так, в Самарской области жительница г. Тольятти была привлечена к административной ответственности по ч. 9 ст. 13¹⁵ КоАП РФ за распространение в комментариях в одной из популярных соцсетей ложной информации о факте смерти ребенка в Тольятти от коронавирусной инфекции. Она пояснила, что узнала информацию от незнакомой женщины в общественном месте. Поддавшись панике, женщина решила распространить непроверенную информацию, не удостоверившись в правдивости полученных сведений [10].

Смежным по отношению к преступлению, предусмотренному ст. 207² «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» УК РФ, является административное правонарушение, закрепленное в КоАП РФ в ч. 10 ст. 1315 «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния». В силу схожести предмета посягательства в виде общественно значимой информации разграничивать данные составы необходимо по объему и характеру наступивших общественно опасных последствий. Здесь законодатель также использует прием «исключения преступного».

Такое конструирование новых уголовно-правовых норм подтверждает, что законодатель не смог учесть возможные проблемы правоприменения. Факты наличия недостатков подтверждаются тем, что уже в первый месяц действия новых статей Верховный суд РФ в двух обзорах пытался разрешить спорные вопросы правоприменения.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что введение в УК РФ статей 207¹ и 207² и внушительный рост числа уголовных дел показали включенность уголовно-правового регулирования во внутренние политические процессы. Для полезных целей бороться с дезинформаци-

ей и предупреждать панику населения государственная власть выбрала не лучшие инструменты: плохо сформулированные и недостаточно обоснованные уголовно-правовые запреты. При этом не учтено, что распространение недостоверной информации, создающее угрозу жизни и безопасности граждан или наступление иных тяжких последствий, в России уже многократно криминализировано (ч. 3 ст. 212, ст. 207, 128¹, 205², 280, 280¹, 282 и 354¹ УК РФ).

Предлагаю следующее:

Во-первых, необходимо изменить ст. 207¹ УК РФ, учитывая проблему разграничения преступления и аналогичного административного правонарушения. На мой взгляд, оснований для криминализации данного деяния с такой широкой диспозицией недостаточно. В качестве решения проблемы предлагаю конкретизировать состав преступления, дополнив его конструктивными признаками, влияющими на степень общественной опасности преступления. Такими признаками могут быть совершение деяния из хулиганских побуждений либо в целях дестабилизации деятельности органов власти. Конструктивным признаком может служить также совершение деяния в отношении объектов социальной инфраструктуры.

Во-вторых, так как по задумке законодателя общественная опасность рассматриваемых преступлений состоит в создании общественной паники, то стоит ограничить применение данных составов во времени, например при введении режима «Повышенной готовности» или объявления «Чрезвычайной ситуации». Решением может также служить введение административной преюдиции по таким делам, аналогично преступлениям, связанным с возбуждением ненависти и вражды. Однократное распространение общественно значимой заведомо ложной информации должно влечь административную ответственность по ч. 9–10 ст. 13¹⁵ КоАП РФ, а в случае повторности – уголовную ответственность.

В-третьих, правоприменителю следует, оценивая общественную опасность деяния, сначала рассмотреть возможность признания его малозначительности. В каждом случае необходимо определять, в чем выражается создание угрозы причинения опасных последствий. Также целесообразно сформировать судебную позицию с системой критериев оценки достоверности общественно значимой информации и обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. К таким критериям, например, можно отнести источник информации, степень его авторитетности, анонимность или открытость. Исходя из проанализированных материалов дел, можно сделать вывод, что любая информация от неофициального или анонимного источника считается недостоверной, пока не подтверждена государством.

В-четвертых, необходимо устанавливать причинно-следственную связь между публикацией недостоверных сведений и возможностью наступления указанных в законе угроз или фактически наступившими

опасными последствиями, а также выявлять субъективное отношение лица к последним. Любой человек имеет право на высказывание собственного мнения, даже если оно не соответствует объективной действительности или официальной позиции властей. Кроме этого, любой человек имеет право на распространение своего мнения среди других лиц в публичной плоскости, соблюдая установленные ограничения в целях защиты интересов общественной безопасности. По соответствующим уголовным делам необходимо проведение лингвистической экспертизы в целях определения речевой направленности высказывания и установления признака заведомо ложного характера распространяемой информации.

Ссылки

1. Кленова Т. В. Квалификация преступлений и уголовная политика // Государство и право. 2012. № 4. С. 55–63.
2. Эпидемия фейков: борьба с коронавирусом как угроза свободе слова: доклад Международной Агоры. URL: <https://www.agora.legal/news/2020.06.15/Doklad-Mezhdunarodnoi-Agory-%C2%ABEpidemiya-feikov-borba-s-koronavirusom-kak/1039> (дата обращения: 23.02.2021).
3. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976. 150 с.
4. Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления: научно-практическое пособие. М.: РГУП, 2019. 221 с.
5. Честнов И. Л. Общественная опасность преступления в постклассической перспективе // Образование и наука: Вопросы теории и практики. 2015. № 1. С. 239–242.
6. МВД возбудило с начала года 37 уголовных дел о распространении фейков во время пандемии. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10300833> (дата обращения: 23.02.2021).
7. Первое в России уголовное дело о «коронавирусном» фейке возбуждено в Петербурге. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/08/84786-boleznennoe-sostoyanie> (дата обращения: 23.02.2021).
8. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1, утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 года. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28856/> (дата обращения: 23.02.2021).
9. Возбуждено уголовное дело по факту распространения ложной информации о коронавирусной инфекции. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1454213/> (дата обращения: 23.02.2021).
10. Жительницу Тольятти привлекли к ответственности за распространение фейковой информации./ URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/news/item/20259950/> (дата обращения: 23.02.2021).

Some problems of analysis of types and forms of complicity in international criminal law

Yu. O. Goncharova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-408-417

Research article
Full text in Russian

The article deals with certain issues of the institution of complicity in international criminal law, presents the genesis of the phenomenon of complicity, taking into account the variety of sources of international criminal law. The author notes the positive and negative aspects in the formation of doctrinal and interpretive views on the problems of assessing complicity in international crimes. The current tense political situation in the world, the constant increase in the number of terrorist groups, the increase in smuggling, drug trafficking and a number of other criminal factors are prerequisites for increasing attention to the problem of complicity in international crime. In international criminal law, the concept of «complicity» in a crime is in many ways similar to that developed in the criminal law doctrine, legislation and investigative and judicial practice of many States. Obviously, the commission of a crime in complicity poses a much greater public danger than the commission of a crime by one person. Since the definition of complicity in a crime in the commission of an international crime is generally similar to the national definition, in order to identify the signs that are inherent in complicity in the crime, the author refers to the provisions of article 32 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, differences in theoretical and enforcement assessments of complicity in international and domestic legal practice require analysis of this situation of affairs. At present, the institution of complicity is constantly improving and developing, but proper scientific research on the content and nature of this development is not carried out at both the national and international levels.

Keywords: international criminal law, international crime, criminal responsibility, complicity, role-sharing, criminal organization, criminal community, criminal conspiracy

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Goncharova, Yuliya O. | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
Postgraduate

Некоторые проблемы анализа видов и форм соучастия в международном уголовном праве

Ю. О. Гончарова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-408-417
УДК 341.46

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуются некоторые аспекты института соучастия в международном уголовном праве, рассмотрено развитие и содержание феномена соучастия на основе многочисленных источников международного криминального законодательства. Автор отмечает позитивные и негативные аспекты в формировании доктринальных и интерпретационных взглядов на проблемы оценки соучастия в международных преступлениях. Существующая сложная политическая мировая палитра, регулярный рост количества террористических сообществ, увеличение контрабандных проявлений, оборота наркотических средств и существование иных криминогенных факторов определяют основания для возрастания интереса к исследованию вопросов соучастия в совершении международных преступных посягательств. В международном уголовном праве определение «соучастия» в преступлении в значительной степени дублирует понятие, которое сформировалось в теории уголовного права, законодательстве и следственно-судебной практике значительного количества стран. Действительно, совершение группового преступления содержит существенно большую общественную опасность, чем преступление, совершенное единолично. Поскольку определение соучастия в преступлении в совершении международного преступления в целом сходно с национальным определением, для выявления признаков, которые присущи соучастию в преступлении, автор обращается к положениям статьи 32 УК РФ. Тем не менее имеющиеся различия в теоретических и правоприменительных оценках соучастия в международной и отечественной юридической практике требуют анализа такого положения вещей. В настоящее время институт соучастия постоянно совершенствуется и развивается, однако должного научного исследования содержания и характера этого развития не осуществляется как на национальном, так и на международном уровне.

Ключевые слова: международное уголовное право; международное преступление; уголовная ответственность; соучастие; распределение ролей; преступная организация; преступное сообщество; преступный заговор

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончарова, Юлия Олеговна | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
Аспирант

© Гончарова Ю. О., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Несмотря на довольно высокую степень развития как доктрины международного уголовного права, так и практики работы международных трибуналов и судов в настоящее время достаточно сложной является проблема определения видов и форм соучастия в совершении преступлений против мира и безопасности человечества. Доктрина международного уголовного права насыщена разнообразными классификациями видов соучастия, которые дифференцируются как в связи с привязкой к той или иной правовой семье, так и по отнесению к различным государственным юрисдикциям [1, с. 56; 2, с. 112]. Тем не менее официально признанными и внедренными в правоприменительную практику во многих государствах считаются (если использовать отечественную доктринальную терминологию) три основных вида: простое соучастие (соисполнительство), сложное соучастие или соучастие с распределением ролей, преступная организация.

Очевидно, что для некоторых международных преступлений, таких как наркоторговля, подделка денег и ценных бумаг, контрабанда, работорговля возможны варианты совершения и в форме простого соучастия, когда соучастники совместно непосредственно выполняют действия, которые и образуют объективную сторону данных преступлений. В такой ситуации соисполнители могут совершать конкретные совместные согласованные преступные действия фактически, в реальном времени, например, несколько субъектов осуществляют непосредственное незаконное перемещение товаров или финансовых инструментов через таможенную границу. Иной вариант предусматривает совершение соучастниками различных альтернативных криминальных деяний, регламентированных в конкретном уголовно-правовом запрете, когда один из соисполнителей незаконно приобретает оружие, другой осуществляет его сбыт. Третья ситуация предусматривает преступное поведение субъектов, которые поочередно выполняют элементы (этапы) конкретного преступного деяния, например перевозку фальшивых денег или ценных бумаг [3, с. 133]. Отдельно можно выделить варианты соисполнения, когда лица совершают соответствующие преступные (альтернативные или квалифицированные) действия, закрепленные в разных частях определенной статьи уголовного закона [4, с. 121].

Однако следует сказать, что в непосредственном (простом) виде соучастия соисполнительство встречается достаточно редко. Наиболее распространенным видом в международном уголовном праве является соучастие с распределением ролей. В данном виде соучастия выделяются исполнители, организаторы (руководители), подстрекатели и пособники, которые объединены между собой единой целью. В этом случае все субъекты несут ответственность не за отдельные действия, которые соверша-

ются каждым из них лично, а за всю преступную деятельность, в которой они принимали непосредственное участие, в том числе и в совместном причинении вреда. Эти две разновидности соучастия отражают такую форму, как группа лиц, которая признается теорией международного, отечественного и зарубежного криминального права, и определенным образом регламентированы в законодательстве международного характера.

Третий вид (соучастия) – преступная организация – выступает одновременно и как вид соучастия, и как форма соучастия. Устав Нюрнбергского трибунала (Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси) [5] в статье 9 прямо указывает на существование такой формы соучастия в международном уголовном праве. Преступные организации, деятельность которых рассматривалась, в частности, Нюрнбергским трибуналом, характеризуются довольно значительным числом членов (например, партийные структуры НСДАП, подразделения СС, СД, гестапо, Генеральный штаб Вермахта и т. д.) Таким образом, в деятельности трибунала родилась потребность в выделении из таких групп непосредственно тех субъектов, которые определяются как самые реальные и активные участники международных преступных посягательств; эти лица выполняли важнейшие необходимые и обязательные властные руководящие или организационные функции, отдавали преступные приказы и распоряжения. Существенной в деятельности таких руководителей была задача разграничения и уточнения полномочий, ролей и функций конкретного члена организации и определения меры ответственности каждого из них.

Заметим, что при определении и вычленении элементов и механизмов преступного соучастия в деятельности лиц, причастных к международным и военным преступлениям, Нюрнбергский процесс реализовывал существенную прогрессивную линию.

В итоговом приговоре суда были закреплены три группы субъектов, составляющих преступную организацию: 1) участники организации, которые занимали в ней различные существенные властные руководящие посты, перечисленные трибуналом; 2) иные лица, ставшие членами организации (сообщества) или сохранившие членство в ней, осознавая и понимая, что эта организация была причастна к совершению преступных деяний; 3) субъекты, непосредственно виновные в совершении преступных посягательств и являющиеся членами такой организации. Такие лица привлекались к уголовной ответственности за совершение международных и военных преступлений, а также объявлялись в международный розыск.

В отечественной правовой доктрине указывается на еще одну особую форму соучастия – заговор. Для указанной формы, отмечают правове-

ды, характерны: а) длительность подготовки преступления, б) включение в число его участников представителей власти, в) глубокая конспирация деятельности, г) посягательство на наиболее важные международные (межгосударственные) отношения, вплоть до захвата власти в суверенных государствах [6, с. 36–37].

Полагаем, что данная позиция имеет право на существование, однако наша оценка данной ситуации предполагает рассмотрение заговора как наиболее особенного вида оперативной деятельности международных преступных сообществ и организаций. Последний характерен для организации и реализации наиболее тяжких международных преступлений. При этом заговор, квалифицируется как отдельное единичное преступление. Заметим, что лица, организующие преступный заговор и осуществляющие подготовку наиболее тяжких международных преступных посягательств, действуют по-иному, чем исполнители и иные соучастники общеуголовных преступлений. Современная глобализация определяет, что заговорщики в отдельных случаях могут находиться на территориях различных стран, часто не являются непосредственно связанными между собой, тем не менее вся их деятельность направлена на реализацию единого последовательного преступного плана, который будет координироваться в большинстве случаев из единого руководящего (часто законспирированного) центра.

Если говорить о содержании существенных и обязательных признаков заговора, то он как одна из форм деятельности международных криминальных сообществ характеризуется целым спектром необходимых элементов: а) реализуется группой лиц, достаточно сплоченной и рассчитанной на длительное существование; б) обычно противостоит иному государству или международной юрисдикции, при этом суверенность иного государства может и не оспариваться; в) предусматривает обстоятельную подготовку и утверждение преступного плана, связанного с насильственным захватом власти внутри государства (на части территории государства, союза государств, международной организации); г) сопровождается подавлением противодействующих сил, а затем и внешней экспансией, осуществляемой в процессе его выполнения; д) отличается глубокой конспирацией, по большей части содержит в себе элементы национального предательства, грубейшего нарушения норм национального законодательства, а также международных правовых и обычных обязательств [3, с. 140].

Ряд международных актов выделяет дополнительные формы соучастия, например такие, как структурно оформленная группа и организованная преступная группа. Под первой следует понимать группу, которая

не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, особо зафиксирован характер членства или создана развитая структура. Под организованной преступной группой в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (принята 13.12.2000 года в Палермо) понимается структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду [7].

В отношении выделения каких-либо новых форм соучастия, отличных по ряду признаков от уже устоявшихся как в литературе, так и на практике, мы занимаем позицию о недопустимости смешивания указанных феноменов. Введение новых форм существенно затруднит процесс работы международных трибуналов по привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении международных преступлений, поскольку эти новые виды все-таки являются результатом абстрактной работы конкретных ученых (без апробации их на практике). В силу этого считаем полезным и возможным использование на практике трех вышеуказанных форм, которые повсеместно приняты доктринально и сопряжены со значительным опытом правоприменения.

Как уже отмечалось, международное уголовное право в части исследования института соучастия находится в постоянном развитии, особую роль в этом процессе играют международные трибуналы. Далее рассмотрим отдельные принятые правоприменительные практики для определения соучастия в международном преступлении. В последние годы в судебно-следственной деятельности положительно была воспринята концепция совместного преступного предприятия (совместной преступной деятельности). Ключевыми элементами данной концепции являются: а) активное стремление всех членов преступного сообщества к достижению оговоренного и согласованного преступного результата; б) существование нескольких членов (два и более) группы, активно и непосредственно участвующих в совершении международного преступления; в) разработка и принятие совместного преступного плана; г) альтернативное (пусть самое минимальное) участие лица в реализации общего преступного плана.

Базовые постулаты и правила указанной концепции закрепил в своем приговоре международный трибунал по бывшей Югославии. При этом суд вычленил три ключевые формы соучастия: а) основную, б) системную и в) расширенную. Стержневым основанием дифференциации названных

форм определены элементы (признаки) субъективной стороны преступного соучастия. Действительно, это обоснованное решение, поскольку чаще всего элементы объективной стороны соучастия зачастую пересекаются в рамках содеянного. Допустимы случаи, когда эти элементы полностью тождественны.

Далее основательно проанализируем каждую из форм указанного выше соучастия. Очевидно, что наиболее опасной формой группового соучастия является расширенная форма. Применительно к расширенной форме мы можем говорить об ответственности, выходящей за границы совместного криминального плана, в котором эксцессивно могут появляться и нарушать уголовно-правовые запреты иные лица. В каком-то смысле здесь речь идет об объективном вменении, что противоречит отечественной правовой доктрине. Обязательным механизмом такой оценки должно быть допущение (предположение) участником расширенной формы риска (пусть и абстрактного) совершение преступления такими привходящими субъектами. Согласимся, что такая позиция предполагает очень широкое следственное и судебное усмотрение, которое способно значительно ограничить лицо в его гражданских правах и свободах.

Рассмотрим положения приведенной концепции далее. Акт участия субъекта в противоправной деятельности налицо в случае, если это лицо осознает характер, содержание и последствия своих действий, принимает акт участия совместно с осознанным решением участвовать в процессе его реализации. В ситуации, когда оба указанных элемента являются доказанными, субъект должен нести ответственность не только за свои действия, но и за все наступившие в результате таких действия последствия. При таком подходе для квалификации соучастия не требуется обязательного фактического присутствия лица либо реального физического содействия в процессе противоправной деятельности.

Напротив, в модели международного преступления при основной форме соучастия должен находиться общий совместный умысел (план действий) всех его субъектов-соучастников. В этой ситуации каждый из субъектов отвечает за деяние, в совершении которого он участвовал непосредственно (соисполнение) либо выполнял конкретные функции соучастника, в соответствии с отечественной нормативной и доктринальной позицией, организатора, подстрекателя, пособника. Заметим, что системная форма совместной преступной деятельности, на наш взгляд, развивалась в доктрине и закреплялась на практике для военных преступников, которые жестоко обращались с задержанными, заключенными и осужденными в концентрационных лагерях, тюрьмах, трудовых лагерях и иных местах лишения и ограничения свободы.

При этом такая концепция в меньшей степени связана с военными преступлениями в период Второй мировой войны, а в большей – с деятельностью послевоенных международных военных трибуналов. К примеру, в приговорах международного трибунала по бывшей Югославии отмечается, что наряду с лицами (исполнителями), которые непосредственно жестоко обращались с задержанными, несет ответственность и руководитель «пенитенциарного» учреждения, поскольку осознавал преступный характер системы, в которой он осуществлял свой функционал. Мы не случайно взяли в кавычки термин «пенитенциарный», поскольку такие учреждения могли быть созданы как на законной основе, так и помимо неё.

Напомним в этой связи одно из положений приговора международного трибунала по бывшей Югославии: «Чтобы признать обвиняемого уголовно-ответственным за действия, которые являются естественными и обозримыми последствиями объединенного преступного предприятия, нет необходимости устанавливать его фактическое знание того, что эти действия будут совершены. Достаточно показать, что эти действия, находящиеся вне согласованного преступного предприятия, были естественным и обозримым последствием согласованного преступного предприятия и что обвиняемый участвовал в этом предприятии, зная о вероятности, что эти иные преступления могут быть совершены. Также судебной палате не нужно было устанавливать, что Р. Крстич фактически знал о совершении этих иных преступных действий; достаточно было показать, что их совершение было ему обозримо и что эти иные преступления в действительности фактически были совершены» [8, с. 4].

Концепция совместной преступной деятельности в современной литературе получила двоякую оценку. С одной стороны, это новое научное изыскание, которое во многом может усовершенствовать практику определения соучастия в преступлении, что повлечет за собой в дальнейшем более справедливые решения в части дифференциации ответственности лиц, совершивших международные преступления. Однако, с другой стороны, данная концепция справедливо критикуется за то, что, по сути, ее нормативные установки сопряжены с широким судебным или правоприменительным усмотрением (как уже упоминалось, легализует принцип объективного вменения), допускают наступление уголовной ответственности за абстрактно предвидимые (прогнозируемые) деяния третьих лиц, в том числе и за эксцесс исполнителя. В связи с этим отдельные правоведы более оправданной считают позицию Международного уголовного суда в части определения доктрины сложного соисполнительства. В соответствии с указанной доктриной исполнителями (субъ-

ектами) признаются любые лица, реализуемые запланированный умысел совместно. При этом они не выходят за рамки общего плана и своим поведением содействуют наступлению необходимого преступного результата. Такое соучастие признается признаком исключительного умышленного преступления. В случае же эксцесса исполнителя ответственность других соучастников исключается [9, с. 297].

По итогу вышеприведенного анализа развития института соучастия в международном уголовном праве следует отразить ряд аспектов и тенденций. Во-первых, данный институт находится в постоянном развитии. Указанное обстоятельство подтверждается наличием новейших научных исследований, в том числе решений недавних международных трибуналов, в частности по бывшей Югославии. В этом смысле обрисованная выше концепция совместной преступной деятельности имеет право на существование и закрепление в международном уголовном законодательстве. Заметим, однако, что указанная концепция тем не менее содержит определенные пробелы и противоречия. Полагаем, что в случае более детальной доработки концепции она в полном объеме может претендовать на отражение в итоговых решениях международных(ого) судов(а).

Во-вторых, если говорить о видах соучастников и формах соучастия, то в доктрине международного уголовного права отсутствует единая выработанная позиция. С одной стороны, отсутствие унифицированной «застывшей» теоретической точки зрения – это позитивный момент, поскольку уровень и новизна преступного транснационального сотрудничества иногда достигает серьезных глобальных размахов и форм и в этом случае возникает необходимость в проведении дополнительных серьезных исследований для выявления нестандартных признаков того или иного вида соучастника или формы их деятельности. С другой же стороны, система доктринальных и законотворческих взглядов требует некой системности и упорядочения, поскольку в целом ряде международных правовых актов, а также научных трудах приводятся порой дискуссионные, непроверенные практикой положения, что зачастую приводит к неразберихе в правотворчестве и в правоприменительной деятельности международных судов [10, с. 66].

Ссылки

1. Robert Cryer. An introduction to international criminal law and procedure. Cambridge University Press. Cambridge, 2007. 230 p.

2. Gary D. Solis. The Law of Armed Conflict: International Humanitarian Law in War. Cambridge University Press. Cambridge (Retrieved November, 14), 2010. 864 p.

3. Соловьёв О. Г., Абросимов В. Е. Виды и формы соучастия в международном уголовном праве // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2019. № 18 (18). С. 132–141.

4. Смирнов Р. Ю., Савкина А. С. Уголовная ответственность за наемничество: историко-правовой анализ и место преступления в системе международного и отечественного права // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2019. № 8 (8). С. 120–129.

5. Устав Нюрнбергского трибунала, принятый решением Лондонской конференции от 8 августа 1945 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 18.03.2021).

6. Панов В. П. Международное уголовное право: учебное пособие. М.: Инфра-М, 1997. 320 с.

7. Спиридонов А. П. Классификация преступлений в международном уголовном праве // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2005. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-prestupleniy-v-mezhdunarodnom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 18.03.2021).

8. Кибальник А. Г. Некоторые проблемы понимания соучастия в решениях современных международных трибуналов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 6. С. 3–6.

9. Schabas W. A. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone. Cambridge, 2006. 330 p.

10. Соловьёв О. Г., Соколова О. В. Регламентация ответственности соучастников преступления в международном уголовном праве // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 3 (41). С. 64–67.

The question of “equality” in freedom of religion in Vietnam

S. N. Nguyen¹

¹Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia, 6, 246, Miklukho-Maklaya str., Moscow 117198, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-418-421

Research article
Full text in Russian

The article is about how step by step, religious equality has become a solution in the process of ensuring religious freedom in the environment of religious pluralism and religious diversity. However, around the application of the equality solution, there have been arguments about its practical effectiveness. This article illustrates observations about equality in religious freedom in Vietnam, which are based on scientific methods: analysis, synthesis, and comparison. The research results confirm that the equal solution has proved consistent with the characteristics of the Vietnamese socialist state and Vietnamese culture tolerance and posed challenges to recognizing religious organizations' legal status in Vietnam.

Keywords: religion; freedom; equality; tolerance; culture

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nguyen, Son Nam | E-mail: sonnamnguyen0212@gmail.com
Postgraduate

Вопрос о «равенстве» в свободе вероисповедания во Вьетнаме

Ш. Н. Нгуен¹

¹Юридический институт, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая д. 6, 246, Москва, 117198, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-418-421
УДК 348.01/07

Научная статья
Полный текст на русском языке

Шаг за шагом идея религиозного равенства стала решением в процессе обеспечения свободы вероисповедания при условии религиозного плюрализма и разнообразия. Однако вокруг применения данного решения были споры о его практической эффективности. В статье иллюстрируются наблюдения о равенстве в религиозной свободе во Вьетнаме, основанные на научных методах: анализе, синтезе и сравнении. Результаты исследования подтверждают, что утверждение равенства не только соответствует характеристикам вьетнамского социалистического государства и вьетнамской толерантной культуры, но и создает проблемы для признания правового статуса религиозных организаций во Вьетнаме.

Ключевые слова: религия; свобода; равенство; толерантность; культура

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нгуен, Шон Нам | E-mail: sonnamnguyen0212@gmail.com
Аспирант

Исследование Ф. М. Гедикса показало, что после сохранения религиозного разнообразия в какой-то момент государству приходится идти на переговоры с местными жителями, используя в равной степени бесчисленные разновидности религиозных убеждений [1]. Поэтому, по его мнению, равенство между конфессиями рассматривается как оптимальное решение для правительств в решении проблемы свободы вероисповедания. В результате данного процесса либеральные демократии Запада изменили свой основной переход от свободы к равенству. Если поместить этот вопрос во вьетнамский контекст, можно увидеть, что три важных вопроса заключаются в следующем.

Во-первых, выражение «равенства» в законодательстве о свободе вероисповедания во Вьетнаме.

Во Вьетнаме существует юридическое признание равенства конфессий, независимо от количества верующих конфессий. «Равенство» было в основном отмечено в Указе Президента Демократической Республики Вьетнам № 234 от 14.06.1955 о религиозных вопросах: «религиозные организации, а также все другие народные организации должны соблюдать законы Демократической Республики Вьетнам» (ст. 14). Вопрос о равенстве между религиями был одобрен в Постановлении Правительства Советов Социалистической Республики Вьетнам № 297 от 11.11.1977

© Нгуен Ш. Н., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

«О политике в отношении религии», упомянутого в пункте 3 раздела I: «Все религии равны перед законом». После этого он был продублирован в статье 70 Конституции Вьетнама от 15.04.1992 и затем сохранен в следующих юридических документах: в Постановлении Постоянного комитета Национального собрания Социалистической Республики Вьетнам № 21 от 18.06.2004 «О вероисповедании» (ст. 1); Конституции Вьетнама от 28.11.2013 (ст. 24); Законе Национального собрания Социалистической Республики Вьетнам № 02 от 18.11.2016 «О вероисповедании» (ст. 3).

Во-вторых, уместность решения «равенства» во вьетнамском обществе.

«Равенство» имеет отношение с нейтралитетом вьетнамского государства в религиозных вопросах. По мнению Б. Хайнера, равенство «прежде всего означает недискриминацию» и одним из его условий является то, что «государство должно быть нейтральным в том смысле, что оно не отождествляет себя с какой-либо конкретной религией или убеждением» [2]. Более того, по мнению большинства вьетнамских ученых, сохранение принципа «равенства» представляется приемлемым для вьетнамского общества, поскольку вьетнамское государство с «нерелигиозными марксистскими взглядами» является «благоприятным условием» для обеспечения объективного и равного отношения ко всем конфессиям [3, с. 31]. С одной стороны, нейтралитет государства в религиозных вопросах является традицией Вьетнама. Вьетнам – страна без государственной религии. В истории Вьетнама, хотя и было время, когда королевское государство отдавало приоритет буддизму или конфуцианству, вьетнамские исследователи признавали, что даже в те периоды эти религии не были государственной религией [4]. С другой стороны, одним из необходимых проявлений нейтралитета государства в отношениях с конфессиями является «отказ от вмешательства во внутренние дела конфессий». Довольно долгое время во Вьетнаме религиозная политика устанавливала и реализовывала принцип «невмешательства». В Указе Президента Демократической Республики Вьетнам № 234 от 14.06.1955 о религиозных вопросах определено: «Правительство не вмешивается во внутренние дела религий. Что касается католицизма, религиозные отношения между Вьетнамской церковью и Римским Святым Престолом — это внутренний вопрос католицизма».

«Равенство» тесно связано с культурой толерантности во Вьетнаме. Культура толерантности неразрывно связана с вьетнамскими национальными традициями. До трансформации с западной культурой традиционная культура Вьетнама несла в себе признаки толерантности, благодаря которой буддизм, конфуцианство и даосизм мирно сосуществовали на протяжении веков, несмотря на их различия. На протяжении многих веков три основные импортированные религии, а именно буддизм, даосизм и конфуцианство, даже сочетались с народными верованиями и были локализованы в одну значительную синкретическую религию, называемую «тройной религией», которая является типичной чертой традиционного вьетнамского общества [5, с. 217]. Вьетнамский народ, обладающий толерантной культурой, принял все конфессии. Толерантное поведение подпитывается принципом «равенства» в культурных традициях вьетнамского народа. Все религии независимо от того, много или мало верующих, независимо от их долгой или короткой истории, могут жить вместе в гармонии в культурной среде Вьетнама.

В-третьих, проблемы при обеспечении «равенства».

Обеспечение равенства – действительно многогранная задача как для восточных, так и для западных стран. Это не означает, что эти страны не прилагают ни-

каких усилий, но они исходят из проблемы большой сложности в стремлении достичь абсолютного равенства. Во Вьетнаме характер светской модели государства состоит в том, чтобы следовать направлению поддержки религиозного разнообразия. [4]. По сути, государство выборочно признает религиозные организации и обеспечивает равенство для всех остальных религий. Однако из-за «регистрационной» формы равенство религий перед законом столкнется с проблемой «отказа признать правовой статус» для «новых религиозных явлений» или «небольших религиозных групп». В. К. Дарем утверждает, что существует слишком много проблем для религиозной группы, нуждающейся в «законной религиозной деятельности» без юридического статуса [6, с. 60]. Однако во Вьетнаме среди религиозных объединений, требующих признания юридического статуса, немало «религий малых групп» и «новых религиозных явлений» со странными верованиями, наносящими вред общественному здоровью [7]. Признание данных объединений приведет к «дискриминации» признанных религиозных организаций. Поэтому необходимо создать надлежащую правовую базу для регулирования новых религиозных явлений [8, с. 153].

Следовательно, не нужно абсолютизировать роль «равенства». С. Феррари изучает европейское пространство и утверждает, что нет единого ответа на вопрос об эффективности перехода от свободы к равенству, потому что данная эффективность зависит от контекста, в котором он происходит, и его влияние различается в разных национальных правовых системах [9]. М. Д. Розен также согласен с С. Феррари в том, что правильность и неправильность решения «равенства» следует рассматривать с точки зрения роли различных государственных институтов (например, судов, законодательных органов, исполнительной власти) и даже роли граждан и других частей гражданского общества в защите свободы вероисповедания [10, с. 140].

Ссылки

1. Gedicks F. M. *Religious Freedom as Equality* // *Routledge Handbook of Law and Religion* / Silvio Ferrari (ed.). London: Routledge, 2015. P. 133–144.
2. Heiner B. *Freedom of Religion or Belief - A Human Right under Pressure* // *Oxford Journal of Law and Religion*. 2012. № 1. P.15–35.
3. До К. Х. Проблема признания религиозных организаций – Сравнительный подход: на примере Вьетнама // *Журнал религиоведения*. 2007. № 1. С. 24–34.
4. До К. Х. *Государство – Религия – Закон*. Ханой: Национальное политическое издательство, 2015. 455 с.
5. Hoang V. N. *Religious Diversity, and the Right to Freedom of Religion in Vietnam Today* // *Academic Journal of Interdisciplinary Research*. 2015. № 4. P. 213–222.
6. Durham W. C. *Evolution and Current Context of Religion Laws in Southeast Asia: A Comparative Perspective* // *Journal of Religious Studies*. 2007. № 1. P. 60–68.
7. Нгуен Х. З. Проблемы религиозного разнообразия во Вьетнаме на сегодня // *Журнал религиоведения*. 2015. № 10. С. 3–30.
8. Hoang V. C. *New Religions and State's Response to Religious Diversification in Contemporary Vietnam – Tensions from the Reinvention of the Sacred*. Cham: Springer International Publishing, 2017. 176 p.
9. Ferrari S. *Religion between Liberty and Equality* // *Journal of Law, Religion and State*. 2016. № 4. P. 179–193.
10. Rosen M. D. *Two Ways of Conceptualizing the Relationship between Equality and Religious Freedom* // *Journal of Law, Religion and State*. 2016. № 4. P. 117–145.

Psychological specifics of the professional activity of the subject-information class

A. V. Karpov¹, A. V. Chemyakina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-422-433

Research article
Full text in Russian

The article presents theoretical and methodological materials that justify the need to differentiate a new class of professional activity – subject-information. This class is qualitatively specific in relation to two other traditionally distinguished classes: subject-object and subject-subject. Based on the material of the most representative types of activity of this class, which are implemented through computer technologies, its psychological characteristics are given. It is shown how the research of this class can contribute to the further development of the psychological theory of activity. A new approach to the research of this class of activity is formulated, based on the synthesis of the main provisions of the psychological theory of activity and modern metacognitivism.

Keywords: activity; types of activity; classes of activity; subject-object class; subject-subject class; subject-information class; activity structure; metacognitive processes

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Anatoly V. | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Corresponding Member of the RAO, Doc. Sc.
(Psychology), Professor

Chemyakina, Anna V. | E-mail: anyachemy@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Funding: RSF, project 21-18-00039.

Психологическая специфика профессиональной деятельности субъектно-информационного класса

А. В. Карпов¹, А. В. Чемякина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-422-433
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены теоретические и методологические материалы, обосновывающие необходимость дифференциации нового класса профессиональной деятельности – субъектно-информационного. Он является качественно специфическим по отношению к двум иным, традиционно выделяемым классам, – субъектно-объектному и субъектно-субъектному. На материале наиболее репрезентативных разновидностей деятельностей этого класса, которые реализуются посредством компьютерных технологий, дана его психологическая характеристика. Показано, каким образом исследование этого класса может содействовать дальнейшему развитию психологической теории деятельности. Сформулирован новый подход к изучению данного класса деятельности, базирующийся на синтезе основных положений психологической теории деятельности и современного метакогнитивизма.

Ключевые слова: деятельность; виды деятельности; классы деятельности; субъектно-объектный класс; субъектно-субъектный класс; субъектно-информационный класс; структура деятельности; метакогнитивные процессы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Анатолий Викторович | E-mail: anvikar56@yandex.ru
Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор

Чемякина, Анна Вадимовна | E-mail: anuyachemy@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Финансирование: РНФ, проект № 21-18-00039.

Одной из основных черт социо-экономического развития общества является объективно развертывающийся процесс эволюции и закономерной трансформации форм и видов, типов и классов профессиональной деятельности – то, что обычно обозначается понятием «филогенеза дея-

© Карпов А. В., Чемякина А. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

тельности» [1–3]. В этом плане показательным является переход от доминирования в общественном разделении труда *субъект-объектных* видов деятельности к *субъект-субъектным* видам, а также смена их роли и места в нем [3]. В состав второго класса входят такие играющие действительно определяющую роль в современном обществе виды профессиональной деятельности, как управленческая и организационная деятельность, образовательная деятельность во всех ее многочисленных разновидностях, врачебная деятельность, весь спектр различных видов сервисной деятельности и мн. др. [4–5]. Смена двух традиционно дифференцируемых классов, а также постепенное и неуклонное изменение приоритетов между ними в структуре общественного разделения труда – это и есть объективная по природе и магистральная по масштабу тенденция изменения мира профессий. Важно то, что ограничиваться такой логикой – значит приуменьшать реальную сложность эволюции форм трудовой активности, ограничивать диапазон их прогресса и фактически во многом закрывать возможность продуктивного и углубленного исследования все новых ее типов и разновидностей, а возможно, и классов. К нему принадлежат, как показано в частности в [1–2], многочисленные разновидности становящегося все более распространенным *субъектно-информационного* класса. Важно и то, что именно ему принадлежит будущее; это ставит вопрос о его приоритетном изучении, а также о синтезе представлений о нем и о разработке обобщающей психологической теории деятельности. Она должна синтезировать в себе представления как о субъект-объектных и субъект-субъектных ее типах, так и о ее субъектно-информационном типе.

Очень показательным, что именно это обстоятельство находит все более зримое и многоплановое подтверждение в ряде современных подходов к проблематике профессиональной деятельности. В частности, оно выступило одним из основных в целом ряде выполненных нами исследований (см., например, [2, 6]). Было обосновано положение, согласно которому существующая дифференциация огромного многообразия деятельностей («мира деятельностей») всего на два класса является упрощенной и недопустимо симплифицированной; она не отражает всего их реального многообразия¹. «Мир деятельностей» динамичен, а мера этой динамичности, постоянно возрастающая, в настоящее время достаточно велика. Она характеризуется перманентным возникновением принципиально новых видов деятельности и способов ее организации, не говоря уже о еще более быстром прогрессе их «технологической составляющей».

В связи с этим, как показывает специальный анализ всех отмеченных вопросов, и возникает необходимость дифференциации качественно специфического и несводимого к двум уже выделенным классам деятель-

¹ В этом плане модно привести выражение В. П. Зинченко, отмечавшего, что «деятельность – это такая беспредельность, которая вряд ли поддается какой-либо систематизации» [9].

ности – субъектно-информационного [7]. Его важнейшей отличительной характеристикой является то, что в нем имеет место та же самая в принципе трансформация (то есть трансформация, принципиальная по смыслу и радикальная по масштабу), которая привела в свое время к необходимости дифференциации субъект-объектного и субъект-субъектного классов. Это трансформация основного атрибута деятельности – ее *предмета*. В субъектно-информационных видах деятельности им выступает уже не объект, но и не субъект, а совершенно иная и предельно специфическая сущность – *информация*. Она сама по себе, то есть исходно, не является ни объектом, ни субъектом, хотя может сигнифицировать и тот и другой и по отдельности и одновременно. Сфера действия и область представленности этого третьего класса предельно широка (см. далее); в его деятельности основной атрибут – предмет не только качественно трансформируется, но и еще более усложняется [8–10]. Причем такое усложнение происходит в самом прямом смысле данного понятия, поскольку деятельность данного класса становится еще более опосредствованной, а ее предмет – еще более имплицитным, вообще приобретая в ряде случаев черты именно качественно новой реальности – виртуальной.

Таким образом, со всей очевидностью и, более того, с объективной необходимостью формулируется задача приоритетного исследования именно этого пока не вполне традиционного, но крайне важного класса профессиональной деятельности. Уже выполненные к настоящему времени исследования вскрывают глубокую психологическую специфичность данного класса, наличие у него качественно иных по сравнению с двумя другими классами особенностей и закономерностей. Кроме того, как отмечалось выше, не менее значимо, что именно этому классу принадлежит будущее; он с очевидностью находится на «острие» прогресса видов и типов профессиональной деятельности – прогресса, масштабы и темпы которого не только велики, но и зачастую даже непредсказуемы. Он и его дальнейшая эволюция составляет не только ближайшую, но и отдаленную перспективу развития профессиональной деятельности, причем выраженную настолько, что в ряде случаев представления о ней вообще сводятся к постепенному вытеснению всех иных разновидностей профессиональной деятельности этим классом. Итак, значимость дифференциации данного класса – и как объективно представленного, и как гносеологически дифференцируемого (в качестве еще одной важнейшей экспликации общего предмета психологии профессиональной деятельности) – обусловлена тем, что он представляет собой несомненную и широко представленную реальность. С ней не только необходимо считаться, но именно ее и следует сделать предметом приоритетных исследований. Более того, такая смена приоритетов будет становиться все более явной по мере развития мира деятельности и изменения структуры общественного разделения труда.

II

На первый план выходит важная в теоретическом плане задача формулировки такого методологического подхода, который был бы адекватен психологической природе данного класса деятельности, а также конструктивен в плане его исследования. Такой подход был разработан нами [8]; его основная черта состоит в том, что он позволяет реализовать по отношению к исследованию данного класса основные положения *метакогнитивизма*.

Следует принимать во внимание то важнейшее обстоятельство, что речь идет именно о *классе* деятельностей, то есть о таком образовании, которое имеет огромный объем своего содержания и столь же беспрецедентный диапазон и его качественных разновидностей, и степени их сложности. В этой связи можно дифференцировать два «вектора» качественной гетерогении данного класса деятельностей. Первая – это *вертикальная* гетерогения, вскрывающая глубокие принципиальные, то есть именно качественные, различия в степени сложности (ее пример как раз и представлен выше). Вторая – это *горизонтальная* гетерогения, вскрывающая факт существования многих видов информационной деятельности, являющихся паритетными по сложности.

На основе этого возникает принципиальная проблема, являющаяся очень типичной и для исследования двух традиционных классов. Поскольку все множество конкретных разновидностей деятельности, образующих субъектно-информационный класс, невозможно раскрыть в одном, отдельно взятом исследовании, то необходимо избрать такую его экспликацию, которая была бы наиболее репрезентативной в плане основных характеристик и особенностей, феноменов и закономерностей. В свете этих критериев нет необходимости подробно обосновывать положение, согласно которому такой экспликацией (точнее, целым семейством принципиально сходных экспликаций) являются все те виды деятельности, которые базируются на *компьютерных* технологиях, а базовым средством труда в них выступает именно компьютерная техника. Именно их, по нашему мнению, и необходимо сделать предметом приоритетного исследования в плане изучения субъектно-информационного класса деятельности.

Таким образом, можно видеть, что исследование развития «мира деятельностей», приведя на современном этапе к необходимости дифференциации субъектно-информационного класса, ставит фундаментальную по своей теоретической и практической значимости проблему, которую можно обозначить как проблему «метакогнитивизм и компьютеризация», «метакогнитивизм и ИТ-технологии». Она включает в себя очень широкий спектр вопросов и проблем – как тех, которые уже отмечены выше, так и многих других, которые и должны выступить в качестве первоочередных. Подтверждением этого является и то, что исследования в данной области уже сейчас являются весьма актуальными и проводятся, в частности, в совре-

менном метакогнитивизме, а также в смежных с ним областях (см. обзор в [11]).

III

Наиболее показательно, что именно при такой конкретизации предмета исследования сразу же – очень непосредственным и вполне естественным, даже необходимым, образом – выявляется обстоятельство наиболее принципиального плана и фундаментального значения. В своем общем виде оно заключается в удивительном *подобии* – в принципиальном сходстве и в максимальной конгруэнтности самого «духа» метакогнитивизма (его сферы, предмета, специфики, задач, разделов и пр.) и основных качественных особенностей деятельности информационного характера, реализуемых на базе компьютерной техники. Поясним сказанное. Известно, что в структуре метакогнитивизма исторически сложились и являются в настоящее время основными две его «составляющие», два главных направления [12–14]. Первое имеет своим предметом исследование метакогнитивных *процессов*: это операционное направление, которое и закреплено в термине «метакогнитивизм». Второе направление имеет своим предметом *знания*, но особого типа – «знания о знаниях», то есть метазнания: это операндное направление, которое закреплено в понятии «психология метапознания». Фактически складывается ситуация, при которой обе эти основные «составляющие» метакогнитивизма «воплощаются» в сути информационной деятельности посредством компьютерной техники, но и сама техника выступает при этом в функции практически полного аналога и «первичных» процессов, и «первичных» знаний. Субъект же деятельности с необходимостью выступает при этом и как реализатор процессов по управлению этими «первичными» процессами», и как носитель, а также преобразователь знаний об этих «первичных» знаниях. Следовательно, такого рода субъектно-информационная деятельность *может* быть понята только как метакогнитивная. Между информацией (как предметом деятельности) и субъектом деятельности находится такое средство труда (компьютер), которое по своей сущности фактически выступает носителем целой системы процессов и системы знаний (базы данных). Они, однако, носят специфически когнитивный характер, причем взятые в их единстве. То метакогнитивное содержание, которое представлено в индивидуальной психике во *внутреннем* плане (в частности, в интрапсихической плоскости), в субъектно-информационных деятельности оказывается представленным уже во *внешнем* плане, в том числе и в распределенном виде между самим субъектом и средством его труда. Можно видеть, что имеет место принципиально новая деятельностная реальность, которая никак не присуща двум традиционным классам и которая определяет качественное своеобразие третьего класса и его несводимость к первым двум. Эту реальность во всей ее полноте, сложности, а отчасти и необычности еще предстоит понять и осознать.

Так, на основе выполненных нами исследований можно считать, что реальная, а не симплифицированная структурно-уровневая организация профессиональной деятельности существенно более сложна, нежели это полагается традиционно. Особенно ярко это проявляется именно в классе субъектно-субъектных видов (в частности, управленческой, педагогической, а также базирующейся на компьютерных технологиях); она образована не тремя, как это считается аксиоматичным, а *пятью* основными уровнями. Она, наряду с известными, включает в себя еще и уровни, обозначенные понятиями *метадеятельностного* и *инфрадеятельностного*.

Действительно, и собственно эмпирические материалы, и методологические аргументы позволяют дифференцировать в общей структуре деятельности своеобразный качественно специфический уровень ее организации. Он локализуется между уровнем «автономной деятельности» и уровнем действий, заполняя собой огромный диапазон вариаций степени сложности ее организации между ними. Он характерен (и даже объективно необходим) для любой системы, поскольку раскрывает специфику функционирования ее основных subsystem (подсистем) и может быть обозначен в общем виде как subsystemный. По отношению же к деятельности как одной из сложнейших типов систем он адекватнее всего описывается понятием инфрадеятельностного уровня. Он находится *под* уровнем автономной деятельности (отсюда и название – инфрадеятельностный), но *над* уровнем отдельных действий. Он заполняет собой тот огромный диапазон качественно различных форм организации деятельности, которые располагаются между крайними полюсами ее сложности. Данный уровень соответствует не системе деятельности в целом и не ее компонентам (действиям). Следовательно, он соотносится не с мотивацией и целями как таковыми, а должен выделяться на основе критерия дифференциации уровней. Он характеризует деятельность не на системном и не на компонентном уровне ее реализации, а на subsystemном уровне.

Тем самым понятием (и реальностью), которому он наиболее полно, точно и строго соответствует, является понятие *ситуации*. Именно оно, как известно, не только является одним из ключевых теоретических понятий, необходимых для экспликации содержания деятельностей субъектно-информационного класса, но и вообще составляет суть и основной источник проблем и затруднений в ее практической реализации. *Содержание* деятельности и процесс преодоления *проблемных ситуаций* по отношению к деятельностям данного класса – это вообще во многом синодические сущности.

Наиболее важно то, что оба отмеченных выше уровня не только складываются и функционируют под решающим детерминационным влиянием собственно метакогнитивных детерминант, но во многом ими вообще образованы. Отсюда следует вывод наиболее принципиального плана: факторы метакогнитивного типа обуславливают трансформации того *основного*,

что есть в деятельности – ее структурно-уровневой организации. Основные классы профессиональной деятельности качественно отличаются друг от друга в аспекте тех приоритетов и даже той совокупности уровней, которые характерны для каждого из них.

Возникает логичное предположение, согласно которому и при переходе от этих двух классов к третьему (субъектно-информационному) также будут иметь место качественные трансформации структурно-уровневой организации деятельности. Однако то, какие именно трансформации будут возникать и каким закономерностям они подчиняются, пока остается неизвестным. Следовательно, формулируется важная в теоретическом плане задача выявления и интерпретации тех закономерностей, которые лежат в основе этих трансформаций. Другими словами, формулируется конкретная по содержанию, но общая и принципиальная по смыслу задача выявления того, каким образом в деятельности субъектно-информационного класса трансформируется их общая структурно-уровневая организация? Какую роль в этом играют факторы собственно метакогнитивного плана? То, что такие трансформации действительно имеют место, можно предположить с достаточно высокой степенью вероятности. Дело в том, что сама суть и главное предназначение компьютерных технологий в том и состоит, чтобы разгрузить субъекта от относительно более простых (а в перспективе и все более сложных) когнитивных функций. Однако столь же известно, что именно эти функции локализуются в структуре деятельности на ее относительно низших уровнях – операционном и частично действенном. Следовательно, на основе этого и возникает предположение, согласно которому в данном классе два указанных уровня могут существенно редуцироваться и фактически исключаться из ее общей структуры (либо же качественно трансформироваться и приобретать неизвестные пока формы). В этом плане модно констатировать и достаточно интересную закономерность. Если при переходе от субъект-объектного класса к субъект-субъектному классу в структуре деятельности дополнительные приоритеты и качественно новые функции обретали два отмеченных выше весьма специфических уровня, то при переходе к субъектно-информационному классу из нее фактически исключаются также два уровня, но уже не относительно высшие, а относительно *низшие*.

IV

Наряду с этим, существует и еще один очень важный, но и более скрытый, имплицитный аспект исследования деятельностей субъектно-информационного класса, обращение к которому становится возможным именно с позиций исследования метакогнитивных детерминант ее организации. Так, выше мы уже подчеркивали удивительное подобие ЧЕМУ?, фактически полную конгруэнтность данного класса и содержания самого метакогнитивизма. Однако такое подобие, доходящее до степени тождества, прослеживается и в еще одном плане. С одной стороны, хорошо известно,

что важнейшим принципом всех компьютерных технологий является дифференциация оперативной памяти от всех иных типов и средств долговременной фиксации информации в компьютере (как аналога долговременной памяти). В связи с этим важнейшей компетенцией субъекта данного класса деятельности выступает способность организовать обмен между ними, то есть фактически взаимодействие *актуальной* и *виртуальной* информации; грамотно и продуктивно специфицировать актуальную информацию и обеспечить максимальную адресацию к «информации по запросу». Опытный профессионал «чувствует», что именно достаточно принять к рассмотрению, а что можно «оставить за кадром», поскольку это в любой момент может быть актуализировано «информацией по запросу». Все это – неоспоримая и обыденная реальность информационных видов деятельности. Однако столь же очевидно, что в основе всего этого лежат именно специфически метакогнитивные умения и средства, поскольку все они направлены именно на «базы данных» (на знания) и на процессы работы с ними (также информационные по своему содержанию). С другой стороны, трудно не видеть и того, что вся охарактеризованная «специфически компьютерная» ситуация, связанная с информационными переходами из актуальной формы презентации в потенциальную (и наоборот), с соотношением актуальных и виртуальных данных и пр., не просто удивительно похожа на ту, которая составляет суть основных информационных взаимодействий в самой психике – взаимодействий между *осознаваемым* и *неосознаваемым* уровнями ее репрезентации и переработки, – но и фактически эквивалентна ей. Компьютер вновь «повторяет психику», но уже не в плане подобия структурной организации, а в плане базового принципа функциональной организации. Это – подобие его функциональной организации с организацией межуровневых взаимодействий двух основных форм презентации информации – актуальной и виртуальной, «фигуровой» и «фоновой», осознаваемой и неосознаваемой. Все это приводит к формулировке еще более сложных задач, имеющих, однако, очевидную метакогнитивную составляющую. Более того, эти задачи с объективной необходимостью заставляют обратиться к одному из важных направлений именно метакогнитивизма – направлению, исследующему неосознаваемые средства и механизмы метакогнитивного плана [15].

Подчеркнем также, что при решении данной задачи в ее наиболее общем виде следует руководствоваться тем, что реальная онтология деятельности – ее действительное и полное бытие – эксплицируется, как известно, через так называемую «деятельностную формулу». Это триада базовых «составляющих» любой деятельности: ее субъект, объект и процесс их взаимодействия, то есть собственно деятельности, взятой в ее временной развертке. В данной связи очень показательным (и доказательным) является следующее обстоятельство. Каждый из этих трех компонентов выступает в качестве базовой метасистемы, оказывающей наибольшее специфициру-

ющее влияние на метакогнитивную сферу по отношению соответственно к трем разным классам деятельности; поясним сказанное. Так, по отношению к субъект-объектным деятельности метакогнитивная сфера обретает главные специфические особенности под влиянием тех особенностей и закономерностей, которыми характеризуется более общая по отношению к ней метасистема – индивидуальная психика самого *субъекта* деятельности. По отношению ко второму классу в качестве такой специфицирующей метасистемы выступает уже не «субъектный», а «объектный» член этой формулы, поскольку для него главную роль играют особенности и закономерности, обусловленные тем, что в его качестве выступают также субъекты, «другие люди» – социальные *объекты*. Соответственно, и вся метакогнитивная сфера обретает ярко выраженную социоориентацию, а сам метакогнитивизм трансформируется в социальный метакогнитивизм. Данное обстоятельство подробно обосновано нами на материале исследования управленческой и педагогической деятельности. Однако есть основания полагать, что именно этой же общей и, по-видимому, фундаментальной особенности подчиняется и тот класс деятельности, который пока не был исследован в данном плане – субъектно-информационный. В нем метакогнитивная сфера, по всей вероятности, в наибольшей мере специфицируется еще одним, третьим (средним), членом этой «формулы» – самим *процессом* деятельности. Он, однако, должен быть взят также в специфическом и вполне конкретном проявлении, в аспекте тех средств и операционных механизмов, которыми и реализуется этот процесс. В их качестве как раз и выступает все то, что составляет содержание компьютерных технологий как таковых. При этом показательно (и доказательно), что ключевое из этих средств не только по существу, но даже этимологически иллюстрирует именно это обстоятельство: специфику процессу деятельности субъектно-информационного класса придает в основном именно *процессор* как ключевой компонент всех компьютерных средств.

Наконец, на наш взгляд, нельзя оставить без внимания и еще один аспект рассматриваемой проблемы, являющийся к тому же достаточно сложным и дискуссионным, даже в известной степени «болезненным». Он состоит в том, что в адрес правомерности дифференциации субъектно-информационного класса как такового нередко высказываются возражения, смысл которых сводится к следующему. Очень многие (или даже практически большинство) существующие виды деятельности не только обязательно включают в качестве важнейшего компонента переработку информации, но и, вообще, во многом базируются на собственно информационном взаимодействии с объектом. В силу этого в значительной мере стирается грань между ними и субъектно-информационным классом, а само его выделение становится дискуссионным. Дело, однако, заключается не в этом непреложном факте, а несколько в другом – гораздо более имплицитном обстоятельстве. Оно состоит в том, что в целом ряде деятельности (кото-

рые и образуют субъектно-информационный класс) имеет место не только и не просто «информационное взаимодействие» или «переработка субъектом информации», а качественно иная ее организация. Главной особенностью этой организации является то, что информация выступает не только в качестве основы деятельности. Сама деятельность в целом и средства ее реализации («орудия труда») в особенности таковы, что они эту информацию *активно преобразуют*, то есть сами ее перерабатывают, беря тем самым на себя часть функций, которые в иных классах деятельности являются исключительной прерогативой субъекта. Происходит «отчуждение» ряда исходно субъектных задач и функций, их перенос на реализацию средствами труда (если использовать традиционную терминологию), а сами эти средства выступают не только как пассивные орудия, полностью регулируемые субъектом, но и как в известном смысле активные ее реализаторы. Налицо, таким образом, полная аналогия данной ключевой особенности с той, которая является важнейшей и для дифференциации субъект-объектного класса деятельности. Как показано в наших исследованиях, он тем и отличается от всех иных классов, в особенности от профессии типа «человек-человек», что его предметом является не просто человек, а именно *человек действующий*, то есть субъект какой-либо своей собственной деятельности. Им является личность, сама *активно* осуществляющая какую-либо деятельность, сама являющаяся *субъектом* своей собственной деятельности.

V

На основе вышеизложенного можно сделать следующее заключение. С одной стороны, дополнение теории деятельности изучением субъект-субъектных видов, а также введение в ее концептуальный состав самой дифференциации деятельности на объектно-ориентированные и субъектно-ориентированные является очень логичным и естественным, объективно необходимым и понятным. Однако, с другой стороны, уже сама эта дифференциация, означающая введение в нее еще одного класса изучаемой реальности, создает своеобразный прецедент, смысл которого заключается в том что, если действительно существует еще один класс, то возможно существование и других также дополнительных, новых и качественно отличных, классов, каковым и является субъектно-информационный класс.

Наконец, в данной связи необходимо учитывать и еще одно очень значимое и носящее совершенно объективный характер обстоятельство. Оно состоит в том, что наиболее общей своего рода «магистральной» тенденцией развития типов и форм организации профессиональной деятельности как раз и является все более широкое распространение деятельностей именно субъектно-информационного характера. Решающим шагом в этом направлении является, разумеется, крупнейший технологический «прорыв», приведший к беспрецедентному распространению компьютерных технологий. В целом это переход общества в так называемую «IT-эпоху», дополнение всех сфер жизни общества новым, «пятым», измерением реальности,

метафорически обозначаемым, как известно, понятием «е-измерения» [1]. И именно субъектно-информационные виды деятельности со всей остротой и очевидностью обнаруживают явную недостаточность традиционных вариантов психологической теории, а также декомпозиции самой деятельности на основные уровни. Вместе с тем именно их изучение одновременно позволяет наметить и пути дальнейшего развития этой теории, одной из основных среди которых является необходимость ее синтеза с теми данными, которыми располагает современный метакогнитивизм. На основе именно этого синтеза окажется возможным становление нового направления психологических исследований – *метакогнитивной психологии деятельности*.

Ссылки

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М.: Владос, 1994. 336 с.
2. Карпов А. В., Леньков С. Л. Структурно-функциональное строение профессиональной деятельности информационного характера. Тверь: ТГУ, 2006. 448 с.
3. Климов Е. А. Психология профессионала. Воронеж: МПСИ, 1996. 400 с.
4. Роберт И. В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. М.: Школа-Пресс, 2004. 210 с.
5. Kluwe R. H. Cognitive Knowledge and executive control: Metacognition // *Animal mind-human mind* / D. R. Griffin (Ed.). N. Y.: Springer-Verlag. 1982. P. 201–204.
6. Карпов А. В. Психология сознания. М.: РАО, 2015. 1080 с.
7. Карпов А. В., Карпов А. А. Методологические основы психологии образовательной деятельности. Т. 2: Когнитивное обеспечение. М.: РАО, 2018. 580 с.
8. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: ВШЭ, 2010. 582 с.
9. Леньков С. Л. Субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям. Тверь: Тверской гос. ун-т. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42979173> (дата обращения: 30 апреля 2021).
10. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина; М.:ВШЭ, 2019. 343 с.
11. Cognition, Metacognition, and Culture in STEM Education: Learning, Teaching and Assessment (Innovations in Science Education and Technology, 24) Softcover reprint of the original 1st ed. / by Y. Dori, Z. Mevarech, D. Baker. Springer, 2018. 150 p.
12. Karpov A. V., Karpov A. A. The interconnection of learning ability and the organization of metacognitive processes and traits of personality // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2017, Issue 1. Vol. 10. P. 67–79.
13. Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. By V. Yzerbyt [et al.] SAGE Publications, 2002. 253 p.
14. Pilot A Metacognition in Higher Education. Twente University Press, 2021. 154 p.
15. Koriat A. Conscious and Unconscious Metacognition: A Rejoinder // *Consciousness and Cognition*. 2000. 9. P.193–202.

Understanding as an uncertainty overcome

A. D. Kiyatkina, V. D. Shadrikov¹

¹HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-434-443

Research article
Full text in Russian

The article discusses understanding as a human tendency to remove uncertainty through the phenomenon of «entropy». The learning process initially puts the student in a situation of constant movement from a disordered environment to an ordered one, which occurs due to the constant interruption of the student's inner world balance. Studies of understanding through entropy allow us to consider the subject of understanding as an irreversible dynamic system, then the individuality of pedagogical influence can be explained by the degree of stability of this system. Taking into account the variety of individual differences that determine the process of understanding, the idea of building a probabilistic model of understanding is proposed.

Keywords: understanding; uncertainty; entropy; dynamical systems

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kiyatkina, A. D. | Postgraduate

Shadrikov, Vladimir D. | E-mail: shadrikov@hse.ru

Full member of the RAO, Doc. Sc. (Psychology), Professor

Funding: RFBR, project 20-313-90043.

Понимание как преодоление неопределённости

А. Д. Кияткина¹, В. Д. Шадриков¹

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-434-443
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается понимание как стремление к снятию неопределенности через феномен «энтропии». Процесс обучения изначально ставит ученика в ситуацию постоянного движения от неупорядоченной среды к упорядоченной, что происходит за счет постоянного нарушения равновесия во внутреннем мире ученика. Исследования понимания через энтропию позволяют рассматривать субъекта понимания как необратимую динамическую систему, тогда индивидуальность педагогического воздействия может объясняться степенью устойчивости этой системы. С учетом многообразия индивидуальных различий, детерминирующих процесс понимания, предлагается идея о построении вероятностной модели понимания.

Ключевые слова: понимание; неопределенность; энтропия; динамические системы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кияткина, А. Д. | Аспирант

Шадриков, Владимир Дмитриевич | E-mail: shadrikov@hse.ru
| Действительный член РАО, доктор
| психологических наук, профессор

Финансирование: РФФИ, проект № 20-313-90043.

Классическая наука подчёркивала порядок и устойчивость. Законы формулировались, исходя из принципа детерминированности событий во Вселенной. В настоящее время вера в определённую ставится под сомнение, подчёркивается фундаментальная роль вероятности. Достаточно

© Кияткина А. Д., Шадриков В. Д., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

подробно эту тенденцию описывает Илья Пригожин. «Человечество достигло поворотного пункта, – пишет он, – начало новой рациональности, в которой наука более не отождествляется с определённой, а вероятность – с незнанием» [1, с. 13]. В результате перехода на вероятностное описание предмета изучения мы «получаем более приемлемое описание, в котором есть место и для законов природы, и для новаций и творческой активности» [1, с. 21].

Преодоление неопределённости связано с понятием энтропии. Энтропию, пишет Марри Гелл-Манн, «можно рассматривать как своего рода меру незнания» [2].

В образовательном процессе ученик постоянно движется от неупорядоченной среды (незнания) к упорядоченной (знанию), разрешая задачи, которые ставятся перед ним учителем. И каждая новая задача возвращает его к неупорядоченному состоянию, идёт постоянное нарушение равновесного состояния и перевод ученика в неравновесное состояние, в состояние частичного незнания. Это неравномерное состояние ученик разрешает, приобретая опыт решения задач определённого класса.

Специфика неравновесных состояний состоит в том, что они характерны только для ученика, а не для учителя.

Важным является положение об устойчивом и неустойчивом движении. «Если не вдаваться в детали, – пишет И. Пригожин, – то можно сказать, что устойчивыми динамическими системами называют такие, у которых небольшие изменения начальных условий порождают небольшие эффекты. Но у обширного класса динамических систем небольшие возмущения начальных условий со временем усиливаются [1, с. 32]. Каждый отдельный ученик является такой системой. Одно и то же педагогическое воздействие у различных учеников может дать (и даёт) совершенно различный эффект. В отдельных случаях этот эффект носит отставленный и длительный характер. В этом заключается индивидуальная реакция на педагогическое воздействие. В настоящее время этот эффект недостаточно осознан и изучен. Но важно знать о его существовании. Важно также знать, как этот эффект проявляется в условиях группового обучения. Другим следствием данного положения является вывод о том, что педагогические (и психологические) закономерности должны носить *статистический* характер: описание индивидуального поведения и учебной группы будут носить различный характер.

В описываемой ситуации важно отнести того или иного ученика к определённому типу реагирования на стандартное педагогическое воздействие – к реагированию по типу устойчивой или неустойчивой динамической системы.

«Почему для того, чтобы прийти к обобщению законов природы, включающему в себя необратимость и вероятность, потребовалось так много времени? – спрашивает И. Пригожин. Одна из причин носит идеологический характер – желание достичь в нашем описании природы квазибожественной точки зрения» [1, с. 38]. Другая причина заключалась в отсутствии адекватного математического аппарата в области функционального анализа.

В психологии и педагогике это проявилось в стремлении перейти к методу эксперимента по типу естественных наук, что сопровождалось резким снижением глубины проникновения в психологическую сущность поведения, уходом от наиболее сложных проблем психологии.

Важным методологическим фактором является положение, заключающееся в том, что, чтобы описать индивидуальную траекторию поведения, необходимо точно описать начальные условия. Но именно этого мы и не можем сделать (по крайней мере, сегодня). Поэтому мы и должны признать необходимость вероятностного описания последствий педагогических воздействий.

Математики, исследующие динамические системы, показали, что динамические системы в большинстве своем *не интегрируемы*. Главную роль в интеграции играет *существование резонансов между степенями свободы* [3]. Но «неинтегрируемость прокладывает путь к новой, *статистической* формулировке законов динамики» [1, с. 41].

Если мы теперь будем рассматривать наш мозг как динамическую систему, то можно поставить вопрос о том, что выступает интегратором в его деятельности при решении определённых задач. Можно предположить, что мозг как система в целом не интегрируется, а в каждой задаче объединяются статистические компоненты, причем у каждого индивида по-своему. А механизмом интеграции выступают мотивация и переживания. Это во многом проясняет механизм сознания. Неинтегрируемость открывает новый путь к объяснению динамики сознания. Повышая уровень мотивации и переживаний, мы увеличиваем пространство мыслей, вовлекаемых в решение проблемы.

Современная психология слабо отражает реальность, когда дело касается сложных систем, таких как личность, поведение, сознание и т. п. Это скорее построения авторов конкретных моделей, отражающих отдельные стороны реальности, но не поведение человека в различных ситуациях.

Концепции динамики личности исходят из того, что человек представлен как обратимая динамическая система, практически не изменяющаяся со временем. Но это не так, человек представляет собой необратимую динамическую систему, для которой характерна «стрела времени». В качестве компенсации предложены методы лонгитюда и поперечных срезов.

Но это грубая характеристика динамики развития. Выход из данной ситуации находится на пути внедрения вероятностных идей для описания поведения человека.

«Устойчивые системы, порождающие определённую, соответствующую только идеализациям, или аппроксимациям ... Никакая формулировка законов природы, не учитывающая конструктивную роль времени, не может считаться удовлетворённой» [1, с. 53–54].

Исследования в области поведения динамических систем показали, что на некотором расстоянии от равновесия система утрачивает устойчивость. «Точка, где происходит потеря устойчивости, называется точкой бифуркации. За точкой бифуркации начинается множество новых явлений», образование новых пространственно-временных образований, которые И. Пригожин назвал *диссипативными* структурами [1, с. 63].

Такие точки бифуркации наблюдаются и в развитии человека. Следствием бифуркаций может появиться новое решение. Эти точки выступают как точки креативности. Неустойчивое состояние субъекта, *состояние* поиска приемлемого решения, может породить новые мысли и новые решения. Особенно это относится к выбору новых видов поведения.

«Бифуркации – это проявление внутренней дифференциации между частями самой системы и системы и окружающей её средой» [1, с. 66]. Такая бифуркация может наблюдаться внутри функциональной системы нервной деятельности, образования новых связей в системе головного мозга, порождающих новые решения. Это следует из высказанного ранее положения об отсутствии всеобщей связи между элементами (нейронами и нейронными ансамблями) головного мозга. Важно подчеркнуть, что здесь мы имеем выход на механизм, объясняющий креативность. «Бифуркации можно считать источником диверсификации и инновации» [4]. В явлениях бифуркации заложен механизм самоорганизации. Именно на этой основе созданы превосходные механизмы адаптации живых существ и человека. «Природа действительно связана с созданием непредсказуемых новаций, где возможное богаче реального» [1, с. 68].

Важную роль в описании развития играет поток корреляций (динамика корреляций). С таким потоком корреляции мы сталкиваемся, когда изучаем развитие деятельности. Эта динамика корреляций отражает развитие деятельности со стороны внутренних условий [5]. Динамика корреляций отражает и статистическое описание развития.

Важную роль в педагогическом процессе играют процессы *диссеминаций*, когда в процессе общения и совместной деятельности психические качества одного участника отражаются (вливают) на изменение таких же качеств другого (других) участника совместной деятельности. В частности, в образовательном процессе мышление учителя влияет на мышле-

ние учеников и мышление каждого ученика влияет на мышление других (и мышление класса учеников в целом). К сожалению, эти явления остаются практически неизученными. Можно предположить, что креативность является не только качеством индивидуальности, но и качеством коллективного субъекта деятельности.

Необратимость в протекании динамических процессов приводит к *эффектам длительной памяти*. Это наглядно наблюдается в учебной деятельности. Но следует помнить, что при общей направленности на реализацию программы в процессе обучения всегда можно вернуться к изученному материалу за счет повторения, но при этом следует учитывать, какие изменения к этому времени произошли в ученике.

Описывая развитие науки как диалога человека с природой, И. Пригожин пишет: «Классический идеал науки – мир без времени, памяти и истории – напоминает тоталитарные кошмары, описанные Олдосом Хаксли, Миланом Кундерой и Джорджем Оруэллом» [1, с. 135]. Это полностью относится и к психологии, ведущим разделом которой должна стать психология развития. И нам следует гораздо больше внимания уделять не бытию, а становлению.

Рассмотрим теперь процесс понимания с другой стороны – со стороны *определённости – неопределённости* ситуации, в которой находится человек. В своей повседневной жизни человек стремится к определённости. Неопределённость порождает чувство тревоги, страха, которое отражается в определённых *эмоциональных* состояниях. Для изучения понимания в контексте педагогической ситуации мера *определённости – неопределённости* учебного материала является особо актуальным параметром [6].

Как отмечает Т. В. Корнилова, в настоящее время интенсивно развивается «новая область психологического знания – *психология неопределённости*» [7, с. 8]. В рамках данного направления «было поставлено много новых вопросов: каким образом риск проявляется в стратегиях принятия решений?; способствует ли он продуктивным решениям человека?; рационально ли поступает человек, идущий на риск?; связан ли поведенческий риск с бездумными действиями человека или с его необдуманном решением идти на риск?; как поступают более «умные» люди в ситуации рискованного выбора?; о каком уме в первую очередь нужно здесь говорить – о его житейском понимании, представленном в имплицитных теориях, или об изменениях, которые дают интеллектуальные тесты?; в какой степени в регуляцию мыслительной деятельности в условиях неопределённости и риска включаются мотивы и эмоции человека? [7, с. 8].

Большинство этих исследований проведено на модели принятия решения в условиях выбора в ситуации неопределённости. Как отмечает Т. В. Корнилова, «человек в условиях неопределённости не может

следовать сложившимся в индивидуальном опыте клише действий, выборов или решений; психологическая регуляция его активности необходимо включает в такой ситуации (как бы широко она ни понималась) предвосхищение, прогнозирование неизвестного, выдвижение гипотез и цели, а значит, *новообразования*, посредством которых совершается актуалгенез выбора. Области *решения проблем и принятия решений* предполагают разные аспекты проявления и изучения интеллектуально-личностного потенциала человека. С последней областью связывается представление о неопределённости оснований выбора, а не только множества возможных исходов [7, с. 9].

Нам представляется важным предложенное Т. В. Корниловой деление на решение проблем и принятие решений (ПР). В каждом из этих направлений проведено значительное количество исследований, опираясь на которые можно констатировать, что между выделенными проблемами существуют не только различия, но и много общего, так как решение проблем также предполагает принятие определённых решений.

В исследовании понимания на первое место выходит *решение проблемы понимания*. И рассматривается понимание как процесс достижения понимания в условиях неопределённости. Но понимание это не выбор, а *раскрытие сущности*, процесс же понимания выступает как снятие неопределённости, в которой скрыта сущность. Необходимо согласиться с утверждением Т. В. Корниловой, что при этом проявляются разные аспекты интеллектуально-личностного потенциала человека.

Исходя из того, что есть понимание, мы можем перейти к систематическому рассмотрению детерминант, обуславливающих процесс и результат понимания. Отталкиваясь от идеи о том, что понимание представляет собой разновидность деятельности, мы можем утверждать, что одной из главных детерминант является *результат деятельности*. Результат вначале представляет как цель. Отсюда следует, что для понимания важно задание цели деятельности ученика. И эта *цель*, в свою очередь, *должна быть понята*. Следовательно, в достижении понимания существенную роль играет цель, способ её задания и понимание цели. Таким образом, *цель деятельности* является следующей детерминантой процесса понимания.

Важной детерминантой понимания является определение *начальных условий* в деятельности и характеристик субъекта. Это связано с выяснением «зоны ближайшего развития» [8], когда учитель знает, как решать учебную задачу и что для этого необходимо, но этого не знает ученик. Именно с подготовкой ученика к усвоению нового содержания на основе актуализации данных, необходимых для решения задачи, и начинается освоение нового материала. Это начинается с выяснения того, *каким ресурсом рас-*

полагает ученик по отношению к цели урока. Важно знать, как ученик может пользоваться своим ресурсом. Второй важный аспект выяснения начальных условий – установление способов включения нового материала в содержание внутреннего мира. Этот этап также определяется ресурсом ученика, прежде всего содержанием его психики. Роль учителя заключается в помощи ученику установить связи старого и нового материала (подчеркнём, что мы не занимаемся проблемой решения учебной задачи, мы занимаемся проблемой понимания старого и нового).

К начальным условиям относится также мотивация деятельности и личностные качества, способствующие пониманию.

В проблеме мотивации важно учитывать, что ученик обладает природной мотивацией *к снятию неопределённости*.

К личностным качествам следует отнести прежде всего когнитивные способности, способности преодоления стресса (стрессоустойчивость), рефлексивность, волевые качества, навыки решения учебных задач. Из когнитивных способностей следует выделить память и мышление. Память включает в себя содержание психики, она играет особую роль в организации всей психической деятельности [9]. Память определяет содержание психики.

Мышление определяет процессуальную сторону понимания. Именно в процессах мышления достигается связь старого и нового. В совместной работе *мышления, памяти и переживаний достигается понимание*.

Для эмпирического исследования процесса понимания и его детерминант первоочередной задачей является выделение *признаков понимания* и соотнесение их с результатами понимания [10]. Тесно связанным с процессом понимания является определение понимания как способности. Способность к пониманию можно рассматривать как *метаспособность*, интегрирующую ряд познавательных способностей, как вид одарённости, обеспечивающей понимание (одарённость обычно связывают с конкретной деятельностью, в данном случае одарённость связана с универсальным видом деятельности – пониманием).

При изучении процесса понимания важно выяснить отношения между знаниями и пониманием и отношения процессов решения задачи (РЗ) принятия решения (ПР) и понимания учебного материала (ПУМ).

Знание – есть результат познавательной деятельности, заключающийся в выделении свойств предметов объективной реальности, и на этой основе выделения самих вещей в окружающем мире, установление законов и закономерностей происхождения и развития объектов объективного мира, включающих самого познающего, выяснение возможностей их использования в своей жизнедеятельности.

Понимание – это установление личностного смысла приобретаемого знания, уяснение происхождения и возможностей его практического использования.

Сопоставляя процессы ПР и РЗ, мы должны отметить, что в первом случае субъект деятельности располагает определённым количеством альтернатив решения проблемы и ему необходимо сделать выбор между ними; во втором случае он должен сам отыскать путь решения проблемы. Несомненно, что различия между принятием решения и решением задачи относительное. В каждом ПР имеются элементы решения задачи, и наоборот. Но все же различать их необходимо.

Понимание также присутствует и в ПР и в РЗ, но имеет свою сущность. Понимание заключается в том, что оно направлено на осмысление того, что получено в результате ПР и РЗ, на поиск личностного смысла результата в обоих случаях.

Учитель, как правило, знает, какие процедуры и операции необходимо использовать при решении задачи. Но нужно, чтобы их нашёл ученик, а учитель должен создать условия, которые помогут ученику найти эти процедуры и операции. В качестве такой помощи может выступить подсказка: как лучше разбить на части условия задачи, с какого пункта целесообразнее начать поиск решения (так как могут существовать причины, требующие приступить к решению именно с этого пункта), в какой последовательности по отношению к частям решать задачу, учитывая, что решение каждой частной задачи (подзадачи) расширяет информационную базу для решения других подзадач. Возможны случаи, когда следует приостановить решение частной задачи, которая решается с трудом, и вернуться к ней на более позднем этапе, после решения других подзадач. Здесь самое важное – использовать полученную информацию как оперативную базу для решения последующих задач. Если ученик не может решить задачу, учитель должен найти близкую ей, но более легкую.

Программу решения учебной задачи можно представить как цепь взаимосвязанных вероятностных суждений. Умение выстраивать такую цепь является не только одним из ведущих учебных умений, но и основой научной деятельности. Чем длиннее эта цепь, тем больше вероятность успеха найти нетривиальное решение. Примерами этого являются решения шахматных задач выдающимися гроссмейстерами.

Таким образом, переход на конструирование вероятностных моделей успешности понимания по принципу неустойчивых динамических систем может открыть новые возможности для его измерения. Понимание как преодоление неопределённости позволяет анализировать специфику понимания учеником нового материала, так как ученик в процессе обучения постоянно сталкивается с разрешением неопределённости. Бо-

лее того, ученик приходит в класс с уже имеющимся индивидуальным опытом, который индивидуализирует понимание. Для изучения понимания через метафору динамической системы в педагогическом контексте важны ранее рассмотренные феномены: точка бифуркации (как точка индивидуального творчества) и диссеминация (отражение психических качеств одного человека в другом).

Раскрытие неопределенности через понятие энтропии открывает возможности количественного измерения ее влияния на успешность понимания учебного материала, что, в свою очередь, приближает нас к созданию инструментов обучения с целью понимания.

Ссылки

1. Пригожин И. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. М.; Ижевск, 2000. 208 с.
2. Gell-Mann M. The Quark And The Jaguar. L.: Little, Brown, 1994. 392 p.
3. Пуанкаре А. Новые методы небесной механики // Избранные труды. М.: Наука, 1971. Т. 1. 771с.
4. Николис Г., Пригожин И. Познание сложности. М.: Мир, 1990. 334 с.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Москва: Питер, 1999. 720 с.
6. Кияткина А. Д. Неопределенность как мотивация учения и фактор понимания учебного материала. Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Ярославль: Филигрань, 2020. С. 398–401.
7. Корнилова Т. Б. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределённости и риска. СПб.: Нестор-История, 2016. 344с.
8. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
9. Бехтерева Н. П. Здоровый и больной мозг человека. Л.: Наука, 1980. 260 с.
12. Макарова К. В. Психология понимания. М.: Правда-Пресс, 2020. 166 с.

Psychological features of perception and understanding of the text by adolescents

L. G. Zhedunova¹, N. N. Posysoev²

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

²Institute of Education Development

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-444-451

Research article
Full text in Russian

The article deals with the problem of perception and understanding of the text by adolescents. The difficulties associated with partial perception and, accordingly, the inability to perceive the text in full are analyzed. The authors substantiate the expediency of the formation of the ability to decentrate in children based on the material of academic disciplines.

Keywords: text; decentration; subjective image; cognitive styles; categorical scales

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zhedunova, Lyudmila G. | E-mail: lzhedunova@mail.ru
| Doc. Sc. (Psychology), Professor

Posysoev, Nikolay N. | E-mail: ardat54@mail.ru
| Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Психологические особенности восприятия и понимания текста подростками

Л. Г. Жедунова¹, Н. Н. Посысоев²

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

²Институт развития образования

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-444-451
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается проблема восприятия и понимания текста подростками. Анализируются трудности, связанные с парциальным восприятием и, соответственно, неспособностью воспринимать текст в полном объеме. Авторы обосновывают целесообразность формирования способности к децентрации у детей на материале учебных дисциплин.

Ключевые слова: текст; децентрация; субъективный образ; когнитивные стили; категориальные шкалы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жедунова, Людмила Григорьевна	E-mail: lzhedunova@mail.ru Доктор психологических наук, профессор
Посысоев, Николай Николаевич	E-mail: sardat54@mail.ru Кандидат психологических наук, доцент

Анализ успешности понимания текста подростками по данным международных исследований показывает, что при достаточно высокоразвитой способности извлекать информацию у подростков недостаточно сформирована способность интегрировать и интерпретировать эту информацию [1]. Мы полагаем, что это обусловлено особенностями восприятия текста и прежде всего тем, что оно носит нецелостный, парциальный характер.

Текст (его восприятие и понимание) – междисциплинарный объект исследования. Это обусловлено как многогранностью, многофункциональностью самого текста, сложностью его структурно-уровневой организации, так и неоднозначностью и разнообразием психологических стратегий взаимодействия с ним. В зависимости от того, что является предметом изучения,

© Жедунова Л. Г., Посысоев Н. Н., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

внимание исследователей направлено либо на текст и его характеристики: целостность, членимость, завершенность, связность – содержательный аспект либо на особенности коммуникации автора текста и субъекта, контактирующего с ним – процессуальный аспект. В статье мы остановимся на исследовании психологических механизмов, обеспечивающих полноту восприятия текста.

В настоящее время исследования в области восприятия и понимания текста, особенно художественного, в большей степени акцентируют внимание на понимании текста. Е. Н. Зарецкая, в частности подчеркивает, что «текст – коммуникативная структура, которая предназначена для понимания» [2, с. 301], т. е. он должен быть понятен читающему. Без воспринимающего субъекта текста нет, есть только «тело текста» (2, с. 302). При этом процессы восприятия в большей степени рассматриваются как часть или этап понимания, что, на наш взгляд, вносит определённые ограничения в понимание психологических механизмов, лежащих в основе целостного и объемного понимания текста. В последнее время в отечественной психологической науке появился ряд исследовательских работ (Е. В. Левченко, 2000, 2003; Л. В. Ширинкина, 2003, 2004), в которых предложена трехкомпонентная модель восприятия текста, выделены стратегии восприятия и понимания, описана феноменология [3–5]. В исследованиях американских ученых восприятие и понимание текста осуществляется в контексте исследований подростковой грамотности (Е. Birr Moje, М. Overby, Nicole Tysvaer, and Karen Morris, 2008); в контексте формирования метадискурсивности подростков (D. Stockdill, Е. Moje, 2017). В фокусе внимания исследователей – мотивы чтения подростков, влияющие на особенности восприятия и понимания текста, а также средовые (социокультурные) факторы [6].

Таким образом, собственно перцептивные механизмы, обеспечивающие полноту и целостность восприятия текста в настоящее время недостаточно исследованы. В связи с этим актуальным остается вопрос, какие перцептивные способности целесообразно формировать у учащихся для повышения качества взаимодействия ребенка с текстом.

Первичный контакт читателя с текстом как с некоторой внешней по отношению к субъекту реальностью обеспечивается процессами восприятия (формированием субъективного образа текста). А. Н. Леонтьев полагал, что в восприятии, как и в любом психическом акте, человек воспроизводит мир в образе. Собственно «... проблема восприятия ставится как проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности» [7, с. 254]. Характеристики содержания этого образа, его ментальная репрезентация обеспечивают возможность адекватной ориентации в окружающей среде и в тексте.

По отношению к мышлению и пониманию восприятие является базовой функцией, и в этом отношении субъективный образ – это единственная реальность, с которой имеет дело субъект. Существенной характеристикой

образа является его полимодальный характер, то есть в его формировании участвуют все органы чувств. В соответствии с этим текст может быть предъявлен в разных модальностях (аудиальная, визуальная, кинестетическая). В исследованиях В. Ф. Петренко, посвященных семантическому анализу чувственного образа, образ рассматривается как своеобразное перцептивное высказывание о мире [8].

Репрезентация любого конкретного события становится возможной благодаря имеющемуся у субъекта образу мира. Образ мира генерирует познавательные гипотезы постоянно. Эти гипотезы превращают данные, полученные от органов чувств, в материал, из которого строится образ мира. В контексте исследования процесса речевосприятия А. А. Леонтьев предложил использовать понятие образ содержания текста, рассматриваемый как процесс понимания, взятый с его содержательной стороны [9]. Результаты исследований свидетельствуют о наличии выраженных стратегий чтения в зависимости от характера содержания [9].

В работах Д. А. Леонтьева обозначается взаимодействие трех факторов в ситуации контакта человека и искусства. Три фактора имеют отношение, собственно, к личности (ценностно-смысловая сфера, потребности и художественная компетентность), три – к произведению искусства (смысловое содержание, чувственная эстетическая структура и рекламно-информационная оболочка), три фактора характеризуют ситуацию (культурный фон, групповые нормы и конкретная ситуация взаимодействия) [10].

Образ мира зарождается и формируется в деятельности, а всякая деятельность оставляет в психике следы, интегрированные в субъективном опыте личности. Субъективный опыт имеет структурно-уровневую организацию и состоит, по мнению Е. Ю. Артемьевой из трех уровней. Первый, самый поверхностный, слой субъективного опыта, соотносимый с поверхностными структурами образа мира, – перцептивный мир. Элементы этого уровня модальны, и в этом отношении он к образу восприятия. Тем не менее перцептивный мир сложнее, так как близок регулируется системой значений и смыслов. Таким образом, функционирование этого слоя неотделимо от более глубоких слоев субъективного опыта.

Следующий слой субъективного опыта – семантический, в этом слое следы деятельности зафиксированы в виде многомерных отношений. Этот слой Е. Ю. Артемьева называет «картиной мира», рассматривая его как переходный между поверхностными и ядерными структурами образа мира [11]. О нем писал А. Н. Леонтьев: «...Мы можем говорить о системе отношений, о «целом», о специальном, самом глубоком измерении мира – пятом квазиизмерении, том смысловом поле, которое является одной из основных образующих амодального образа мира» [7, с. 256].

Самый глубокий слой субъективного опыта – слой амодальных структур – соотносим с ядерными структурами образа мира. Этот слой наиболее

статичен, его перестройка возможна лишь как результат действия, «сдвигающего» смыслы.

Если элементами первого уровня субъективного опыта являются образы объектов, то элементы второго и третьего уровней – образы отношения к объектам. Очевидно, что отношение к объектам формируется на основе системы общественно выработанных значений (семантики) и личностных смыслов, возникающих в процессе индивидуального опыта (индивидуальное значение значения – психосемантика).

Семантический уровень субъективного опыта содержит категориальные структуры, в рамках которых оценивается любое воспринимаемое событие. Их содержание составляют биполярные субъективные шкалы-конструкты, число и системная организация которых определяет простоту \ сложность познавательной сферы личности. Эти шкалы выполняют две функции одновременно: обобщение (установление сходства) и противопоставление (установление различия) в условиях оценки тех или иных объектов (прежде всего других людей и самого себя).

Исследуя психологические особенности смыслового восприятия текста, Д. Г. Артамонов подчеркивает: «... мир отражается в сознании, и изображение возвращается через литературу, иными словами, существуют аналогии между структурой бытия и структурой литературы» – далее там же – «у читателя его понимание произведения не превзойдет его понимания бытия» [12, с. 256]. Оба процесса осуществляются параллельно.

Мы полагаем, что широта и разветвленность системы категориальных шкал лежит в основе успешности понимания любого текста, так как обеспечивает множественность и вариативность оснований для дифференциации и интеграции воспринимаемой информации. С целью проверки этого предположения нами было проведено специальное пилотное исследование.

Цель исследования – выявление зависимости успешности понимания текста от степени выраженности стилевых характеристик познавательной сферы личности: полезависимости – полenezависимости, аналитичности – синтетичности. Выбор данных характеристик обусловлен следующим: мы полагаем, что полезависимость – полenezависимость позволяет определить степень контекстуальной включенности подростков при работе с текстом, аналитичность – синтетичность характеризует их умение выделять большее или меньшее количество оснований для дифференциации и классификации групп объектов при работе с информацией, содержащейся в тексте.

В исследовании приняли участие 30 подростков (14–15 лет), учащиеся общеобразовательных школ г. Ярославля. Испытуемым были предложены три задания.

Первое задание было направлено на исследование полезависимости – полenezависимости. Использовалась методика «Включенные фигуры» (Witkin, Oltman, Raskin, Karp, 1971) [13]. Второе задание использо-

валось для определения аналитичности – синтетичности. Суть методики состоит в сортировке карточек со словами на группы по самостоятельно выделяемым самим субъектом критериям. Третье задание было направлено на понимание текстов и выполнение к ним ряда заданий. Успешность понимания текстов оценивалось на основании степени сформированности трех компетенций:

Компетенция 1. «Способность интегрировать и интерпретировать информацию». Она включает:

- умение понимать чувства, мотивы, характеры героев,
- умение устанавливать связи между событиями или утверждениями (тезис – пример),
- умение понимать информацию, представленную в графической форме;

Компетенция 2. «Способность осмысливать и оценивать содержание и форму текста». Она включает:

- умение обнаруживать противоречия, содержащиеся в разных частях текста,
- умение понимать назначение структурной единицы текста.

Компетенция 3. «Способность использовать информацию из текста». Она включает:

- умение выявлять связь между прочитанным и современной реальностью.

Математическая обработка результатов осуществлялась с помощью корреляционного анализа с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Взаимосвязь успешности понимания текста и стилевых характеристик познавательной сферы личности

Компетенции	Полезависимость – Поленезависимость		Аналитичность – Синтетичность	
	rS	p	rS	p
Умение интегрировать и интерпретировать информацию	-0,63	0,042060	0,57	0,299744
Умение осмысливать и оценивать содержание и форму текста	-0,11	0,692281	0,27	0,300053
Умение использовать информацию из текста	-0,02	0,933977	0,07	0,783386
Успешность понимания текста	-0,61	0,049619	-0,03	0,91865

Как видно из таблицы, ведущая компетенция – умение интегрировать и интерпретировать информацию – отрицательно связана с полнезависимостью и положительно с аналитичностью. Иными словами, восприятие текста осуществляется под влиянием видимого поля и ориентировано в большей степени на различия, чем на сходство. Таким образом, способность к дифференциации информации, выбору нескольких оснований для дифференциации, а также высокая контекстуальная включенность обеспечивают успешность понимания текста.

На наш взгляд, в основе дифференциации и интеграции лежит способность к децентрации. Понятие децентрации – одно из ключевых в концепции генетической эпистемологии Ж. Пиаже, которое он ввел его для объяснения особенностей когнитивного и морального развития личности [14, 15]. Децентрация лежит в основе преодоления эгоцентризма, способности субъекта к принятию роли или взглядов другого человека, способности менять позицию наблюдения и рассматривать любую ситуацию с разных точек зрения, иными словами, вставать на позицию другого, видеть мир вариативно (сверху, снизу, слева, справа, плоско, объемно и т. п.).

Первично децентрация формируется благодаря детской активности в пространстве игровой деятельности. Влезть на дерево, забраться на крышу, спуститься в пещеру, глубокую яму, поплавать с маской под водой. В результате подобных игр ребенок начинает осознавать, что изменение его пространственного положения изменяет видимый мир, развивается способность к транспозиции позиции наблюдения. В более старшем возрасте на базе механизма децентрации формируется эмоциональный интеллект, определяющий успешность распознавания и идентификации своих и чужих переживаний. Это помогает ему лучше понимать себя и выстраивать дифференцированные отношения с осознанием собственных границ. В процессе школьного обучения механизм децентрации может быть сформирован или доформирован на любых уроках, на разном материале [16]. На физкультуре – через телесность, на естественных науках – через понимание неоднозначности и многообразия явлений природы, на уроках словесности – через вариативность трактовок одного и того же произведения, возможность пережить то или иное событие с позиции разных персонажей.

Таким образом, создание ситуаций, мотивирующих на изучение курсов разных областей знания, интегрирование их в свой личный опыт, приводит к изменению представлений ребенка об абсолютности своего положения в мире вещей и людей, способствует расширению категориальной структуры сознания и, соответственно, успешности восприятия текста.

Ссылки

1. PISA 2018 Assessment and Analytical Framework. Paris: OECD Publishing, 2019. 308 p.

2. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 2002. 480 с.
3. Левченко Е. В. Перспективы современных исследований восприятия // Творчество в образовании, культуре, искусстве. Пермь: ПГИИК. 2000. С. 99–101.
4. Левченко Е. В., Ширинкина Л. В. Восприятие текста как психологическая проблема // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. Пермь, 2003. Вып. 6. С. 32–48.
5. Ширинкина Л. В. Восприятие текста как психологический феномен. Пермь, 2004. 250 с.
6. Stockdill D, Moje E. B. Adolescents as readers of culture, history, economics, and civics: The disconnect between student interest in their world and social studies schooling. Ann Arbor: University of Michigan; 2017. 36 p.
7. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–14.
8. Петренко В. Ф. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность. М., 1976. С. 268–292.
9. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003. 287 с.
10. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2003. 487 с.
11. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука – Смысл, 1999. 350 с.
12. Артамонов Д. Г. Психологические особенности процесса смыслового восприятия текста // Северо-Кавказский психологический вестник. 2013. № 11(4). С. 15–18.
13. Role of the field-dependent and field-independent cognitive styles in academic evolution: A longitudinal study / H. A. Witkin [et all.] // Journal of Educational Psychology. 1977. № 69 (3). P. 197–211.
14. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. СПб.: Питер, 2004. 160 с.
15. Пиаже Ж. Психология интеллекта. Питер, 2003. 192 с.
16. Жедунова Л. Г., Посысов Н. Н. Исследование когнитивной сферы воспитанников детских домов // Ярославский педагогический вестник. 1999. № 1 (19). С. 114–121.

Objective degree of freedom in activity as the factor of professional talent formation

T. N. Soboleva¹

¹Far Eastern State Transport University

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-452-463

Research article
Full text in Russian

This article is devoted to the poorly studied problem of the objective degree of freedom in activity as the factor of professional talent formation. The study was carried out on a sample of 108 qualified railway drivers using a professional simulator that allows to simulate three degrees of freedom in activity. On the basis of empirical data it is shown that the degree of freedom in activity is manifested in individual productivity. The structures of professional talent, different in composition and degree of integration, are formed depending on the objective degree of freedom in activity.

Keywords: activity; freedom; normative mode of action; professional talent; subject of activity

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Soboleva, Tatyana N. | E-mail: lzhedunova@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Объективная степень свободы в деятельности как фактор формирования профессиональной одарённости

Т. Н. Соболева¹

¹Дальневосточный государственный университет путей сообщения

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-452-463
УДК 159.98

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена малоизученной проблеме объективной степени свободы в деятельности как фактору формирования профессиональной одарённости. Исследование проводилось на выборке из 108 квалифицированных машинистов железнодорожного транспорта с использованием профессионального тренажера, позволяющего имитировать три степени свободы в деятельности. На основе эмпирических данных показано, что степень свободы в деятельности определяет индивидуальную результативность деятельности. В зависимости от объективной степени свободы в деятельности формируются различные по составу и мере интеграции структуры профессиональной одарённости.

Ключевые слова: деятельность; свобода; нормативный способ действия; профессиональная одарённость; субъект деятельности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соболева, Татьяна Николаевна | E-mail: t.n.s.25vivat@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Объективная степень свободы в деятельности как фактор формирования профессиональной одарённости представляется малоизученной проблемой. Сложность данной проблемы в психологической науке определяется тем, что нет исследований, которые бы ясно давали конкретное определение свободы в профессиональной деятельности. Эта проблема усложняется еще тем, что нет разработок, которые были бы посвящены выявлению различной степени свободы в профессиональной деятельности. Вместе с этим любая деятельность характеризуется объективной неопределённостью, обусловленной различной степенью сложности тре-

© Соболева Т. Н., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

бований. Работы К. А. Абульхановой, А. В. Карпова, В. Д. Шадрикова свидетельствуют о том, что требования деятельности способствуют формированию системы индивидуальных качеств, способностей и одарённости субъекта при сохранении общего, базового ядра личности [1–3]. Однако вопрос о том, как будут изменяться внутренние условия субъекта, каким образом они будут проявляться, структурироваться под влиянием конкретных требований деятельности, недостаточно изучен, такого материала крайне мало.

Б. М. Теплов в 1941 г. первым обозначил проблему понимания одарённости как качественную. По его мнению, одарённость следует рассматривать как качественно своеобразное сочетание способностей. Современными психологами, к сожалению, не уделяется должного внимания положению Б. М. Теплова и оно практически не разрабатывается [4].

Имеется парадокс: при широчайшем использовании понятия одарённости вопрос о её сущности, конкретном составе и механизмах формирования и развития остается открытым. В современной психологической науке одарённость является неоднозначным, наполненным различным содержанием понятием. В. Д. Шадриков, развивая подход к одарённости Б. М. Теплова, определяет её как системное взаимодействие способностей, направленное на получение желательного результата, выступающее как качественное новообразование субъекта деятельности, имеющее индивидуальную меру выраженности и развивающееся в деятельности и жизнедеятельности [4–5].

Учитывая позицию В. Д. Шадрикова [5], опираясь на словарные толкования свободы, а также на теоретические представления С. Л. Рубинштейна о свободе в деятельности [6], мы придерживаемся следующего определения: *свобода в профессиональной деятельности* – это отношение субъекта к объективной неопределённости условий и требований деятельности, которое определяется целями, мотивами, профессионально важными качествами субъекта деятельности и проявляется в выборе адекватного способа действия.

На основе понятия свободы в профессиональной деятельности мы определяем *степень свободы в профессиональной деятельности* – это условия объективной неопределённости требований деятельности, когда субъект имеет возможность реализовать инициативу в аспекте репродуктивной или продуктивной активности, которая определяется его отношением к этой неопределённости и направлена на выбор пригодного способа действия. Выбор способа действия осуществляется субъектом с ориентацией на основные показатели нормативного результата деятельности.

Нами разработана характеристика трёх степеней свободы в профессиональной деятельности, в основе которых лежит нормативно одобренный способ действия.

Низкая степень свободы в деятельности характеризуется нормативными параметрами деятельности, когда у субъекта знания способов действия согласуются с условиями и требованиями и имеется чёткое представление о нормативных способах действия, прописанных в инструкциях. Задача деятельности для субъекта состоит в поддержании и сохранении нормативных требований. Субъект реализует репродуктивную активность в рамках нормативности и несёт ответственность за соблюдение нормативного способа деятельности.

Средняя степень свободы в деятельности характеризуется сочетанием таких нормативных и ненормативных параметров деятельности, когда знания способов действия у субъекта не согласуются с условиями и требованиями, но имеются в распоряжении отдельные нормативные способы, комбинация из которых даёт возможность решить проблему. Основная задача состоит в ликвидации отклонений от нормативности в деятельности. Субъект реализует продуктивную активность. В этом случае его инициативные действия выходят за рамки нормативности и включают элементы творчества. В связи с этим мера ответственности повышается, поскольку имеется риск того, что «свой» способ действия может привести к нарушению требований технической безопасности.

Высокая степень свободы в деятельности характеризуется ненормативными параметрами деятельности, при которых субъекту неизвестен способ действия, поскольку таких ситуаций нет в личном опыте и они не предусмотрены инструкциями, тогда ему приходится открывать новый способ. В этом случае основная задача деятельности состоит в ликвидации ненормативных параметров деятельности. Субъект реализует продуктивную активность, выходящую за рамки нормативности, поскольку его инициативные действия направлены на существенное переструктурирование нормативного способа действия. В этом случае субъект проявляет творческий подход к выполнению своих профессиональных обязанностей, но мера ответственности существенно повышается, поскольку высока цена ошибки.

Мы предполагаем, что объективная степень свободы в деятельности может выступать детерминантой, определяющей формирование качественно-своеобразных структур профессиональной одарённости, которые обеспечивают индивидуальную успешность результата деятельности.

Организация исследования и методы

В эмпирическом исследовании приняли участие 108 квалифицированных машинистов железнодорожного транспорта, которые были разделены на три группы по 36 человек: первую группу составили машинисты, реализующие поездку на тренажере в условиях низкой степени свободы в деятельности; вторую группу – машинисты, осуществляющие ту же деятельность в условиях средней степени свободы; третью группу – маши-

нисты, осуществляющие ту же деятельность в условиях высокой степени свободы.

Все группы равноценны по следующим критериям: возрасту, образованию, стажу, классу, наставничеству в течение года, экспертности в течение года, участию в выявлении проектно-конструкторских недостатков при эксплуатации новой техники в течение 5 лет, участию в проектно-конструкторских разработках новой техники в течение 5 лет.

Исследование было проведено в три этапа. *На первом этапе* был осуществлен психологический анализ деятельности машиниста, в результате которого выявлен состав профессиональной одаренности, включающий семь наименований способностей. В таблице 1 представлен перечень способностей и методики их диагностики.

Таблица 1

Состав профессиональной одарённости и методики её оценки

Состав профессиональной одаренности	Методики диагностики
1. Общие способности координации движений тела	Компьютерный стабิโลграфический метод с биологически обратной связью «Стабилан-01» (ЗАО «ОКБ "Ритм"», г. Таганрог): тест со ступенчатым отклонением в одном направлении с удержанием позы (разработчик – С. С. Слива и др., 2001)
2. Специальные способности координации движений тела	Компьютерный стабิโลграфический метод с биологически обратной связью «Стабилан-01» (ЗАО «ОКБ "Ритм"», г. Таганрог): тест на оценку запаса устойчивости человека при отклонении вперед – назад, вправо – влево (разработчик – С. С. Слива и др., 2001)
3. Способности сенсомоторной реакции рук и глаз	Аппаратурная методика оценки времени сложной двигательной реакции рук и глаз (авторское право принадлежит компании ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
4. Способности переключения внимания	Аппаратурная методика определения скорости переключения внимания на красно-черных таблицах Шульте-Платонова (авторское право принадлежит ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
5. Способности устойчивости внимания	Аппаратурная методика определения устойчивости внимания (авторское право принадлежит ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
6. Способности мышления на уровне технического понимания	Тест «Механика» (разработан Дж. Фланаганом и адаптирован В. А. Чикер, 2003)
7. Способности мышления на уровне реконструкции технического образа	Тест «Сборка» (разработан Дж. Фланаганом и адаптирован В. А. Чикер, 2003)

На втором этапе осуществлялась диагностика результата деятельности под влиянием низкой, средней и высокой степени свободы на компью-

терных тренажерных комплексах «Торвест-Видео» в моделях: «ВЛС-80», «Ярмак» (разработаны и изготовленные в ЗАО научно-производственном центре «СПЕКТР» г. Екатеринбурга, 2003). Исследование испытуемых проводилось индивидуально.

Согласно выявленным трём способам действия в условиях низкой, средней и высокой степени свободы, были разработаны и задавались конкретные технические параметры на компьютерных тренажерных комплексах, представленных в таблице 2.

Таблица 2

Технические характеристики низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности на компьютерном тренажерном комплексе¹

Критерии	Низкая степень свободы в деятельности	Средняя степень свободы в деятельности	Высокая степень свободы в деятельности
1. Профиль пути 24 км: спуски и подъемы, кривые	Уклоны от 0,0 до 4 ‰ Нет кривых	Уклоны от 0,0 до 7 ‰ Кривая большого радиуса	Уклоны от 0,0 до 12 ‰ Кривая малого радиуса
2. Условия деятельности	Встречный, порывистый ветер до 12 м/с на участке протяжённостью 300 м	Плановые ремонтные работы на конкретном участке пути протяжённостью 300 м	Неожиданное постепенное прибывание сточных вод и погружение рельсов под воду на участке протяжённостью 300 м
3. Способ деятельности	Нормативный способ действия	Комбинирование нормативных способов действия	Переструктурирование нормативных способов действия
4. Тип ситуации неисправности	При ведении электропоезда загорается сигнальная лампа ЗБ (зарядка батарей), нет зарядки аккумуляторных батарей	При ведении электропоезда прекратилась работа вспомогательных машин	При ведении электропоезда происходит отключение главного выключателя в обеих секциях

На третьем этапе осуществлялась диагностика структуры одарённости, (см. описание первого этапа). Индивидуальное обследование квалифицированных машинистов включало 7 методик и проводилось сразу после выполнения задания на тренажере.

¹ Ситуации неисправности под влиянием высокой степени свободы в деятельности подбирались на основе малой вероятности характерных причин неисправности и редкости их встречаемости в работе машиниста; ‰ – знак, обозначающий промилле, уклон железнодорожного пути. Тип локомотива и подвижного состава задавался одинаковый для трёх степеней свободы.

Математическая обработка данных проводилась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, поскольку подавляющее большинство данных, полученных в эмпирическом исследовании, нормально не распределено. Различия между тремя независимыми выборками в показателях результативности деятельности на тренажере определялись с помощью непараметрического критерия Крускала – Уолеса. При обработке данных использовался пакет статистических программ – SPSS Statistica версия 17.0. Наряду с этим применялись оригинальные разработки В. Д. Шадрикова, А. В. Карпова, предложенные для оценки характера структурной организации системы в рамках структурно-функционального подхода, метод оценки индекса когерентности (интегрированности) системы и метод «экспресс- χ^2 » для определения гомогенности–гетерогенности матриц интеркорреляций.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим результативность деятельности в условиях различной степени свободы. Из приведенных данных в таблице 3 следует, что успешность деятельности по преимущественному числу показателей отчетливо различается в группах, выполняющих деятельность в условиях различной степени свободы. Однако мера изменения уровня управления автотормозами в зависимости от различной степени свободы в деятельности близка к статистически значимой ($N = 5,686$).

Когда субъект оказывается в условиях повышенной неопределённости, тогда нормативный способ действия сдерживает и сковывает его продуктивную активность. Это начинает проявляться в снижении показателей результата деятельности. Чем выше степень свободы субъекта, тем ниже результативность продолжительности поездки и времени устранения ситуации неисправности, тем больше случаев нарушения безопасности движения поезда, но выше качественный уровень управления автотормозами. В ходе выполнения деятельности испытуемый осознаёт, что нормативного способа действия недостаточно и, более того, такой способ оказывается вообще непригодным к решению нестандартной проблемы; тогда субъект принимает решение и пытается разработать пригодный, новый, способ действия. В результате степень субъективной оценки нормативного способа действия снижается, а степень субъективной оценки скомбинированного способа и нового способа действия повышается с ростом степени свободы субъекта в деятельности (табл. 3).

Полученные индивидуальные показатели результата деятельности позволяют нам рассматривать низкую, среднюю и высокую степень свободы как объективные причины различий успешности в деятельности. Учитывая, что результативность есть функция сформированной системы профессиональной одарённости, можно сказать, что различная степень

свободы в деятельности может рассматриваться как объективная внешняя детерминанта формирования профессиональной одарённости.

Таблица 3

Различия показателей результата деятельности в зависимости от степени свободы субъекта²

Степень свободы в деятельности		Низкая степень свободы в деятельности		Средняя степень свободы в деятельности		Высокая степень свободы в деятельности		Нэмп – Крускала – Уоллеса
Показатели результата деятельности на компьютерном тренажёре		Первая группа, n = 36		Вторая группа, n = 36		Третья группа, n = 36		
		Хср	σ	Хср	σ	Хср	σ	
1. Продолжительность поездки, с		2635	481,59	4909,94	1442,35	6122,80	1211,81	67,821
2. Время устранения ситуации неисправности, с		304,13	145,17	482,80	178,97	648,36	175,48	46,885
3. Количество нарушений безопасности движения поезда		2,02	1,61	2,63	2,39	4,08	2,89	10,365
4. Уровень управления автотормозами, баллы		2,58	0,55	2,44	0,69	2,77	0,48	5,686
Субъективная оценка	нормативного способа действия, баллы	23,44	3,64	18,86	4,18	14,66	3,84	50,411
	скомбинированного способа действия, баллы	19,63	3,09	22,80	4,83	20,38	3,77	10,245
	нового способа действия, баллы	16,08	3,90	16,08	7,24	25,36	2,68	48,437

ИКС – индекс когерентности системы; ОСКДТ – общие способности координации движений тела; ССКДТ – специальные способности координации движений тела; ССРР – способности сенсомоторной реакции руки и глаз; СПВ – способности переключения внимания; СУВ – способности устойчивости внимания; СМТП – способности мышления на уровне технического понимания; СМРТО – способности мышления на уровне реконструкции технических образов. Затемнённый кружок указывает на базо-

² *Примечание.* Жирным шрифтом выделены эмпирические значения $H_{эмп}$ – Крускала – Уоллеса, попавшие в зону значимости. Критерий Крускала – Уоллеса: $H_{кр} = 5,991$ для $p \leq 0,05$; $H_{кр} = 9,210$ для $p \leq 0,01$ при $v = 2$.

вую способность. Широкая стрелка от способности указывает на то, что она является ведущей в системе одарённости.

На рисунке 1 видно, что формируются различные структуры профессиональной одарённости в зависимости от свободы выбора способа действия субъектом. Самый высокий индекс когерентности (интеграции) системы одарённости сформирован в условиях высокой степени свободы в деятельности, когда субъектом разрабатывается новый способ действия. С небольшим отрывом следует система одарённости, сформированная в условиях средней степени свободы в деятельности. Самый низкий индекс когерентности системы одарённости получен в условиях низкой степени свободы в деятельности, когда субъектом воспроизводится и реализуется нормативный способ действия. Кроме того, в условиях низкой степени свободы в деятельности из системы одарённости выпали общие способности координации движений тела.

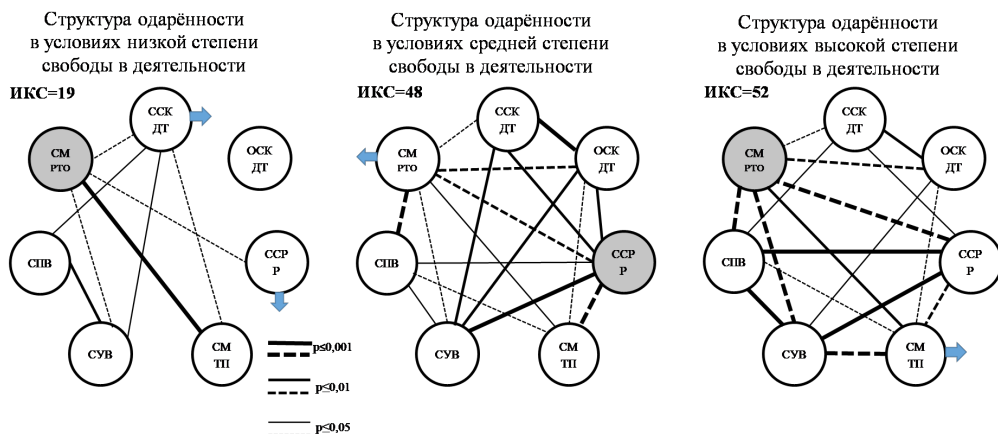

Рисунок 1. Структуры профессиональной одарённости в условиях различной степени свободы в деятельности

Применение метода «экспресс- χ^2 » позволило установить абсолютную гетерогенность трёх структур профессиональной одарённости: между низкой и средней степенью свободы $\chi^2_{\text{эмп}} = 0,10$; между низкой и высокой степенью свободы $\chi^2_{\text{эмп}} = 0,32$; между средней и высокой степенью свободы $\chi^2_{\text{эмп}} = 0,46$. Полученные коэффициенты не имеют статистической значимости на уровнях достоверности: $p = 0,05$, $\chi^2_{\text{крит}} = 0,78$; $p = 0,01$, $\chi^2_{\text{крит}} = 0,94$ для $n = 7$.

Структура связей в системе профессиональной одарённости с точки зрения её представленности в отношении условий низкой, средней и высокой степени свободы имеет следующие характерные особенности:

- 1) индивидуальные положительные связи в структурах;

- 2) индивидуальные отрицательные связи в структурах;
- 3) сходные положительные связи, но различной меры тесноты;
- 4) сходные отрицательные связи, но различной меры тесноты (рис. 1).

Таким образом, различен характер корреляционных связей в структурах одарённости в условиях различной степени свободы в деятельности.

Наряду с положительными корреляционными связями в структуре одарённости имеются и отрицательные корреляционные связи (рис. 1). Это можно объяснить тем, что в структуре одарённости есть способности с высокой мерой проявления на фоне достаточного (оптимального) уровня проявления других способностей в условиях различной степени свободы в деятельности. Оптимальная мера проявления способностей оказывается неодинаковой в условиях низкой, средней и высокой степени свободы, что проявляется в образовании отрицательных связей. Степень свободы в деятельности определяет как линейный, так и нелинейный характер взаимодействия между способностями в системе одарённости, что обусловлено линейными и нелинейными изменениями параметров технической системы, управляемой субъектом. Данные описания согласуются с работами Дж. Найт, С. А. Bennet, Е. С. Wortz, А. С. McTee, W. F. Swartz о линейных и нелинейных изменениях в системе взаимодействия оператора и технического объекта [7–9]. Нелинейность взаимодействия способностей в системе профессиональной одарённости растёт с повышением степени свободы в деятельности. Можно отметить, что система профессиональной одарённости формируется и перестраивается под влиянием различной степени свободы в деятельности.

В структурах профессиональной одарённости имеются различные базовые способности, которые играют интегрирующую роль, а также могут способствовать установлению компенсаторных функциональных связей между способностями в структуре. Однако в условиях низкой и высокой степени свободы в деятельности одни и те же способности мышления на уровне реконструкции технического образа проявились в качестве базовых. Возможно, субъект проявляет творческий подход в способах работы не только в условиях высокой степени свободы, но и в условиях низкой степени свободы в деятельности, что приводит к актуализации способностей мышления на уровне реконструкции технического образа, обеспечивающих мысленную реконструкцию определённого участка схемы электроцепи, где произошла проблема (сбой, замыкание и т. п.). Данные базовые способности интегрируют всю структуру способностей для решения технической неисправности и приводят к взаимодействию способностей и других психологических качеств по принципу нелинейности. В структурах профессиональной одарённости имеются различные ведущие способности, которые непосредственно оказывают влияние на показа-

тели результата деятельности и субъективной оценки способов действия в условиях различной степени свободы (рис. 1).

Выводы

Неотъемлемой сутью формирования профессиональной одарённости выступает включённость её в функциональную систему профессиональной деятельности. Степень объективной свободы в профессиональной деятельности выступает в качестве одного из важнейшего фактора формирования профессиональной одарённости.

В условиях низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности формируются различные структуры профессиональной одарённости. Эти различия проявляются: в неодинаковом составе способностей; в различных корреляционных связях между способностями; в индивидуальном индексе когерентности системы одарённости; смене базовых и ведущих способностей. Полученные данные доказывают, что чем выше степень свободы в деятельности, тем более целостной, с более высокой мерой интеграции формируется система профессиональной одарённости. Функциональные возможности профессиональной одарённости определяются объективной степенью свободы в деятельности.

Степень свободы субъекта по-разному влияет на показатели результата деятельности. При этом каждый показатель результата деятельности и субъективной оценки способа действия реализуется своей подсистемой способностей. Установлено, что чем выше объективная неопределённость условий и требований деятельности, тем большей свободой выбора способа действия обладает субъект и тем больше ответственности он берёт на себя в принятии решений.

В целом отметим, что свобода в профессиональной деятельности выступает как проявление субъектности, характеризующейся свободой творчества в деятельности. В личной свободе проявляется индивидуальный подход субъекта к требованиям деятельности, его репродуктивная или продуктивная активность в выборе способа действия. Одним из механизмов реализации свободного выбора субъектом выступает профессиональная одарённость.

Ссылки

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. 224 с.
2. Карпов А. В. Психология деятельности: Качественная гетерогенность организации: монография: в 5 т. М.: Российская академия образования, 2015. Т. 5. 470 с.
3. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. М.: Институт психологии РАН, 2013. 464 с.

4. Теплов Б. М. Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Способности и одаренность. М.: Педагогика, 1985. 328 с.
5. Шадриков В. Д. Способности и одарённость человека. М.: Институт психологии РАН, 2019. 274 с.
6. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 385 с.
7. Найт Дж. Ручное управление и слежение. Человеческий фактор: в 6 т. Т. 1: Эргономика – комплексная научно-техническая дисциплина: пер. с англ. / Ж. Кристенсен, Д. Мейстер [и др.]. М.: Мир, 1991. 485 с.
8. Bennet C. A. Sampled-data tracking: Sampling of the operator's output // Journal of Experimental Psychology. 1956. № 51. P. 429–438.
9. Wortz E. C., McTee A. C., Swartz W. F. Effects of control-display displacement functions on pursuit and compensatory tracking // Aerospace Medicine. 1965. № 36. P. 1042–1047.

Civil identity as the basis of resistance to the negative informational and psychological impact in the context of constitutional reform

E. A. Drogavtseva¹, V. Y. Kurdyukova¹

¹Saint-Petersburg University of the MIA of Russia, 1 Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-464-468

Research article
Full text in Russian

The relevance of the study is due to the need of rethinking the role and significance of civil identity for a person, a citizen and for civil society in modern Russia, taking into account the latest changes in the Constitution of the Russian Federation. The authors carried out a comprehensive analysis of the essence of the phenomenon under consideration from the point of view of the science of Constitutional Law and Legal Psychology, which is caused by the increased demand for interdisciplinary scientific works.

Keywords: citizenship; citizenship; destructive impact; identity; constitutional reform; patriotism; psychological stability; internal affairs officer

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Drogavtseva, Ekaterina A. | E-mail: ekaterina-rhcp@mail.ru
Postgraduate

Kurdyukova, Victoria Y.. | E-mail: emcat39@mail.ru
Postgraduate

Гражданская идентичность как основа устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию в условиях конституционной реформы

Е. А. Дрогавцева¹, В. Ю. Курдюкова¹

¹Санкт-Петербургский университет МВД России, ул. Летчика Пилютова, 1, Санкт-Петербург, 198206, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-3-464-468
УДК 159.9 + 342.71

Научная статья
Полный текст на русском языке

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли и значения гражданской идентичности для человека, гражданина и для гражданского общества в современной России с учетом последних изменений Конституции Российской Федерации. Авторами осуществлен комплексный анализ сущности рассматриваемого феномена с точки зрения науки конституционного права и юридической психологии, что вызвано повышением степени востребованности междисциплинарных научных работ.

Ключевые слова: гражданство; гражданственность; информационно-психологическое воздействие; деструктивное воздействие; идентичность; конституционная реформа; патриотизм; психологическая устойчивость; сотрудник органов внутренних дел

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дрогавцева, Екатерина Александровна | E-mail: ekaterina-rhcp@mail.ru
Адъюнкт

Курдюкова, Виктория Юрьевна | E-mail: emcat39@mail.ru
Адъюнкт

В сложносоставной категории «гражданство» можно выделить несколько аспектов: юридический, социальный, морально-нравственный и психологический [1, с. 274–275]. Представляется возможным выделить указанные элементы и в структуре такого взаимосвязанного с гражданством понятия, как «гражданская идентичность».

Одной из основных проблематик гражданства является проблематика исключения, так как условием существования самого этого института является наличие антипода – лиц, не состоящих в гражданстве конкретного государства [2, с. 9]. В свою очередь, идентичность подразумевает определенность, что по своей сути обуславливает конкретный выбор и исключение сомнительного. Таким образом, гражданство и гражданская идентичность имеют общий характер исключительности, особенно-

© Дрогавцева Е. А., Курдюкова В. Ю., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

сти, выражения предпочтения. Однако ввиду того, что в настоящее время исследованиям идентичности посвящены работы ученых почти во всех областях гуманитарного знания, помимо расширения пояснительного потенциала самого концепта идентичности, возникают противоречия и неопределенность в интерпретации его содержания [3, с. 7]. Методологическую основу работы составили диалектико-материалистические, общенаучные (исторический, системный, аналитический) и специальные (формально-юридический, социологический, комплексный) методы правовых и психологических исследований.

Рассмотрим исторический (историко-политический и социальный) аспект проблемы. Истоком формирования российской идентичности послужил распад СССР [4, с. 37]. В связи с распадом единого государства население пребывало в состоянии идентификационной неопределенности. С одной стороны, было упразднено советское гражданство как юридическая и международно-правовая категория и, как следствие, с другой стороны, Советский Союз не только исчез с политической карты мира, но и утратил очертания в виде государственных границ Родины для населения.

Конституционная реформа 2020 года не только затронула сферу публичной власти, впервые законодательно закрепив данную категорию, объединившую в себе «основы конституционного строя (как устоев государства и общества) и органов (организации) публичной власти» [5, с. 10], но и коснулась духовно-нравственной, моральной стороны функционирования российского гражданского общества. В тексте «обновленной» Конституции Российской Федерации появились такие понятия, как патриотизм, гражданственность, историческая правда, идеалы, вера в Бога. Тем самым морально-нравственные чувства были перенесены законодателем на юридическую, конституционно-регулирующую почву [6, с. 16].

Вопрос о целесообразности конституционного регулирования данной сферы жизни общества и отдельного человека, гражданина своей страны, дискуссионный. Однако если придерживаться точки зрения Аристотеля, согласно которой, несмотря на различия граждан, их гражданская добродетель обусловлена общей задачей, заключающейся в спасении составляемого ими государственного строя [7, с. 107], рассматриваемые поправки российской Конституции служат объединяющим ориентиром в решении поставленного еще в античности, но актуального и в наши дни вопроса.

Анализируемые изменения нашли свое законодательное отражение в статье 67.1 Конституции Российской Федерации [8]. Следует акцентировать внимание на том, что основу данной статьи составляет положение, согласно которому Российская Федерация – правопреемник Союза ССР. Возвращаясь к истокам гражданской идентичности в России, а именно к распаду Советского Союза, полагаем отметить важность конституционного закрепления правопреемства Российской Федерации не только как фактора, способствующего «правовой гармонизации постсоветского пространства» [9, с. 40], но и как стимула, укрепляющего осознание гражданской идентичности.

В представлении большинства лиц, рожденных до 26 декабря 1991 года, Родиной остается именно Советский Союз, а не Россия, Украина, Таджикистан, т. е. не конкретное бывшее союзное государство. Таким образом, законодатель сделал шаг по направлению к минимизации шокирующих для «поколения рожденных в СССР» последствий, касающихся утраты осознания идентичности со своим государством. Вместе с тем это, несомненно, будет способствовать минимизации последствий, на-

растающих в информационно-коммуникативной среде националистских, экстремистских и ксенофобных настроений.

На основании изложенного, акцентируя внимание на ключевом значении поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, считаем возможным сформулировать определение гражданственности как конституционно-правового явления.

Гражданственность – это обладающая собирательным значением конституционно-правовая идея, основу которой составляет необходимый для полноценного функционирования всех институтов гражданского общества генезис политической культуры, предполагающей наличие у гражданина развитых духовно-нравственных качеств и устойчивой системы моральных ценностей, способствующих формированию высокого уровня правосознания, осознанию своей гражданской идентичности. При этом необходимо отметить, что в связи с индивидуализированностью и большой степенью абстрактности выражения любви к Родине каждым человеком и гражданином понятию патриотизм невозможно дать четкую правовую характеристику или искусственно его спроектировать. Конституционно-правовой оценке, с нашей точки зрения, может подлежать только понятие гражданственности, так как оно более лояльно при употреблении в научном обороте. Кроме того, с позиции психологии основу патриотизма составляет потребность в принадлежности к группе. Трансформирование инстинкта в созидательное патриотическое чувство основано на восприятии и осознании человеком высоких моральных принципов, содержание которых имеет индивидуализированный характер, вследствие чего патриотизм не может выступать объектом нормативного регулирования. Вместе с тем нельзя не отметить, что крайние формы патриотизма (например, аффективный, националистический) могут приобретать форму катализатора для негативного информационно-психологического воздействия, выражение которого уже запрещено законом (например, все виды пропаганды дискриминации по какому-либо признаку). Таким образом, четко прослеживаются области соприкосновения юридической психологии и юриспруденции. Степень свободы человека ограничена узкими рамками дозволенного [10, с. 101], которые установлены правовыми нормами, в том числе и нормами конституционного права.

Можно сделать вывод, что в настоящее время в условиях переломного реформирования фундаментальных основ российского законодательства приоритетным направлением для России, наряду с упрочением позиций гражданской идентичности, является осознание конституционной идентичности для каждого российского гражданина и в особенности, для сотрудников органов внутренних дел как форпоста в защите и поддержании основ государственности. [11].

По мнению Н. В. Исаевой, в субъективном значении по отношению к человеку конституционная идентичность формируется «на основе ценностного и интеллектуально-волевого восприятия национальной Конституции, как основы самопознания, саморегуляции и самореализации личности» [12, с. 153]. Конституционная идентичность может служить основой психологической устойчивости в условиях масштабного информационно-психологического воздействия.

Только при адекватном восприятии и осознании значения конституционно-правовых ценностей, можно делать выводы об уровне правосознания, от которого в прямой зависимости находится осмысление человеком собственной государственно-гражданской идентичности как одного из важнейших выражений сущности ин-

ститута гражданства, обеспечивающего единение населения России, а также психологическую устойчивость в условиях тотальной информатизации общества.

Ссылки

1. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 2005. 574 с.
2. Малахов В. С. Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать // Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение: сборник статей / под ред. В. С. Малахова, А. Ф. Яковлевой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 4–30.
3. Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Т. 8, вып. 1. С. 6–15.
4. Дробижева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
5. Авакьян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 7–33.
6. Астафичев П. А. Свобода вероисповедания в контексте конституционных поправок от 2020 г.: к вопросу об институционализации сохранения памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога // Права человека: история, теория, практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Курск, 18 ноября 2020 г.). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 11–18.
7. Аристотель. Политика / [пер. с древнегреч. С. А. Жебелева]. М.: АСТ, 2020. 384 с.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 года № 1-ФКЗ).
9. Павликов С. Г., Громов Д. Н. Российское гражданство в контексте проблем «правовой гармонизации» постсоветского пространства // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 8. С. 39–41.
10. Зеланд В. Трансерфинг реальности. Ступень II: Шелест утренних звезд. СПб.: Весь, 2019. 224 с.
11. Шаповал В. А., Курдюкова В. Ю. Источники и приемы негативного информационно-психологического воздействия на сотрудников органов внутренних дел // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 октября 2020 года / под общ. ред. канд. психол. наук, доц. А. С. Душкина, д-ра пед. наук, проф., засл. раб. высш. шк. РФ Н. Ф. Гейжан. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 529–536.
12. Исаева Н. В. Предмет конституционного права в антропологическом контексте // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96). С. 148–158.